

Б. И. ЕСИН

**РУССКАЯ ГАЗЕТА
И ГАЗЕТНОЕ ДЕЛО
В РОССИИ**

-5

46

82-5
1446

Б. И. Есин

РУССКАЯ ГАЗЕТА И ГАЗЕТНОЕ ДЕЛО В РОССИИ

Задачи
и теоретико-методологические
принципы изучения

Зак?

Жу

Издательство
Московского университета
1981

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Рецензенты:

доктор филологических наук
Е.П.Прохоров,
кандидат филологических наук
И.К.Кременская

Есин Б.И.

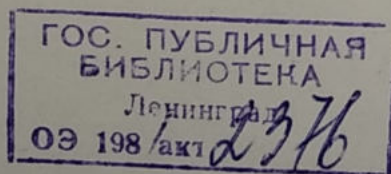
Русская газета и газетное дело в России (задачи и теоретико-методологические принципы изучения). М., Изд-во Моск. ун-та, 1981, 132 с.

Монография посвящена предпосылкам и методологическим принципам изучения русской дореволюционной газеты; аргументируется системный подход к изучению предмета, освещаются ленинские принципы критики русской буржуазной газеты.

Е $\frac{70202-165}{077(02)-81}$ 80-81 4502010000

81-88441

© Издательство Московского университета, 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

Газетная печать играет исключительно важную роль в системе современных средств массовой информации и пропаганды. Значение ее, несмотря на развитие радио и телевидения, до сих пор несоизмеримо ни с одним другим видом средств массовой коммуникации. Отсюда возникает естественный и особый интерес к прошлому газеты.

Настоящая работа не ставит своей целью изложение истории русских газет. Наше исследование посвящено задачам и теоретико-методологическим принципам и предпосылкам изучения русской дореволюционной газеты и газетного дела, каким оно вырисовывается в настоящее время. В задачу работы входило также выяснение некоторых типологических особенностей русской газеты и журналистики в связи с развитием газет, суммирование накопленного к настоящему времени в литературе материала о русской дореволюционной газете и путях ее исследования, усилий специалистов, работающих в этой области.

Мы хотели показать необходимость рассмотрения истории газет, их содержания в тесной связи с развитием службы информации, технической, экономической и некоторыми другими сторонами газетного производства. Такое исследование позволит углубить понимание всей русской журналистики, затронуть ряд теоретических проблем функционирования печати в классовом обществе, подготовить такой тип исследований истории русской журналистики, где эмпирический материал тесно увязан с теорией, современностью, практическими задачами советской журналистики, с борьбой против буржуазных концепций в области печати.

В работе получают освещение вопросы русской дореволюционной газеты, рассмотренные в трудах В.И.Ленина, намечаются актуальные задачи и пути изучения системы газет, типов ежедневных изданий, их классового содержания, условий существования, распространения, влияния на аудиторию и некоторых других компонентов.

Исследование должно стать предпосылкой более интенсивного и целенаправленного, результативного изучения газет и газетного дела, что, в свою очередь, позволит более верно осветить историю всей русской дореволюционной журналистики.

Несмотря на развитие историко-журналистской науки в послевоенный период, история газет и газетного дела в России остается наименее изученной проблемой прошлого отечественной

печати. По ряду объективных причин основное внимание исследователей отечественной прессы ХУШ-Х1Х вв. до сих пор уделяется истории ежемесячных журналов.

Причин этих несколько. Сама журналистская наука до середины 50-х годов была недостаточно развита. Долгое время историей журналистики занимались преимущественно литературоведы, а это обусловило активный интерес к журналам, где богаче, нежели в газетах, представлено литературное творчество крупных русских писателей и литературных критиков. Кроме того, история нашей печати ХУШ-Х1Х вв., за исключением "Колокола" и некоторых других нелегальных газет, не знала крупных демократических ежедневных изданий. Понятно, что внимание исследователей (в том числе и историков печати) прежде всего привлекали демократические журналы как наиболее интересный и благодарный материал для изучения и выводов.

Сейчас уже можно с уверенностью сказать, что такие журналы, как "Современник", "Отечественные записки", "Искра", "Русское слово", "Дело", "Народное дело", "Время", "Эпоха", "Вперед" и более ранние - "Московский телеграф", "Московский наблюдатель", сатирические журналы ХУШ в. и другие, общими и индивидуальными усилиями историков печати исследованы достаточно хорошо. Успешно трудятся над историей русских журналов в последнее десятилетие В.А.Алексеев, В.Г.Березина, В.Э.Боград, Л.Э. Варустин, Н.П.Емельянов, П.С.Карасев, Ф.Ф.Кузнецов, В.С.Нечаева, М.В.Теплинский, И.Г.Ямпольский и др.

Значительно меньше внимания уделяется газетной печати. Мы знаем ряд ценных исследований о "Колоколе", книгу А.И.Станько о газетах (преимущественно литературных) начала Х1Х в., несколько кандидатских диссертаций (Г.С.Лапшина, А.А.Роот, И.В.Столярова) и отдельные статьи и публикации, в значительной части написанные историками литературы и литературоведами (Е.Г.Бушканец, В.П.Вильчинский, П.С.Рейфман, Н.А.Степанов, В.В.Чубинский и др.).

В последнее время активизировалось изучение местной печати. Это важная область исследования. Без учета местной печати, в большинстве своем имевшей ежедневный характер, нельзя дать общую картину развития газетного дела в стране.

Прежде всего нужно назвать книги Б.А.Трубецкого "Из истории периодической печати Бессарабии. 1854-1916" (Кишинев, 1963), Т.Н.Федоровой "Общественно-политическая мысль в Белоруссии и "Минский листок" (1886-1902)" (Минск, 1966), И.Н.Никифорова "Зарождение чувашской революционно-демократической печати" (Чебоксары, 1971), брошюру Л.М.Сквирской "Краткий очерк истории журналистики на Дальнем Востоке в Х1Х - нач. ХХ в." (Владивосток, 1971), "Очерки истории печати Воронежского края 1798-1917" Г.В.Антюхина (Воронеж, 1973), коллективную монографию "Из истории журналистики Дона" (Ростов, 1977), статьи Х.С.Булацева, М.Е.Тикоцкого,

И.М.Юдиной и некоторые др. Подготовлено несколько диссертаций о русской газетной печати на Кавказе (Н.А.Махарадзе, Д.Л.Ватейшвили), о сибирских газетах 70-80-х годов XIX в. (Л.Л.Ермолинский) и др.

Тем не менее у нас нет исследований о дореволюционной местной печати, которая преимущественно была представлена газетами центральных областей России, Урала, Прибалтики, таких крупных городов, как Казань, Харьков, Одесса, Нижний Новгород, Тверь и мн. др.

Постепенно пополняется библиография местной печати. В 1963 г. вышел справочник "Периодическая печать дореволюционного Дона. 1841-1916"; появились такие региональные указатели, как книга Ю.В.Хоруева "109 голосов на Тереке" (1966), "Список саратовских периодических изданий", подготовленный Л.В.Гусевой (1969), "Указатель дальневосточной газетной периодики XIX века" (1970) и др.

Состояние библиографии местной периодической печати, ее дальнейшее развитие сделали возможным подготовить и защитить в 1972 г. кандидатскую диссертацию А.В.Суворовой "Библиография местной периодической печати (развитие, состояние, перспективы)".

Существенные стороны русской газетной печати затронуты в ряде работ советских историков. Прежде всего, нельзя пройти мимо исследований Б.П.Козьмина. Даже небольшие по объему лекции по истории русской журналистики XIX в., прочитанные в ВПШ при ЦК КПСС и изданные в 1948 г., являются ценным пособием для изучения истории газет, ибо не только содержат конкретные факты, но отличаются строгой методологией. Не меньший интерес представляют материалы, содержащиеся в его книгах "От 19 февраля к 1 марта" (М., 1963), "Русская секция Первого Интернационала" (М., 1957) и "Из истории революционной мысли в России" (М., 1961).

Для историков СССР, общественной мысли материал печати, газет, в частности, носит преимущественно источниковедческий характер, характер вспомогательного свидетельства исторических процессов. Тем не менее историки, обстоятельно аргументируя свои выводы, очень часто оперируют архивными документальными материалами, которые с трудом поддаются выявлению (сведения о субсидиях, секретная переписка по поводу направления и т.п.). К таким исследованиям надо отнести книги проф. П.А.Зайончковского "Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880-х годов" (М., 1964), "Российское самодержавие в конце XIX столетия" (М., 1970), монографию С.А.Никитина "Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-е годы XIX в." (М., 1970), исследование Б.С.Итенберга "Первый Интернационал и революционная Россия" (М., 1964), статьи В.Я.Лаверычева "Русские капиталисты и периодическая печать второй половины XIX в.", В.Г.Сироткина "Русская пресса

первой четверти XIX в. на иностранных языках как исторический источник" ("История СССР", 1972, № 1; 1976, № 4) и мн. др.

В этих работах выявляется роль печати в освободительном движении, в проведении правительственной политики (международной и внутренней), в формировании классов, партий и т.д. Но все они, естественно, не выделяют газеты в предмет особого исследования, а рассматривают всю печать в целом.

Известное значение в качестве источниковедческой базы сохраняют работы М.К.Лемке ("Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия", "Николаевские жандармы и литература", "Дума журналиста" и др.), В.А.Розенберга и В.Е.Якушкина.

И все же литература по истории русской газеты, и газетного дела по сравнению с объектом исследования незначительна и, главное, характеризуется отсутствием аналитических исследований.

В советское время почти не выходило работ обобщающего характера по истории русской газеты и тем более газетного дела¹. Можно указать лишь на книгу Н.С.Вертинского "Газета в России и СССР ХУП-XX вв." (М.-Л., 1931), значительно устаревшую по своей общей концепции, и ряд статей в двух томах "Очерков по истории русской журналистики и критики", изданных ЛГУ в 1950 и 1965 гг. Обычно в наши дни к русской газете XIX в. прибегают лишь для сопоставления отдельных фактов прошлого и настоящего (примером тому может служить постоянная рубрика "Сто лет назад" в газете "Неделя") или как к источнику справочного типа.

Не было и нет удовлетворительной статистики газетного дела (за исключением опытов Н.М.Лисовского), анализа бюджета газет, публикации архивов газет.

Здесь следует заметить, что все вышесказанное преимущественно относится к журналистике ХУШ-XIX вв. В изучении газет начала XX в. сделано значительно больше. Хорошо исследованы и обследуются многие легальные и нелегальные социал-демократические большевистские газеты. Для примера укажем коллективную работу "Большевистская печать. Краткие очерки истории 1894-1917" (М., 1962), книгу И.Кузнецова и А.Шумакова "Большевистская печать Москвы" (М., 1968), Л.З.Окорокова "Октябрь и крах русской буржуазной прессы" (М., 1970), исследование Л.Стрельцовой и В.Шведова "Большевистская легальная печать Петербурга в годы первой революции

¹ Естественно, мы не говорим о попытке восполнить этот пробел книгой автора "Русская дореволюционная газета. 1702-1917. Краткий очерк". М., 1971.

в России" (М., 1967), ряд ценных монографий, посвященных "Правде" и другим большевистским изданиям газетного типа.

Однако по-прежнему немаловажной остается проблема изучения всей системы газетной печати начала XX в.² Такое положение в изучении русской дореволюционной печати представляется неоправданным. Значение газет в разные периоды истории отечественной прессы, соотношение газет и журналов были неравнозначными. Чем ближе к концу XIX в., тем значительней становится роль ежедневных изданий, а XX в. показывает уже явное преимущество газет над журналами как орудия политической борьбы, как средства формирования общественного сознания. Но и в истории журналистики ХУШ – первой половины XIX в. газеты играли более важную роль в общественно-политической жизни, литературной борьбе, в развитии литературных жанров, чем принято было думать до сих пор. Пренебрегая газетами как таковыми, мы обедняем представление о литературном процессе и литературно-общественной борьбе всего XIX в.

Игнорировать роль ежедневной и еженедельной прессы в литературном процессе становится все труднее. Не случайно в новом 3-томном исследовании "Русская литература конца XIX – начала XX в." (М., 1968–1972) дается подробная летопись литературных событий, в которую широко включен материал, отразившийся в ежедневных газетах. Хотя подобная летопись не заменит исследования о значении ежедневной печати в развитии литературного процесса (это еще только материал для исследования), ее было бы полезно создать для всего XIX, а может быть и ХУШ в., а не только до 90–900-х годов.

Еще большее значение имеет газета в классовой борьбе, в формировании общественного мнения. Не отрицая важности исследования на материале печати, через печать истории развития общественной мысли в России, все же следует сказать: нужны целостные исследования, в которых журналистика рассматривалась бы прежде всего как средство массовой информации и пропаганды, причем не только как зафиксированный на бумаге процесс развития идей, общественной мысли, но и как вид творческой деятельности, метод познания действительности, как развитие целостной функциональной системы и ее составных частей.

² Под системой печати мы понимаем не просто сумму всех изданий с существующей между ними субординацией, а точное представление о всех типах периодических изданий данного времени, обеспечивающих полноту информации данного общества. Система печати – понятие историческое. Складывается оно под влиянием потребности в средствах управления, информации, пропаганды и агитации в обществе, зависит от технических возможностей, состояния читательской массы и развития самой журналистики как особой сферы человеческой деятельности.

Такая постановка не только обеспечит раскрытие роли печати в развитии общественной мысли, но и позволит изучить печать как самостоятельный феномен, указать на место в системе печати как отдельных конкретных изданий, так и типов изданий; даст возможность проследить развитие журнальных форм, процессы дифференциации журналистского труда, историю и специфику профессиональных амплуа журналистов, взаимосвязь печати самостоятельных культурных и экономических регионов, политику государства по отношению к газете, капитализацию печати, элементы трестирования, связь с читателем и мн. др.

Глава I

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ГАЗЕТ И ГАЗЕТНОГО ДЕЛА

История русской дореволюционной газеты насчитывает более 200 лет. Она возникла в начале ХУШ в. и практически перестала существовать в октябре 1917 г., уступив место ежедневной печати рабоче-крестьянского государства.

В настоящей работе, говоря о задачах и теоретико-методологических принципах изучения русской газеты, автор преимущественно будет иметь в виду газетные издания второй половины XIX в., поскольку после реформ 1860-х годов газетное дело в стране приняло особенно широкий размах, ежедневная пресса была представлена наибольшим числом изданий, неизменно возросла ее роль в системе печати.

Однако это не означает, что развитие газет и газетного дела в ХУШ и первой половине XIX в. не заслуживает внимания. Краткий обзор состояния изучения газетной печати в ХУШ — начале XIX в. и указание на некоторые прояснившиеся к настоящему времени задачи изучения газет ХУШ и первой половины XIX в., методологические трудности и сложности, подчас, впрочем, общие для любого периода, которые встречаются при изучении этого типа изданий, также найдут отражение в работе.

Газетная печать ХУШ и первой четверти XIX в. представлена весьма скромным числом изданий. Прежде всего, это петровские "Ведомости" (1702-1727), "Санктпетербургские ведомости" (с 1728 г.), "Московские ведомости" (с 1756 г.), "Северная почта" — первая газета XIX в., "Северная пчела", "Литературная газета", ряд других литературных и отраслевых изданий газетного типа, включая официальные губернские ведомости (с 30-х годов), а также газеты, издававшиеся в России на иностранных языках ("St.-Petersburger Zeitung", "Journal de St.-Peterburg", "Moskowsch Zeitung" и др.).

Ограниченное число названий газет не исключает их значительной роли в системе русской журналистики. Основная политическая событийная информация поступала все же преимущественно через газеты, хотя эта информация и была унифицирована в интересах господствующих классов.

Какие же задачи стоят перед историками газетной печати ХУШ – первой половины XIX в.? Какие главные методологические трудности ждут их на путях исследования?

Главное – не изучено реальное содержание многих газет, условия их издания, материально-техническая база, аудитория. Это общие проблемы для изучающих газету и газетное дело в России независимо от избранного времени, не исключаются они и для ХУШ в.

В учебной, учебно-научной и справочной литературе послевоенного времени сложилась своеобразная методика изучения отдельных газет: подробно рассматривается начало издания, а затем дается его обобщенно-суммарная оценка. И если газета выходила длительное время, несколько десятилетий, то такая характеристика, естественно, не отражает реального содержания отдельных периодов и всей истории издания. Так поступили с газетой "Московские ведомости" в 2-томной истории русской журналистики и критики, изданной ЛГУ в 1950, 1965 гг. Так представлены подчас и характеристики газет в справочнике "Русская периодическая печать. 1702-1894" (М., 1959)¹.

Из изданий ХУШ в. специальному монографическому исследованию подвергались только "Ведомости" Петра 1 и в значительно меньшей степени "Спб. ведомости" и "Московские ведомости". Общий обзор, сделанный на выборочном материале указанных выше газет, содержится в книге П.Н.Беркова "Журналистика ХУШ века" и первом томе "Истории русской журналистики и критики" (Л., 1950). Однако полной систематической истории даже двух последних газет в литературе нет. Наиболее всесторонне освещены два периода: период издания "Спб. ведомостей" во время М.В.Ломоносова (А.В.Западов) и "Московских ведомостей" во время аренды газеты Н.И.Новиковым (Г.П.Макагоненко). Но и здесь, как показывают частные исследования историков СССР (М.М.Штранге, О.В.Орлик и др.), значительный материал, связанный с освещением внутренних и международных проблем в русских газетах ХУШ в., не освоен, не получил толкования в системе средств информации ХУШ века и отдельных его десятилетий и более крупных периодов, обусловленных общностью исторических событий и фактов большого гражданского или военного значения: так, не раскрыта роль газет во время Турецкой войны, в годы крестьянских волнений, революционных событий в европейских странах и пр.

Монографическое исследование отдельных газет, их типологических групп, исследование сквозных проблем в освещении газетной печати – вот задачи, которые еще предстоит решать

¹ См. статьи, посвященные газетам: петровские "Ведомости", "Санктпетербургские ведомости", "Северная пчела", "Северная почта" и др.

газетной печати – вот задачи, которые еще предстоит решать историкам русской журналистики ХУШ в.

Но работа с полным комплектом газеты еще не обеспечивает достижения целей и уровня современного научного исследования: газеты ХУШ в. в наибольшей степени являются "закрытыми" для исследователя. В них не указывался редактор, часто отсутствовали сведения об авторах, тираже и пр. Иногда даже так называемая "внешняя история" газеты не выявляется до конца при самом внимательном изучении комплекта всех ее номеров. Необходимость большой атрибутивной работы тормозит создание хороших исследований газетной печати ХУШ в.

Говоря о ХУШ веке, надо остановиться на трудностях выявления источников, содержащих конкретные факты по истории газет и прежде всего их распространения, тиражей и общественного влияния. Еще П.Н.Берков во введении к книге "История русской журналистики ХУШ века" отмечал, что достаточно труден поиск материала для исследования журналистики ХУШ в., что сохранилось мало сведений о сотрудниках, редакторах, подписке таких изданий, как "Спб. ведомости", "Московские ведомости"², – главных газет того времени. "К числу серьезных трудностей фактического порядка, – признавался он, – относится установление тиражей газет и журналов" (с. 18).

Сам Берков собрал и систематизировал ценный материал по тиражированию и распространению газет ХУШ в. Отдельные номера петровских "Ведомостей" печатались в количестве 2000, 4000 экз. (№ 10 за 1703 г.), другие – в количестве не более двух сотен; В 20-е годы ХУШ в. они печатались в количестве не более 100 экз., а с № 2 за 1724 г. – всего 30 экз. Но лишь иногда сведения о тиражах конкретизируются в максимальной степени. Так, основной тираж № 3 "Ведомостей" за 1711 г., содержащего сведения о Прутском походе, включал 500 экз., отпечатанных церковно-славянским шрифтом, и 300 экз. – гражданским. Интерес к сведениям о походе был так велик, что возникла необходимость в дополнительном тираже: было отпечатано еще 200 экз. церковнославянским и 300 экз. гражданскими шрифтами (с. 46). И все же такие случаи являются скорее исключением, чем правилом. В основном же при определении тиражей приходится иметь дело с приблизительными, выборочными и округленными цифрами.

Точно так же обстоит дело и с показателями распространения, реализации тиражей петровских "Ведомостей". Социальный состав читателей не известен, документально не изучен. Мы знаем, что отдельные номера расходились целиком (частично

² См.: Берков П.Н. История русской журналистики ХУШ века. М.-Л., 1952, с. 17 (далее страницы указаны в тексте).

продавались, а частично раздавались бесплатно), а некоторые - в очень ограниченном количестве (например, № 4 за 1712 г. был продан всего в количестве 3 экз.).

Не лучше обстоит дело со статистикой, относящейся к производству и распространению "Спб. ведомостей" и "Московских ведомостей". Например, о "Московских ведомостях" известно, что в 1779 г. они печатались в количестве 600 экз., а при Н.И.Новикове, по свидетельству Н.М.Карамзина, их тираж доходил до 4000.

Тем не менее Берков с огорчением констатировал: тираж "Прибавлений к "Московским ведомостям", как и самих "Ведомостей", точно не известен (с. 423). Динамика тиражей, таким образом, на поддается изучению.

Ясно, что при таких скудных сведениях трудно говорить об эффективности газет, об их действенности, хотя в конечном счете - это самое главное для издателя. Берков указывал в своей книге: "Конечно, при почти сплошной неграмотности тогдашней России круг читателей "Ведомостей" не мог быть особенно широким, но именно этот грамотный, образованный читатель был ценен для Петра: с его помощью Петр мог действовать и на неграмотное население" (с. 45). Перейдя на гражданский шрифт (с № 2 за 1710 г.), царь продолжал снова часть приложений и часть тиража отдельных номеров печатать на церковнославянском языке, ибо определенная прослойка читателей обучалась грамоте именно по церковнославянскому алфавиту - "Часослову" и "Псалтыри".

Скудные сведения о профессиональных газетчиках ХУШ в. В качестве журналистов профессионалов в газете работали прежде всего чиновники посольского приказа и реже - других учреждений, а в "Спб. ведомостях" - академики и реже - литераторы. Как складывались представления о журналистской профессии, как шло разделение труда, как формировались основные амплуа журналистов - все это трудно восстановить именно в силу недостатка источников и слабости развития самой газетной печати ХУШ в.

Но задачи изучения газет ХУШ - начала Х1Х в. этими трудностями не исчерпываются. Особый отпечаток на газету указанного периода накладывает то обстоятельство, что газетная печать носила исключительно официозный характер. Это относится к петровским "Ведомостям", "Спб. ведомостям" (издание Академии наук), "Московским ведомостям" (издание Московского университета), "Северной почте" (издание департамента почт Министерства внутренних дел) и др. Наличие "частных" журналов сравнительно долго не имело аналогии в газетном деле.

Государственные интересы, понятые с точки зрения господствующего класса - дворян, становились важным регламентирующим началом в деятельности газетной печати. Оппозиционная линия с трудом находила формы выражения в газетах

(это и было одной из причин более широкого развития журналов).

При определенной широте информации (внутренняя и внешняя политика, технические устройства, культура и т.д.) правительство через издателей, состоящих у него на службе, публикацией, по словам Берекова, "именно данных сведений и именно в данном освещении как бы предписывало обществу заниматься обсуждением только определенных факторов, только данных событий и только в том направлении, которое указано... Такой ограниченный в интересах дворянства характер имела русская журналистика (и газета. — Б.Е.) довольно долго, даже тогда, когда появились новые периодические издания (Академии наук, Московского университета) ...Газеты... продолжали указывать читателям границы "подлежащего обсуждения" (с. 52). Поэтому критика самодержавия, крепостничества отсутствовала и в "Ведомостях" и в других, более поздних газетных изданиях ХУШ — первой четверти Х1Х в.

Такое обстоятельство первоначально определялось частично должностным положением журналистов, частично цензурным и полицейским надзором. Однако конкретные механизмы государственного регулирования жизнедеятельности газет применительно к ХУШ — началу Х1Х в. изучены все еще недостаточно. Не вскрыта роль отдельных министерств в определении воздействия на газетную печать, сравнительные и поощрительные санкции государственного аппарата.

Несколько лучше мы знаем последствия этого регулирования. А ведь подобное регулирование определяло не только содержание газетных изданий, но и типы изданий своего времени.

Тем не менее в ХУШ и начале Х1Х в. русская газета развивалась в условиях нарастания стихийной освободительной борьбы против феодализма и крепостничества (достаточно вспомнить пугачевское движение, деятельность Радищева). Оппозиционные настроения передовых представителей русского общества не могли не проникать на страницы печати газетного типа, и они проникали в виде параллелей, аналогий, широких просветительских рассуждений. Достаточно указать на издание "Московских ведомостей" при Новикове.

Однако существуют известные методологические трудности при изучении раннего периода в истории русской газеты (середина ХУШ — начало Х1Х в.). Идеальный анализ газет прежде всего осложняется расплывчатостью просветительских идей ХУШ в., которые проникали на страницы газет, глубокой маскировкой сущности высказываний, множеством иносказаний, а подчас просто робостью идей оппозиционности.

Где есть исстрадавшиеся народные массы, там есть и протест. Но этот протест может проявляться по-разному, в стихийных бунтах и организованной классовой борьбе. "А демократическое движение отличается от простого "бунта", — указывал

В.И.Ленин, — как раз тем, что оно идет под знаменем известных радикальных политических идей"³. В.И.Ленин не случайно начинает периодизацию истории освободительного движения в России с 1825 г., хотя до этого были и Новиков, и Крылов, и Фонвизин, и Радищев.

Дело в том, что В.И.Ленин строго различал в истории освободительного движения в России понятия "оппозиционность" и "борьба". Оппозиционность еще не борьба, не организованное революционное выступление. Радищев как революционер практически одинок. Да, он революционер, радикал, но без партии, без оформленной программы и поддержки значительной революционной группы.

Все остальные прогрессивные деятели—Новиков, Крылов, Фонвизин и др. — были лишь в оппозиции к самодержавию, т.е. они боролись за изменение положения народа, не отрицая института монархии, а подчас и крепостничества⁴. Такое толкование вытекает из всей общей концепции В.И.Ленина о развитии классовой борьбы освободительного движения в России. Декабристы и Герцен были первыми революционерами, которые пытались сорганизоваться и предъявить самодержавному правительству ф о р м а л ь н ы е требования. В этом их отличие от оппозиционных (часто либеральных) деятелей прошлого, да и последующего поколения.

О "формальных требованиях" к самодержавию как необходимом качестве революционной борьбы В.И.Ленин говорил в статье "Попятное направление в русской социал-демократии". Он подчеркивал, что русские либералы "никогда не соорганизовывали революционной партии для борьбы за ниспровержение самодержавия, хотя они всегда могли и могут найти для этого и материальные средства и заграничных представителей русского либерализма <... Н.Г.Чернышевский именно потому и высмеивал беспощадно "передовые слои русского общества", что они не понимали необходимости формальных требований правительству и безучастно смотрели на гибель революционеров из их среды под ударами самодержавного правительства"⁵. И хотя это говорилось о XIX в., мы можем распространить данное положение и на более раннее время.

Таким образом для ХУШ в. речь может идти только об элементах оппозиционности в газетах, не более. В редких случаях в аналогиях с европейскими революционными событиями

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 19, с. 171.

⁴ Не случайно Н.А.Добролюбов, положительно и высоко оценивая сатиру Новикова, все же отмечал ее социальную ограниченность (см. ст. Добролюбова "Русские сатиры в век Екатерины и др.).

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 258-259.

того времени можно усмотреть косвенное желание пропаганды революции в России⁶. Борьба идей, особенно революционных, в русской газетной печати была весьма сильно приглушена даже по сравнению со всей журналистикой, поскольку оппозиционная газетная печать была ограничена с самого начала, как бы сублимирована, а потому и полюса борьбы здесь еще менее ощутимы.

Внимательно следует отнестись и к функциональным особенностям газет ХУШ в. Кроме информационной, пропагандистской они выполняли еще и культурно-просветительную функцию, не столько в силу особого характера самой печати, сколько в силу состояния общества, аудитории того времени. Печатное слово, часто независимо от его содержания, несло в себе просвещение.

Недаром Берков, рассуждая о характере первых периодических изданий ХУШ в., отмечал: "...ограниченный в интересах дворянства характер имела русская журналистика довольно долго, даже тогда, когда появились новые периодические издания (Академии наук, Московского университета), ставившие себе уже не информационные, а просветительские и воспитательные цели" (с. 52). Это опять-таки связано с тем обстоятельством, что пресса в начале своего развития является не только идеологическим, политическим институтом, но и фактом национальной культуры. Да и сама идеологическая функция немыслима без определенного уровня культуры, грамотности населения, особенно когда эта культура еще только формируется.

В связи с изучением первых шагов русской газетной печати чрезвычайно важным и интересным представляется анализ состояния русской публицистики к моменту издания первой печатной газеты в России. Здесь следует иметь в виду то обстоятельство, что для русской публицистики характерно более длительное развитие, чем для русской периодической печати. Это важно и интересно прежде всего потому, что в литературе еще не было прослежено соотношение публицистического уровня материалов первой русской газеты с образами устной и письменной, в частности проповеднической, публицистики, достигшей весьма высокого уровня в ХУ1-ХУП вв.

В какой связи находятся материалы первых газет и публицистическая традиция, а также традиция ораторской, деловой письменной речи; когда, в каких условиях усваивается журналистикой публицистическое наследие, почему русская газетная печать в большей степени использовала достижения стилей деловой речи, а не художественно-публицистической - вот

⁶ П.И.Пестель в своих "Показаниях" отметил республиканский характер материалов газет в связи с событиями в САСШ (Избранные социально-политические и философские произведения декабристов, т. 2. М., 1951, с. 166.

предмет исследований, выработки методических и методологических принципов такого исследования.

Изучение первых шагов русской газеты требует исследования предпосылок ее возникновения, которые содержатся в экономической жизни общества и в политической ситуации, в состоянии читательской аудитории и в материально-технических условиях производства газет. При этом здесь следует строго ограничивать рукописные сводки новостей ("Куранты") от собственно печатной газеты. О газете как таковой, а не о ее предпосылках следует говорить именно с момента размножения новостей с помощью печатного станка, т.е. в связи с тиражированием на промышленной машинной основе.

Требует дальнейшего углубленного осмысления сам факт господства журнала как типа периодического издания над газетой в ХУШ – первой половине ХІХ в.; хотя эта проблема, как мы покажем в ходе изложения, уже решается, она еще не отражена в достаточной степени в учебной литературе.

Связь газеты (вообще периодической прессы) с определенным уровнем социально-экономического развития общества, с формированием высокоорганизованных общественных формаций, в частности с капиталистическим способом производства, возникающим в недрах феодализма, или хотя бы с его элементами, должна быть особенно подчеркнута, и не только подчеркнута, но и прослежена во всех ее конкретных проявлениях. При этом печать играет в этом процессе двоякую роль: "Подобно тому, как изобретение книгопечатания явилось, – справедливо пишет Берков, – необходимой предпосылкой буржуазного развития, так и периодическая пресса стала одним из фактов и факторов роста капиталистического общества" (с. 23).

Но это положение, верное для понимания зарождения и быстрого развития каждой национальной прессы, еще более важно для понимания того, что с совершенствованием и дальнейшим развитием общественных формаций, переходом к общественным формациям более высокого типа – социализму и коммунизму, печать и вообще средства массовой информации и пропаганды получают все больший простор, все более благоприятные условия и перспективу развития и функционирования прежде всего по отношению к основной массе населения – народу.

х х
х

Казалось бы, несколько лучше обстоит дело с описанием и анализом содержания газетной печати начала ХІХ в. Здесь помимо общих современных пособий типа "Очерков русской журналистики и критики" и ряда работ по "Литературной газете" Дельвига-Пушкина имеется монография А.И.Станько "Русская газета первой половины ХІХ в." (Ростов, 1969). Однако она ограничена

подзаголовком и задачей – рассмотреть преимущественно газету литературную, а этот тип изданий, при всем значении именно для первой половины XIX в., не исчерпывает всей системы газетной печати, в чем признается и сам автор.

Кроме того, во всех названных книгах не рассматривается так называемая история газетного дела, т.е. экономические, технические и некоторые другие стороны журналистики, аудиторная обусловленность газетной печати. В них исследуются главным образом факты литературного развития и общественной борьбы, факты развития истории общественно-литературной и эстетической мысли, но не более, хотя и эта работа далеко не окончена по всем изданиям.

Совершенно не исследованы справочная, отраслевая газета, печать на европейских языках, издававшаяся в России. Общее число газетных изданий на иностранных языках в первой четверти XIX в. превышало 10 названий⁷. Рассматривая эти газеты как исторический источник, В.Г.Сироткин привел интересные соображения о роли подобных газет в идейно-политической жизни начала XIX в. Подчас эти издания отличались более острой, откровенной постановкой социально-политических проблем. Но вместе с тем в них был и элемент социальной демагогии, поскольку они были ориентированы на западноевропейское общественное мнение. В целом эта проблема не решена ни для ХУШ (первая газета на иностранном языке стала выходить в 1727 г.), ни для XIX вв. Имеется лишь одно дореволюционное монографическое исследование Карла Ейххорна о немецком издании "Спб. ведомостей", вышедшие в 1902 г.

Само понятие системы печати редко вводится в научное изложение прошлого отечественной журналистики. Под системой печати мы имеем в виду всю совокупность периодических изданий страны определенного времени. Газетная печать, таким образом, может быть понята как часть общей системы печати, как ее подсистема и как самостоятельная система. Еще более детальное деление предполагает выделение региональных систем печати, газет в частности. Причем когда мы говорим о системе печати применительно к прошлому, ХУШ–XIX вв., то имеем в виду не сознательно организованную, субординированную определенным образом сеть периодических изданий, а в значительной степени стихийно сложившуюся (как и хозяйство капиталистической формации) сумму идейно-пропагандистских изданий, исходя из потребности аудитории, из необходимости удовлетворить информационные интересы данного общества и его различных групп данного времени. И здесь печать проявляет еще раз ту

⁷ См.: Сироткин В.Г. Русская пресса первой четверти XIX века на иностранных языках. – "История СССР", 1976, № 4.

свою особенность, которая непосредственно связана с ее базисным характером. В дореволюционной России антинародная политика царского правительства влияла на формирование системы печати (в сторону искажения чистоты картины), но не более. Часть изданий возникла вопреки намерениям царизма: главным фактором в развитии системы является общественная, классовая потребность, которая и определяет, диктует развитие средств массовой информации и пропаганды.

Страна, живущая в условиях натурального хозяйства, практически не нуждается в ежедневной периодической печати, хотя именно формирование в лоне феодальной формации буржуазных отношений и подталкивало развитие печати, в частности газетной.

Политические виды централизованного, бюрократического правительственного аппарата и буржуазная потребность частного предпринимательства – вот две неравнодействующие силы, влиявшие на развитие газет и в ХУШ, и в начале ХІХ в. Причем первая практически не менялась, вторая усиливалась. Видеть это противостояние, которое именно в газетном деле никогда не доходило до прямого и острого конфликта, очень важно, ибо лозунг "свободы печати" в его точном буржуазном значении в России прозвучит сравнительно поздно⁸.

Плохо изучены скрытые механизмы управления газетной прессой начала ХІХ в. (так же, как и ХУІІІ в.). Самодержавное правительство полностью сохраняло бюрократический надзор, контроль за прессой, особенно газетной. Этот надзор распространялся до такой степени, что даже элементарные (необходимые для нормального существования печати) буржуазные принципы коммерческой печати, буржуазные новшества встречались с недоверием, им противились чиновники государственного аппарата. Например, обычные для западноевропейских издателей меры по созданию массовой аудитории (реклама, иллюстрации, юмористика) встречали в России со стороны администрации недоверие, часто – противодействие, особенно, когда дело касалось газет, более доступных и по типу и по цене менее состоятельным читателям, чем журналы.

Правительство, осознавая роль газеты как более массового вида изданий, предпринимало меры, чтобы любая вновь организованная газета была рупором, проводником (открыто или скрыто) политики правительства ("Северная пчела" и др.). Однако полностью механизм давления на прессу, и газету особенно, в нашей литературе, за исключением анализа деятельности царской

⁸ В России лозунг "свободы печати" долго сводился к лозунгу "свободы от цензуры", но цензура была только одним из слагаемых в арсенале средств воздействия правительства на печать.

цензуры, не выявлен. Факты и формы экономической поддержки (кредит, субсидии, подписка и пр.) и факты экономического под-
рыва (лишение кредита, денежный ценз, конкуренция, почтовый
тариф и пр.) печати не нашли **полного** освещения и систематиза-
ции. Роль отдельных министерств: внутренних дел, иностранных
дел, финансов, министерства двора и других – не изучена. Льгот-
ный почтовый тариф, аренда как специфическая форма регулиро-
вания процессов развития печати – не проанализированы, факты
и цифры – не собраны. Не осмыслена система арендаторства как
способ управления прессой не только в ХУШ, но и в Х1Х в.

Конечно, в начале Х1Х в. административные формы регули-
рования, ограничения свободы печати господствовали, но и эконо-
мические факторы (цены на бумагу, оборудование, средства,
затраченные на сбор информации в связи с ростом газет, и т.д.)
играли уже не последнюю роль. В этих условиях необходимо
оценивать борьбу, которую вела пресса за более свободное раз-
витие, и стремление к осуществлению некоторых буржуазных
принципов, критику бюрократии не возводить в ранг борьбы за
демократические принципы и права.

В этом отношении интересно проследить развитие лозунга
"свободы печати" в России. Этот лозунг в его буржуазном
истолковании русские предприниматели от журналистики, как мы
уже сказали, выдвинули сравнительно поздно. Попытка славяно-
филов, братьев И.С. и К.С. Аксаковых, поставить этот вопрос в
50-е годы окончилась неудачей.

А.И. Герцен, который провозгласил лозунг "свободы печати"
в "Полярной звезде" и "Колоколе", вкладывал в него револю-
ционный смысл и содержание: он имел в виду свободу печати
не для буржуазии, а для народа. А такие представители русской
буржуазии, как Трубников, Краевский и другие, лозунг "свободы
печати" стали употреблять лишь во второй половине Х1Х в., да
и то сначала в официальных прошениях, а не в публичных выступ-
лениях.

Не только внутренние закономерности развития печати, но
и все упомянутые меры государственно-административного рег-
ламентирования не могли не влиять на формирование типов га-
зетных изданий в начале Х1Х в.

ХУШ век не дал сложившегося типа ежедневных изданий,
кроме ясно выраженного типа газеты по издателю – официальной
газеты политических новостей. Для ХУШ века практически су-
жается до минимума характеристика газет по направлению, изда-
телю и даже аудитории, поскольку все газеты были официозными.
Не было газет для различных сословий, для отдельных групп
населения. Фактически не было деления газет и по нап-
равлениям. Отсутствовала полемика: идеологическая борьба
проходила менее всего на страницах ежедневной прессы.
Не сложились, слабо дифференцировались и функции сотруд-
ников.

Анализируя газетную печать начала XIX в., следует зафиксировать процесс формирования новых типов газет, хотя их дифференциация все еще сильно зависима от общего состояния экономики страны и реакционной правительственной политики.

В первой четверти XIX в. наиболее значительные события в газетном мире были связаны с развитием отраслевых и справочных изданий газетного типа на основах частного предпринимательства. Широкую популярность завоевали литературные газеты (хотя этот тип можно считать разновидностью отраслевой печати), и довольно-таки долго не было экономических, развернутых коммерческих газет. Если и возникали подобные издания, то попытки их выпуска не приводили к успеху: они прекращали свое существование.

Более интенсивно проходит дифференциация газет по типам в 30-е годы. Не случайно исследователь газет начала века А.И.Станько уже выделяет три основных типа газет: литературные, общественно-политические, сохраняющие официозный характер, и специальные, преимущественно отраслевые. При этом общественно-политическое значение сохраняют в основном первые две группы.

Постепенно складывался национальный тип общественно-политической 4-полосной ежедневной газеты с литературным и справочным отделами в ней. Закрепляется профессионализация газетного журналиста. Совершенствуются функции газетной печати. Продолжается дифференциация литературного газетного труда. Медленно накапливаются и наследуются в журналистской практике продуктивные приемы, рациональные методы работы журналиста-газетчика различного профиля (амплуа).

История развития методов деятельности газетных работников-профессионалов различного амплуа (обозреватель, рецензент, собственный корреспондент, хроникер определенной тематики и т.д.) в литературе пока что не выявлена.

В исследованиях о современных методах работы журналиста практически не встречается исторического очерка, предыстории того или иного вида дифференцированной деятельности журналиста. И это не случайно: велики трудности выявления источников на эту тему. Но в научных и дидактических целях обучения молодежи поиски подобных материалов и следов эволюции очень существенны.

В изучении газет первой половины XIX в. все еще стоит задача описания, конкретного изучения содержания основных общественно-политических газет. А поскольку их становилось все больше, то и значение этой работы возрастает с каждым десятилетием. Ярким примером таких наименее изученных газет является "Русский инвалид" — одно из наиболее распространенных изданий XIX в.

По-прежнему мало выявлено и введено в научный оборот фактических данных о тиражах, распространении, материальной базе

газет и газетного производства, о финансовой стороне издательского дела и др.

Две — три тысячи подписчиков уже свидетельствовали об известном успехе издания. Предельные тиражи газет к концу 40-х — началу 50-х годов исчислялись 8–9 тысячами. В качестве высоких тиражей можно привести следующие цифры:

"Северная почта" в 1819 г. имела 5 418 экз.,

"Русский инвалид" в 1821 г. — 4 000 экз.,

"Московские ведомости" в 1847 г. — 9 000 экз.

Но, повторяем, подобных сведений пока собрано мало: проследить динамику тиражей хотя бы одной газеты за все время ее существования — мечта историка.

В первой половине XIX в. складываются отдельные центры провинциальной печати: Казань, Астрахань, Тбилиси, Одесса, где наряду с официальными ведомостями издаются частные издания газетного типа. Пока исследованием таких центров региональной печати охвачены, как мы уже отмечали во введении, лишь отдельные местности России, Закавказье и некоторые др. А ведь провинциальная печать — это главным образом газетная печать.

Не сложился еще и эталонный тип регионального исследования, хотя его основные параметры выяснены. Этому способствовал ряд конференций по проблемам изучения местной печати, проведенных на базе Воронежского и Ростовского университетов. Однако до сих пор не принята общая программа изучения газет, хотя она и была разработана в 1969 г.

Мало сделано по ретроспективному изучению аудитории начала XIX в., систематизации источников, разработке методов выявления сведений о читателях прошлого. Сейчас можно указать на две группы источников: прямые и косвенные. К первым следует отнести: суждения самих журналистов об аудитории, письма современников, воспоминания, отклики прессы, архивы цензуры и других органов надзора и сыска, инструкции и циркуляры отдельных ведомств (министерства просвещения, военного и др.), "почтовый ящик", сведения с подписки. Ко вторым — само содержание печатного органа, сведения о тиражах и распространении издания, состояние общества (сословное, классовое, образовательное, имущественное и т.д.). Кроме того, дополнительную информацию дают целевая направленность издания, характер верстки, шрифтов, иллюстраций и т.д.

Целевая аудиторная направленность издания иногда очень верно указывает на суммарного (но не персонального) читателя, хотя и нуждается в проверке по другим источникам. Целевые задачи газет могут очертить их суммарного читателя ("Русский инвалид", "Театральная летопись"), но лишь в известной степени. Целевая направленность издания, как и тиражи, не может точно характеризовать читательскую среду издания. Поскольку газет было недостаточно, то каждая из них находила подписчиков и покупателей даже среди лиц, недовольных их содержанием и на-

правлением. Это положение было как бы запрограммировано правительством для лучшей обработки общественного сознания. Так, в 20-30-е годы "Северную пчелу" выписывали все, хотя и не все разделяли ее позиции.

Разумеется, исследование читательской аудитории должно быть системным, перекрестным. Один источник корректирует другой, который, в свою очередь, корректирует первый, исходный. Самым сложным является умение по содержанию издания реконструировать аудиторию газет.

Особого внимания заслуживает оценка идеологического содержания газет первой половины XIX в. Дифференциация классовых целей, стремлений начинает получать отражение в газетной периодике с 30-х годов. Прежде всего это сказалось на появлении органов либеральной направленности. Идеи оппозиции главным образом проникают в газетную печать через литературно-общественную проблематику.

В 40-е годы известное оживление, усиление социальной направленности частных газет складывается за счет разработки экономических вопросов и порицаний, впрочем весьма умеренных, чаще под видом научной разработки, феодализма, крепостничества. Это сказалось на "Русском инвалиде" А.А.Краевского и А.И.Плещеева и "Московских ведомостях", в 1843 г. перешедших под заведование Е.Ф.Корша.

Слабая классовая расчлененность прогрессивной идеологии (либерализм и демократизм) приблизительно до 40-х годов составляет известную трудность и опасность для исследователя к завышению позиций отдельных выступлений газет или их позиций в целом. В XIX в. демократическая общественность так и не смогла получить в свои руки ни одной легальной газеты. Тем важнее выступление демократов в газетах либерального характера. Общественное сознание питалось и такими случайными материалами и усваивало их в условиях обострения классовой борьбы 40-х годов очень жадно, но это не меняло характера газет. В это время мы можем говорить уже о двух направлениях (не отдельных случаях проявления) в русской газете: самодержавно-монархическом и либеральном. Появление частных газет вслед за "Северной пчелой" сделало фактически возможным такое деление газет по направлению.

В газетной печати отражается попытка смягчить остроту социальных противоречий, преодолеть застой в общественной и экономической жизни страны. Причем мотивы были весьма разные. Одни стремились к общественным преобразованиям из-за корыстных соображений: повышение производительности труда, боязнь новой пугачевщины, другие - исходя из представлений гуманизма, желания защитить человеческое достоинство, ускорить прогресс, развитие более "естественного" хода цивилизации, производительных сил, рост благосостояния, увеличение национального богатства на путях буржуазных преобразований. Эта

вторая точка зрения имела ряд оттенков — от прямого буржуазного апологетизма до славянофильства. Но была и третья точка зрения, доступная лишь немногим, самым сильным умам, — революционно-демократическая, представленная в прошлом Радищева, декабристов, дворянскими революционерами, Герценом, Огаревым, первыми революционными разночинцами. Их точка зрения могла получить адекватное выражение печати только в бесцензурной газете после создания Герценом вольной типографии в Лондоне.

Не менее важным становится отношение к западноевропейским порядкам. Русские общественные деятели постоянно проверяли свои представления о путях социального прогресса России опытом европейского развития. Положительное отношение к буржуазно-демократическим европейским институтам и порядкам еще не говорит об общей прогрессивной позиции газеты и ее авторов, и наоборот, критическое порицание буржуазного порядка necessarily связано с защитой консервативных начал самодержавия. Самая гуманистическая прогрессивная позиция оказалась у людей, разделяющих революционно-демократические убеждения, идеи социализма, а не славянофилов или либералов, и определялась она глубоким усвоением идей философской диалектики, непримиримостью к институту крепостничества и частной собственности.

И все же главные трудности ожидают исследователя в анализе содержания газет после окончания Крымской войны, особенно после проведения крестьянской реформы, предопределившей переход России на капиталистический путь развития.

Трудности эти связаны с ростом общего числа газетных изданий и их типов, со сложностью их идейного содержания, вернее, их политической направленности.

х х
х

Буржуазный характер реформ 60-х годов дал небывалый толчок развитию газетного дела в России. С развитием капитализма, приобщением к различным областям деятельности новых слоев населения, с ростом городов появился и новый массовый читатель — купцы, приказчики, мелкие служащие, люди свободных профессий, ремесленники, извозчики, городская прислуга и пр. Возрастает темп жизни, обходиться сведениями о политической жизни из журналов становится все трудней. В этих условиях все большее значение приобретает ежедневная печать, особенно частная. Правительственная казенная печать не могла удовлетворить повысившиеся читательские интересы и обслужить различные общественные слои и группировки.

Правительство вынуждено было пойти на расширение рамок частного газетного предпринимательства, что и было зафиксировано во

"Временных правилах о печати" 1865 г. Очевидным фактом становится капитализация газетной прессы. С увеличением читателей, при росте сумм подписки, розницы, доходов от рекламы к газетному делу потянулись дельцы, предприниматели, люди коммерческой складки, отнюдь не литераторы – купцы, банкиры, чиновники. О росте числа газет в 60–70-е годы говорят следующие цифры: в 1860 г. их было 15 (не считая губернских ведомостей, справочных и церковных газет), в 1861 г. – 20, в 1865 г. в стране издавалось 28 газет, а в 1870 г. их стало 36 – в два с лишним раза больше, чем в 1860 г. Правда, многие издания были недолговечными, но общий значительный рост числа газет несомненен.

В последующие десятилетия число газет росло в еще большей степени. В 1881 г. мы имели уже 83, а в 1895 г. – 93 ежедневных издания общественно-политического характера.

Приступая к специальному исследованию газет и газетного дела, прежде всего истории газетной периодики второй половины XIX в., необходимо дать четкую характеристику идейного содержания всех звеньев, всех ее органов. "...Надо знать не только и даже не столько названия разных органов печати... а содержание, характер, идейную линию..."⁹, – писал В.И. Ленин в статье "Из прошлого рабочей печати в России", рассматривая идейную линию разных частей социал-демократии 1894–1914 гг. Методологически это положение правомерно распространяется историками журналистики и на более ранние периоды, когда аналогично 90–900-м годам названия периодических органов не давали ясного представления об их направлении.

Решение этой проблемы связано с ясным пониманием расстановки классовых сил в стране в каждый конкретный исторический период.

Опираясь на ленинскую концепцию прошлого русской общедемократической печати и культуры, советская журналистская наука успешно решает вопросы идейного содержания как отдельных изданий, так и всей печати прошлого. Честное, добросовестное выявление реальной (а не декларативной) программы, идейной линии любого издания позволяет безошибочно определить его место среди печатных органов основных политических направлений. И лишь невнимательность или излишняя увлеченность исследователя "своим" изданием может привести к неточности, ошибке. И пожалуй, самая большая опасность, подстерегающая исследователя, – в завышении оценок, невольном подтягивании либеральной печати до демократической, демократической – до революционно-демократической, в смешении понятия оппозиционности и подлинной революционности. Это относится и к журналистике ХУШ – начала XIX в., но особенно к периодической

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 97.

печати второй половины XIX в., тому ее периоду, который совпадает с буржуазно-демократическим этапом русского освободительного движения. Причем для второй половины XIX в. эти трудности-наиболее существенными.

Во второй половине XIX в. вся русская журналистика была представлена тремя основными направлениями: буржуазно-демократическим, либерально-буржуазным и охранительно-монархическим¹⁰.

Демократический отряд печати был заявлен наименьшим, но для нас наиболее важным числом периодических изданий. Прежде всего, это "Современник" и "Русское слово", затем "Отечественные записки" под редакцией Некрасова и Салтыкова-Щедрина, "Дело", журнал "Книжный вестник" периода редакторства Н.Курочкина, еженедельная газета "Неделя" 1868-1872 гг., сатирический журнал "Искра", нелегальная печать революционных народников.

К либерально-буржуазной журналистике надо отнести "Вестник Европы", "Северный вестник", "Русскую мысль" (хотя в последних двух временах наблюдалось сочетание как либерально-буржуазных, так и буржуазно-демократических тенденций) и абсолютное большинство газет, не исключая и провинциальных. Сюда же отнесем и славянофильскую печать.

Охранительно-монархическое направление было представлено "Русским вестником", "Гражданином", "Московскими ведомостями", "Домашней беседой", "Правительственным вестником" и др.

В наиболее чистом виде в печати выявлялась монархическая линия. Ее мнения благодаря усилиям М.Н.Каткова и В.П.Мещерского были очень определенными: защита монархии, помещичье-дворянских интересов, подавление всяких проявлений оппозиции и демократии, домостроевщина в семейных отношениях, консерватизм в просвещении и т.д. и т.п. Линия эта проводилась весьма откровенно и последовательно.

Только в середине 80-х годов представители самодержавно-монархической идеологии начали смыкаться с либерально-буржуазными изданиями в защите экономических мер буржуазного характера. Например, "Московские ведомости" Каткова поддерживали учредителей банков, промышленников, а сам

¹⁰ Это не означает, что не было промежуточных форм, что отдельные конкретные издания не совмещали в своих программах принципов монархизма и буржуазности или буржуазности и монархизма, демократии и буржуазности. В пестрой картине газетной и журнальной периодики самодержавной страны такие явления были.

издатель регулярно получал субсидии от банковского и промышленного капиталов¹¹.

Что касается изданий либерально-буржуазных и буржуазно-демократических, то здесь уже с конца 60-х годов можно наблюдать смешение программных принципов. Так, демократические "Отечественные записки" в силу трудностей формирования состава участников, цензурных придирок, идейных колебаний отдельных сотрудников и других причин не были гарантированы от проникновения реформаторских, либерально-буржуазных материалов (статьи Шассена, Южакова, Лесевича, Исаева, Воронцова)¹². Но, пожалуй, особенно ослабленным оказался демократизм "Русского богатства" второй народнической редакции (1892-1918).

Нечеткость программы, эклектизм, причудливое сочетание некоторых принципов народнической демократии и буржуазного индивидуализма отмечали уже современники в "Русской мысли". Однако это обстоятельство, известная пестрота материалов, не приводит к размыванию основного идейного направления изданий, и мы совершенно четко относим "Отечественные записки", "Дело" к демократическому лагерю, а "Русскую мысль" — к либерально-буржуазному с постепенной тенденцией перестройки в кадетствующий орган.

Демократическую журналистику второй половины XIX в. характеризует прежде всего отрицательное отношение к самодержавию, монархическим формам государственного строя. На этой позиции стояли "Отечественные записки", "Дело", "Искра", "Неделя" 1868-1872 гг. Особенно ярко эти антимонархические взгляды были выражены в публицистике М.Е.Салтыкова-Щедрина

¹¹ А.А.Половцев в дневнике приводит сведения о том, что директор Московского поземельного банка Лазарь Соломонович Поляков ежегодно платил Каткову "за его статьи" в "Московских ведомостях" 35 тыс. руб., в воспоминаниях Б.Н.Чичерина "Москва сороковых годов" также указывается на добровольные приношения Полякова Каткову. Кроме того, Катков имел доход от учреждения Моршанско-Сызранской линии железных дорог (см.: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 73).

¹² Поэтому приходится очень осторожно применять термин "революционно-демократическое направление" к легальной журналистике второй половины XIX в., хотя характеристика таких деятелей печати, как Некрасов, Салтыков-Щедрин, Шелгунов, требует именно таких оценок, таких формулировок. Ни один легальный демократический журнал или газета в это время не ставили вопроса о непосредственном революционном перевороте. И наоборот, широко можно вести речь о буржуазно-демократическом содержании и направлении изданий.

Н.В.Шелгунова, П.Л.Лаврова и др. Журналы и газета, в которых они сотрудничали, восторженно встретили сообщение о свержении монархии во Франции в 1870 г.

"ВО ФРАНЦИИ ПРОВОЗГЛАШЕНА РЕСПУБЛИКА!" — было напечатано крупным шрифтом как лозунг во всю ширину последней чистой страницы восьмого номера журнала "Дело". "Да здравствует Франция!" — называлась статья, посвященная свержению монархического режима во Франции, в газете "Неделя". В обоих изданиях пример Франции был назван поучительным для других народов. Сочувственно встретили все демократические издания события Парижской Коммуны.

Демократическая журналистика поддерживала любые революционные формы борьбы против абсолютизма, отрицала как внутреннюю, так и внешнюю политику самодержавия. Цензура справедливо относилась "Отечественные записки", "Дело", "Искру", "Неделю" конца 60-х годов к изданиям, которые "желают изменения самих основ общественного быта и государственного управления"¹³.

Позиция либеральной печати по вопросу об отношении к монархии была иной. Все либеральные публицисты вершиной своего политического радикализма считали ограничение монархии в России конституцией. Самым "радикальным" здесь был В.Гольцев, но и он свои конституционные стремления выразил, скрывшись под псевдонимом в заграничной прессе. Газеты "Русские ведомости", "Страна", журнал "Вестник Европы" постоянно придерживались конституционной программы, боясь, однако, употребить само слово "конституция" на своих страницах. Они критиковали крайности самодержавного строя, но еще горячее осуждали революционные методы борьбы с самодержавием, называя русских социалистов-революционеров в 1881 г. "политическими убийцами"¹⁴.

Демократическая печать остро ставила крестьянский вопрос. Прежде всего она резко отрицательно оценивала реформу 1861 г. Издевательски писал о реформе Салтыков-Щедрин: "Думали... достигнуть результата вполне ясного и определенного", а "получили шиш"¹⁵. Журнал "Дело" всеми доступными средствами внушал читателям, что реформа не облегчила положения крестьян, что она была проведена в интересах помещиков (Шелгунов, Ткачев, Берви-Флеровский). Пережитки крепостничества (малоземелье, налоги, сословная неправопорядок), которые тормозили развитие промышленности, культуры и не да-

¹³ ЦГИА СССР. Отчет Главного управления по делам печати, 1870, ф. 776, оп. 4, № 264, л. 35.

¹⁴ "Вестник Европы", 1881, № 4.

¹⁵ Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. в 20-ти т., т. 7. Л., 1935, с. 169.

вали выбиться из нужды массам крестьян, постоянно подчеркивались как "Отечественными записками", так и "Делом".

Пути улучшения демократы видели в коренной перестройке всей русской жизни на началах социализма, считая передачу всей земли крестьянам, при наличии политической свободы, социалистической мерой. Не так к решению проблемы подходила либеральная пресса. Довольно часто по крестьянскому вопросу выступал, например, "Вестник Европы". Журнал высоко оценивал реформы 1860-х годов и был лишь против их бюрократических искажений в последующие годы. Он признавал крестьянское малоземелье фактом, относил вопрос о наделах к числу "жгучих современных вопросов"¹⁶, но решить крестьянский вопрос предлагал, используя полумеры вполне буржуазного характера, защищая мелкий земельный кредит, законодательное увеличение наделов там, где они чрезмерно малы, уменьшение платежей, активизацию земской деятельности, просвещение.

Признавали тяжелое положение крестьян "Спб. ведомости" и "Русские ведомости". Но законодательное увеличение крестьянских наделов, снятие недоимок было пределом их программ по крестьянскому вопросу.

В журналистике второй половины XIX в. все больше и больше места занимает рабочий вопрос. И здесь, несмотря на то что ни одному из изданий не удалось выработать научный взгляд на рабочее движение, заметна существенная разница в постановке проблемы демократической и либеральной прессой.

В 60-70-е годы среди демократов существовало как бы две точки зрения на рабочий вопрос. Одни (сотрудники журнала "Дело", газеты "Неделя") признавали положение рабочих важным вопросом русской жизни и пытались приковать к нему внимание общественности. Другие (революционные народники, часть сотрудников "Отечественных записок", например Н.К.Михайловский) отрицали существование самостоятельного рабочего вопроса в России, полагая, что он сливается с крестьянским. Впрочем, все они сочувственно относились к положению отечественного пролетариата и считали его освобождение одной из коренных задач русской революции. Вся демократическая печать придерживалась того мнения, что рабочим сословиям нечего ждать от правительства, и всякий факт протеста с их стороны получал поддержку. И те и другие положительно оценивали значение интернационального рабочего движения в конце 60 - начале 70-х годов. И не случайно группа революционных народников-эмигрантов (Н.Утин и др.) в начале 70-х годов предприняла попытку "перенести в Россию самую передовую и самую крупную особенность "европейского устройства" - Интернационал..."¹⁷.

¹⁶ "Вестник Европы", 1880, № 3, с. 773.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 287.

Либеральная печать или вовсе обходила рабочий вопрос, или, признавая его существование в России, предлагала решить его введением буржуазного законодательства, регулирующего отношения фабричных рабочих и капиталистов. Такую меру усиленно пропагандировала, например, газета "Русские ведомости" в 80-е годы, ссылаясь на благотворительный опыт Англии.

Демократическая печать мучительно и упорно искала ответа на вопрос о дальнейших путях развития России, не желая в принципе идти проторенным путем европейских капиталистических стран. Отрицая полуфеодальный строй царской России, она никогда не была апологетом буржуазной демократии, не идеализировала капитализм и буржуазные реформы демократии.

Здесь в силу сложности вопроса, его неясности были весьма существенные различия между деятелями демократической печати. Одни полностью отрицали капитализм и считали путь капитализма для России регрессом (Михайловский, Лавров и др.), другие, такие как Салтыков-Щедрин, Шелгунов, Благосветлов, подходили более объективно и, следовательно, более исторично к оценке капитализма. Они считали его прогрессом в исторических судьбах народов, не исключая и Россию. Весьма характерно в этом отношении следующее высказывание Благосветлова: "Свободная промышленность" имеет то достоинство, "что она медленно, но верно ведет к благополучию всю нацию в целом ее составе, и эта заслуга нисколько не помрачается особенным свойством свободной промышленности поступать круто с некоторыми классами и при некоторых обстоятельствах"¹⁸.

Промышленность изживает деревенский идиотизм, делает безграничной власть человека над природой, новейшие изобретения "двинули человечество в полстолетия настолько вперед, насколько не двинули бы его никакие школы и книги в тысячелетия"¹⁹, указывал Шелгунов. Благодаря капиталу возникли новые промышленные центры. "Волга покрылась сотнями пароходов; Россию изрезали десятки железных дорог; сообщение облегчилось и ускорилось, пульс промышленной жизни стал биться скорее"²⁰.

Однако, не умея до конца вскрыть диалектику общественного развития и понять роль пролетариата, и они проявляли историческую ограниченность и непоследовательность в оценке капитализма.

Среди демократов были и такие люди, которые вовсе не ставили подобных вопросов, хотя и оставались противниками монархии, самодержавия.

¹⁸

¹⁹ "Дело", 1866, № 1, с. 292.

²⁰ "Дело", 1867, № 9, с. 151-152.

"Дело", 1871, № 2, с. 4.

неча Для либеральной печати такого вопроса подчас как бы не существовало, ее вполне устраивала мирная эволюция в сторону буржуазной европеизации. Тот же "Вестник Европы" все годы издания оставался проводником идеи постепенного буржуазного развития. На эту позицию постепенно скатился и журнал "Русская мысль". Само название журнала М.М.Стасюлевича "Вестник Европы" как бы символизировало космополитические устремления русских либералов второй половины XIX в. И если они о чем и хлопотали, так единственно о том, чтобы подтолкнуть правительство идти в ногу с общеевропейским, т.е. буржуазным, прогрессом. Благосостояние страны, считал журнал, "не в застое, не в отчуждении от других народов, но, наоборот, в постепенном, но смелом, непрерывном движении вперед, в следовании за другими народами по их пути развития и рациональной свободы"²¹. Все конкретные предложения либеральной печати являлись повторением западноевропейских реформаторских образцов, причем часто английских как наиболее консервативных.

Такая же противоположность позиций демократической и либерально-буржуазной печати наблюдалась в отношении к теории научного социализма, марксизму.

Русские демократы 60-, 70- и частично 80-х годов отличались постоянным вниманием к К.Марксу и его теории, хотя в силу отсталости собственной страны не могли до конца усвоить коренных положений марксизма, в частности понять естественный исторический характер смены общественных формаций, роль пролетариата и др.

Журналистов-демократов марксизм, учение К.Маркса о капитале привлекли прежде всего критикой капиталистического строя, сочувствием людям труда. Многие первые цитации "Капитала" К.Маркса в русской журналистике связаны прежде всего с характеристикой положения рабочих сословий. В журнале "Дело" целиком приводится пример булавочного производства, широко цитируется Маркс в связи с эксплуатацией детского труда при капитализме, в "Отечественных записках" излагается глава "Рабочий день" и т.д.

Практическая деятельность марксистов также привлекла внимание русских демократов, о чем мы уже говорили. Демократическая печать, подробно рассказывая о "Капитале" и других трудах К.Маркса и Ф.Энгельса по рабочему вопросу, о работе I Интернационала, его конгрессов и секций, о стачечной борьбе западноевропейских рабочих, делала большое дело, популяризуя, распространяя марксизм, хотя и не раскрывая до конца его основные положения.

Шелгунов, Михайловский, Зибер, Валентинов (Г.В.Плеханов), Елисеев, Конради-Бочечкарова, Бертенева, Реклю и другие в

²¹ "Вестник Европы", 1879, № 12, с. 820.

легальной печати — "Отечественных записках", "Деле", "Неделе" — рассказывали о марксистах, об их практической деятельности.

Мы не можем отнестись некритически к их материалам (большинству из них), но не можем и не оценить их информации, сочувствия учению, отрицавшему частную собственность. Внимательное отношение к автору "Капитала", желание понять марксизм характеризовали даже Михайловского 70-х годов. Не случайно К.Маркс с уважением отвечал ему и другим русским общественным деятелям, стараясь в письмах разъяснить свою теорию. И лишь в середине 90-х годов, в годы подъема революционного рабочего движения, Михайловский и компания из "Русского богатства" стали сознательно фальсифицировать социализм К.Маркса и его последователей, учеников, что вызывало отповедь В.И.Ленина, Г.В.Плеханова, Н.Е.Федосеева и др.

Как же вела себя либеральная печать по отношению к идеям научного социализма? Иногда и она могла предоставить свои страницы для ученых-экономистов, которые объективно излагали отдельные стороны марксизма. Так было, например, в 1872 г., сразу же после выхода в свет русского перевода 1 тома "Капитала". "Вестник Европы" и ряд либеральных газет, в том числе "Новое время" редакция Ф.Устрялова, сочувственно откликнулись на появление перевода труда К.Маркса. "Вестник Европы" опубликовал рецензию на 1 том "Капитала" проф. И.Кауфмана, которая была отмечена как объективное изложение учения о капитале самим К.Марксом, а позднее В.И.Лениным. Газета "Новое время" как массовое, доступное народу издание за публикацию объективной заметки о книге К.Маркса была подвергнута серьезным цензурам и административным гонениям²². Были отдельные выступления, отмеченные доброжелательством по отношению лично к К.Марксу и позднее (Н.Ф.Даниельсон и др.). Но в принципе либерально-буржуазная пресса отнеслась враждебно к К.Марксу и его теории, и особенно к практической деятельности социал-демократии.

Например, в "Русской мысли" в 1880 г. была напечатана обширная статья профессора И.И.Иванюкова "Синтез учений об экономической политике", где автор отрицал возможность немедленного устранения имущественных привилегий и обоснования доходов трудом, как требует социалистическая школа в политэкономии. Не оспаривая в принципе преходящий характер буржуазных отношений, он считал, однако, что для осуществления требований социалистической школы "не имеется" подходящих условий, "чувства, нравы, понятия громадного большинства сов-

²² См. об этом мою статью "Полицейская кара за статью о 1 томе "Капитала" (из цензурного архива "Нового времени)". — "Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Журналистика", 1967, № 2.

ременного общества делают невозможными общественные формы, на которые указывает социализм". А потому попытка насильственного осуществления этих форм общественной жизни неминуемо потерпит неудачу.

Объективно излагая отдельные стороны учения Маркса, например, положение о пролетариате как могильщике капитализма, об экономических принципах социализма, отвергая при этом наиболее грубые, вульгарные выпады против социализма, Иванюков тем не менее в целом фальсифицирует марксизм, навязывает ему несвойственные выводы и рассуждения. Он лишает марксизм революционной действительности, истолковывает социализм Маркса как пассивный и фатальный. Извращая революционную сущность марксизма, "Русская мысль" пыталась очернить рождавшееся в конце XIX в. русское социал-демократическое движение и показывала ненужность коммунистической агитации. Обращаясь к "нашим русским социал-демократам, агитирующим в народе коммунистическую революцию, превратившим учение Маркса и потому полагающим, что оно солидарно с их деятельностью", автор советует "одуматься". Социализм наступит без борьбы, сам по себе, когда "труд откажется выносить далее свою капиталистическую оболочку"²³. Вот образчик раннего русского оппортунизма!

Иванюков был не одинок. Фальсифицировали марксизм в либерально-буржуазной печати Ю. Жуковский, Н. Кареев, Н. Даниельсон, М. Слонимский, П. Струве и др.

Так же существенно разнились эти издания по отношению к революционным методом борьбы, к теории и практике революционного народничества и социал-демократии.

Было еще одно коренное различие демократической и либеральной печати — в оценке роли либерализма, либералов в общественной жизни и общественном движении. "Отечественные записки", прежде всего в лице Некрасова, Салтыкова-Щедрина, высмеивали либерализм в любых его проявлениях, беспощадно разоблачали его прислужничество перед капиталом и правительством. Шелгунов в "Деле" называл либерализм гангреной, чумой, "которая не только мешает отдельным поколениям, но и путает историю"²⁴.

Разумеется, либеральная печать давала иную оценку исторической роли либерализма и особенно ценила либерально-консервативный оттенок мнений, доказывая, что либеральную мысль в России нельзя смешивать с революционной²⁵.

Менее определенными были различия в области литературной критики, хотя и тут есть водораздел. Демократические издания

²³ "Русская мысль", 1880, № 9, с. 44.

²⁴ "Дело", 1876, № 6, с. 47.

²⁵ См.: Кавелин К.Д. Крестьянский вопрос. — "Вестник Европы", 1881, № 3.

всегда выступали сторонниками реализма, гражданского назначения искусства, не исключая "Русского богатства" 900-х годов, а либеральные журналы "Вестник Европы", "Северный вестник" подчас были глашатаями модернизма, чистого искусства, хотя не отказывались публиковать и произведения реалистического направления.

То же самое можно сказать и об освещении в демократической и либеральной печати таких вопросов, как женский, национальный, вопрос местного самоуправления, реформы образования, свободы печати и некоторых других. Либеральная печать позволяла себе известный радикализм в их постановке и тем самым маскировала свою классовую сущность и классовые пристрастия. Подчас создавалась иллюзия, что позиции либеральной и демократической печати совпадают, по крайней мере по указанным вопросам. Это обстоятельство приводит иногда к смешению, плохому разграничению принципиальных позиций таких изданий, как "Спб. ведомости" В.Ф.Корша, "Женский вестник", "Гласный суд" и некоторые другие, с позициями "Современника", "Отечественных записок", "Дела", подтягивает названные либерально-буржуазные органы к демократии. Правда, в таких случаях предпочитают говорить о "Демократических тенденциях"²⁶. Такие тенденции могут иметь место, однако выверять общие оценки изданий следует прежде всего не на решении вопросов образования, гласности, женской эмансипации, местного самоуправления, цензуры, даже литературной критики, а на постановке основных принципиальных проблем государственного устройства, крестьянского, рабочего вопросов, отношения к либерализму, к теории научного социализма. Причем последнее становится с годами, может быть, самым важным в определении лица, позиции печатного органа. Во всяком случае искажение идей научного социализма несовместимо с подлинно демократическим характером печати.

Еще более отличается либеральная печать от народнической нелегальной и бесцензурной революционной печати.

Но нелегальная революционная журналистика народников по своему содержанию отличалась и от легальной демократической печати. Она прямо ставила вопрос о свержении самодержавного режима, требовала уничтожения частной собственности, пыталась готовить это свержение. Именно нелегальная революционная журналистика в лучшие годы сохраняла революционно-демократический характер.

Первоначально народнические революционные издания появились за границей по примеру "Колокола" Герцена и Огарева.

²⁶ Рейфман П.С. Отражение общественно-литературной борьбы на страницах русской периодики 1860-х годов. Автореф. на соиск. учен. степени докт. филол. наук. Тарту, 1972, с. 5, 21.

Первым здесь было "Народное дело", затем начали издаваться журналы и газеты "Вперед", "Работник", "Набат", "Община". В них открыто, без уловок эзоповской речи, шел принципиальный разговор о задачах революционной партии в России, революционной теории, путях и средствах правительства, о народной революции, бунте против царя и помещиков.

Здесь прямо назывались злодеяния правительства, жандармов и дворянства, указывалось на расточительство правящих классов, пренебрежение народными нуждами, обман народа и издевательство над ним.

Здесь велась беспощадная критика либералов и либеральной прессы.

Здесь публиковались запрещенные цензурой произведения литературного и публицистического характера, подобные "Письмам без адреса" Чернышевского, секретные документы правительства, полные отчеты судебных политических процессов, речи подсудимых: П.Алексеева, И.Мышкина и др.

Здесь сообщалось о действиях революционных партий и групп в России, о волнениях и стачках на фабриках и заводах, о выступлениях в деревнях. Не во всех органах эта информация была равноценна и по объему и по достоверности. Особенно много сведений давали издания Лаврова. Ф.Энгельс с интересом следил за отделом "Что делается на родине?", Плеханов признавал важное значение хроники западноевропейского революционного рабочего движения.

Здесь, как и у Чернышевского в "Современнике", предъявлялись формальные требования самодержавному правительству. Эта печать серьезно дополняла легальную демократическую журналистику в России. Большинство издателей заграничных газет и журналов в своих стремлениях забежали вперед, мечтая о социализме, хотя по существу в их программах не было "ни грана социализма"²⁷. Реально их требования выражали идеи буржуазной демократии, как и легальной печати, но дух классовой борьбы здесь ощущался острее.

Развитие и нужды революционного движения к концу 70-х годов поставили вопрос о создании свободной от цензуры, нелегальной революционной печати в России. Накопленный опыт антиправительственной борьбы позволил с 1878 г. наладить издание революционных газет в России. Сначала была организована газета "Начало". За ней последовали "Земля и воля", "Народная воля", "Черный передел", "Рабочая газета", "Зерно".

Особенностью этих газет было то, что наряду с программными заявлениями, теоретическими статьями о развитии революционного движения, задачах социализма и революционной борьбы в них значительно больше места уделялось практике

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 258.

революционной работы. Во многих из них информация сужается за счет подробного освещения деятельности народнических групп и организаций в стране. Особенно это характерно для "Народной воли"²⁸. Все эти газеты продолжали критиковать внутреннюю политику правительства, финансы, гнет администрации. Постоянно давалась хроника арестов. Резко отрицательно оценивалась враждебность революции и демократии либеральной прессы.

Нелегальная пресса развивалась в сложных условиях переоценки ценностей в народнической доктрине.

Во-первых, не оправдало себя хождение в народ с целью подготовки крестьянского восстания, что привело к отходу части движения от планомерной подготовки народа к революции и признанию тактики борьбы с правительством средствами индивидуального террора. Пересматривается роль агитации и пропаганды.

Во-вторых, часть народников начинает пересматривать отрицательное отношение к борьбе за политические права, политические свободы. Если раньше народники полностью отвергали политическую борьбу, якобы выгодную только для русской буржуазии, то теперь часть их сама переходит к политической борьбе.

В-третьих, у некоторых народнических публицистов наблюдается колебание в оценке путей развития страны и основных сил будущей русской революции, более внимательное отношение к экономическим и социальным процессам, политико-экономической и социалистической литературе, что через несколько лет приведет к переходу небольшой части бывших народников к марксизму (Плеханов и др.).

Эти теоретические сшибки внутри революционного народничества наряду с трудностями нелегального положения, репрессиями властей вели к неустойчивости изданий ("Начало" выходило 3 месяца, "Земля и воля" – 7 месяцев, "Рабочая газета" – 1 год), перегруппировке сил, потере руководящих центров. Часть революционных народников после февральских событий пойдет по пути поисков компромисса с правительством Александра III, часть будет пытаться возродить боевые традиции народовольцев, но практически безуспешно.

В 80-90-е годы значительная часть представителей народнической ветви буржуазно-демократического направления независимо от того, где она действовала – в легальной или нелегальной печати, оказалась в числе тех, кто сначала неосознанно, а затем и сознательно стал искажать научные представления о социализме, противиться соединению социализма с массовым рабочим движением. Сохраняя в своих программах общедемократические требования, насчитывая в своих рядах

последовательных и талантливых журналистов-демократов (В.Г.Короленко и др.), в целом народническая печать зашла в тупик, уступив место социал-демократической печати, наиболее полно выражавшей интересы трудового народа.

Итак, по своему идейному содержанию вся русская легальная журналистика второй половины XIX в., т.е. в период наибольшего развития газет, газетного дела, до появления социал-демократической, пролетарской печати, делилась на три основных направления: монархическое, либерально-буржуазное и буржуазно-демократическое. Каждое из этих направлений заключало в себе ряд оттенков, отдельные направления смешивались. Реальная картина печати значительно сложнее, но три направления с позиций классового анализа остаются неизменными. Это полностью распространяется и на газетную печать, с той только особенностью, что легальных демократических изданий газетного типа в XIX в. почти не было.

В силу такого характера дореволюционной легальной газеты исследование ее требует строгой партийности, особого внимания к идейно-политической стороне дела, не допускающей никаких скидок в оценке газетной периодики.

Вместе с тем изучение газетного дела дореволюционной России, проводимое с марксистских позиций, не может означать нигилистического подхода к прошлому. Базируясь на глубоком критическом анализе роли и деятельности легальных газет, следует отметить общий поступательный ход развития газетного дела в стране, организационно-технические, коммуникативные достижения русской газеты, сопровождавшие ее развитие во времени, те элементы демократизма, которые неизбежно в ней проявлялись.

Такой взгляд на газетное дело прошлого вытекает из марксистского принципа историзма, всестороннего, объективного анализа любых общественных явлений, процессов.

"Сознание рабочих масс, — писал В.И.Ленин, — не может быть истинно классовым сознанием, если рабочие на конкретных и притом непременно злободневных (актуальных) политических фактах и событиях не научатся наблюдать *каждый* из других общественных классов во *всех* проявлениях умственной, нравственной и политической жизни этих классов; — не научатся применять на практике материалистический анализ и материалистическую оценку *всех* сторон деятельности и жизни *всех* классов, слоев и групп населения"²⁹.

Печать — явление сложное. В классовом, антагонистическом обществе печать является одновременно и частью базиса (как производственное предприятие) и частью надстройки (как орудие

²⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 69.

информации и пропаганды), и вместе с тем она — часть национальной культуры.

Как идеологический институт, как надстроечное явление — а в этом ее главная суть — печать эксплуататорских классов антагонистического общества при построении социализма подлечит слому, уничтожению, замене печатью нового типа. Коренным образом меняется назначение печати, ее содержание, ее принципы. Рабочая печать наследует лишь традиции прогрессивной демократической печати прошлого, тесно связанной с освободительным движением.

Но как часть техники и науки, как часть национальной культуры печать не так прямо связана со сменой общественных формаций, развивается эволюционно. При осуществлении социалистической революции не отменяются способы производства газеты, технические приемы получения информации, распространения печати и т.д. Они лишь развиваются в связи с дальнейшим прогрессом науки и техники, пользуясь преимуществами социалистической организации труда.

В той части, в какой печать является фактом национальной культуры, она полностью подчиняется всем закономерностям, установленным марксистско-ленинским учением об отношении к культурному наследию прошлого. В печати прошлого мы выделяем все, что так или иначе относится к элементам демократической культуры.

Да, основная масса дореволюционных легальных газет носила либерально-буржуазный, консервативный характер. Действительно, буржуазия приспособила многие завоевания человеческого гения в области науки и техники для утверждения незыблемости капиталистического строя, искажила природу многих общественных институтов в корыстных целях классового эгоизма. Но это отнюдь не значит, что буржуазия всемогуща, что класс, идущий на смену буржуазии, не может вернуть все полезные завоевания человеческой мысли народным массам, трудящимся, что он не может сломать надстроечные институты буржуазии и построить новые формы общественности, новые общественные институты на базе современных общественных отношений, используя достижения науки и техники, сохраняя при этом преемственность лучших традиций общедемократической культуры, печати прошлого.

Это не значит, что прогрессивные классы не могут в рамках буржуазного строя, буржуазных институтов проводить прогрессивные идеи, бороться с буржуазией и остатками феодализма. Борьба эта трудна и ограничена, но она не невозможна и существует как в области культуры, так и в области печати (идеологии). Это и позволяет печати пролетариата сохранять преемственность прогрессивной общедемократической традиции второй половины XIX в.

На страницах буржуазной печати второй половины XIX в. появлялись произведения И.С.Тургенева, Л.Н.Толстого, М.Е.Салтыкова-Щедрина, Г.И.Успенского, Ф.М.Достоевского, К.Хетагу-

рова, В.Г.Короленко, А.П.Чехова, А.М.Горького, людей русской науки и культуры: Д.И.Менделеева, В.В.Стасова, П.И.Чайковского и т.д.

В легальных газетах читатель находил информацию о 1 томе "Капитала" К.Маркса в 1872 г. ("Спб. ведомости", "Новое время" редакции Ф.Устрялова), мог прочитать в 1883 г. первую научную биографию К.Маркса, написанную А.Ф.Фортунатовым ("Московский телеграф"), и многие другие материалы, которые не укладываются в программу буржуазных газет, подчас противоречат ей. Острота классовых противоречий, идейная неустойчивость, расчет выгоды, конкуренция и другие причины, каждая по-своему, приводили к отступлениям от либерально-буржуазной программы, заставляли иногда говорить правду о самодержавной бюрократии, национальном угнетении, кулачестве, рабочем движении. И такое случалось почти в каждой газете, не только в столичной, но и в провинциальной.

Возникновение и развитие местных газет часто было результатом проявления серьезных усилий, следствием упорной борьбы и труда местной интеллигенции, выходцев из простонародья³⁰. Создание местных, особенно национальных, периодических изданий часто являлось важным культурно-историческим делом для целого народа или народности. Просветительские тенденции местной печати были чрезвычайно сильны, несмотря на строгий надзор цензуры, администрации и противоборство рептильных изданий. Царское самодержавие было сильно обеспокоено развитием местной печати уже в начале 1880-х годов. 30 сентября 1881 г. царю был представлен доклад министра внутренних дел "О порядке цензирования повременных изданий в городах, в которых нет цензурных учреждений", где отмечалось, что провинциальная периодика развивается не всегда так, как хотелось бы администрации. "В 1870 году частные периодические издания существовали только в двенадцати городах; в настоящее же время двадцать семь городов имеют свои издания. Объем провинциальных изданий также значительно увеличился". Направление, признавал далее министр, "значительно ухудшилось, приняв, несмотря на просмотр предварительной цензурой, оппозиционный оттенок"³¹.

Выявление подобных изданий и тенденций в местной печати - дело чрезвычайно нужное и благородное. Несмотря на полуофициальный или частнокапиталистический характер местных газет, в них участвовали люди демократического склада ума. В конце XIX в. в провинциальных газетах сотрудничали А.М.Горький,

³⁰ См.: Никифоров И.Н. Зарождение чувашской революционно-демократической печати. Чебоксары, 1971; и др.

³¹ ЦГИА СССР, Всеподданнейшие доклады, ф. 776, оп. 1, ед.хр. 17, л. 66-66 об.

В.Г.Короленко, Л.Б.Красин, А.С.Серафимович, Н.Г.Гарин-Михайловский, М.С.Ольминский, В.В.Воровский, Н.Ф.Насимович-Чужак и мн. др.

В конце XIX в. В.И.Ленин считал возможным послать одну из своих первых работ в буржуазный журнал "Русская мысль", сотрудничал в буржуазно-демократических журналах ("Начало", "Жизнь", "Мир божий", "Образование"). До того как развернулось массовое рабочее движение, до появления социал-демократической печати, до фактов предательства социал-демократов меньшевиков в 1905-1906 гг. В.И.Ленин не ставил вопроса о неучастии коммунистов в буржуазной печати. Многие социал-демократы марксисты и сочувствующие им не пренебрегали возможностью использовать буржуазную печать и выступали на ее страницах в конце XIX - начале XX в. с пропагандой идеи социализма и демократии. Да и после известной резолюции IУ конференции РСДРП в 1907 г. "Об участии в буржуазной прессе" допускалось участие в буржуазной печати большевиков-ленинцев с условием строгого сохранения пролетарской партийности, исключающей всякие шатания, уступки буржуазной идеологии.

Разумеется, это обстоятельство ни в коей мере не меняет наших общих оценок либерально-буржуазной прессы, но не освобождает от внимательного конкретного анализа газет и их общественной роли, содержания, места в пропаганде и воспитании масс.

Долгие годы в России не было другой легальной печати кроме монархической и буржуазной, и пренебрегать ею - значит обеднять свое представление о борьбе классов, о сложности этой борьбы в периодической прессе. Поэтому надо внимательно проследить, как прогрессивные стороны идеологической и культурной жизни отражались в ежедневной прессе, выявить все, что составляет национальную гордость великорусского и всех других народов нашего государства.

Печать, будучи классовой, корыстно-классовой в антагонистическом обществе, тем не менее не могла не отражать правды жизни, хотя бы частично. Важно не только то, что читалось между строк, но и то, что печаталось черным по белому. Газетная печать прошлого еще не прочитана нами до конца. И вместе с тем необходимо показать классовую позицию каждого издания, исходя из ленинского учения о классах, о двух культурах в каждой национальной культуре, отмечая какую бы то ни было идеализацию враждебной нам по духу буржуазной печати, вооружаясь конкретным опытом прошлого для разоблачения носителей современных буржуазных взглядов на вопросы "свободы печати", на понимание роли массовых средств информации и пропаганды при социализме.

Переходя к обзору конкретных задач изучения газет и газетного дела второй половины XIX в., прежде всего следует сказать о том, что очень незначительное число газет второй половины XIX в. получило монографическое исследование. Еще меньше исследований, посвященных типологическим группам газетных изданий. Мало работ, прослеживающих роль газет в отдельных политических компаниях (войнах, реформах, внутренних и внешнеполитических акциях правительства, национальном, земском движении и т.д.).

До сих пор не предпринято попытки воссоздать в одной работе историю легальной демократической газеты XIX в. Таких газет было немного, они были недолговечны, но передовая русская общественность не раз прилагала усилия к изданию ежедневных органов демократической ориентации (газеты "Очерки", "Народная летопись", "Неделя" и др.).

Плохо исследуется система официальной печатной пропаганды дореволюционной России. За последнее десятилетие можно назвать лишь три-четыре работы, посвященные этой теме: книгу В.А.Твардовской "Идеология пореформенного самодержавия (М.Н.Катков и его издания)", где обстоятельно исследуется газета "Московские ведомости"; статьи А.И.Станько "Официальная газетная печать в литературно-общественной борьбе 1840-х годов", Н.П.Емельянова "Из истории русских официозов. 1879-1880 гг.", С.И.Стыкалина "Русское самодержавие и легальная печать 1905 года (к вопросу о проектах создания официальной прессы)".

А ведь именно этой печати должна была противостоять демократическая пропаганда и печать, в борьбе с ней развивать свои принципы. "Спб. ведомости" до середины XIX в., "Северная почта", "Русский инвалид", "Правительственный вестник" со всеми филиалами, "Journal de St.-Peterbourg", "St.-Peterburger Zeitung" не только защищали идеи монархизма, но и олицетворяли направленную в интересах самодержавия газетную информацию.

То же самое можно сказать о буржуазной газете.

Нуждаются в изучении такие отряды буржуазной печати, как массовая газета, славянофильская, земская и проч. Интересно проследить роль и традиции русского газетного еженедельника и иллюстрированных газетных изданий и т.д.

Факты показывают, что в России с момента создания периодической печати существовала проблема влияния, воздействия, социального управления через печать обществом. В петровских "Ведомостях" эта задача решалась применительно ко всему обществу. По своему содержанию, типу это была как бы газета для всех. Все последующие газеты XVIII - первой половины

XIX в. были обращены к образованному обществу. Но постепенно задача и возможность осуществлять социальное управление через газету всеми слоями населения были осознаны издателями, идеологами различных направлений (не только демократических) прежде всего как существенная сторона специальной печати. В сознании правительственных чиновников закрепляется представление о печати для привилегированной образованной публики и печати для простого народа. В середине XIX в., после отмены крепостного права, это привело к созданию специальных газет для народа: монархических, либерально-буржуазных, демократических (последние были подпольными, бесцензурными).

Параллельно идет процесс формирования массовой мелкобуржуазной городской газеты. В большинстве своем она была направлена на обслуживание социального заказа господствующих классов. Подсальные издания принято называть бульварными. Такую оценку они заслужили. Однако роль подобной печати в середине XIX в. противоречива, двойственна. С одной стороны, у нее не было сил и намерений бороться против правительства. Нередко во главе ее оказывались люди из простонародья, не получившие никакого систематического образования, сумевшие путем самообразования усвоить грамоту и зачатки культуры. Участие в литературной, журналистской деятельности само по себе было для них большим личным достижением, и многие из них стремились быть достойными высокого звания литератора, проявляя исключительное трудолюбие, добросовестность в работе, хотя все эти качества не спасали их от сурового суда современников и потомков из-за отсутствия у них твердых политических убеждений, а подчас и из-за политического консерватизма (П.Зарубин, Н.Пастухов).

С другой стороны, эти же люди не могли не испытывать сочувствия к трудящимся, мелкой городской интеллигенции, ремесленникам. Отдельные факты, сообщаемые массовыми газетами, противоречили тому, что сообщала так называемая качественная печать, монархическая, а подчас и либеральная (факты обезземеливания, казнокрадства, тяжелого положения отдельных отраслей промышленности, неприглядные явления городской жизни и т.д.)³².

³² Весьма характерны в этом отношении формулировки официальных документов по поводу цензурных взысканий массовым городским газетам. Они подвергались гонениям за "стремление к ослаблению... авторитета" правительственных властей, за "порицание действий... местной полиции", за якобы ложные сведения о благотворительных учреждениях, за "представление в превратном виде положения рабочего класса" и т.д. (см.: Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. М., 1905, с. 241-242).

В этих изданиях не отказывались иногда помещать свои произведения писатели и журналисты демократической ориентации: Чехов, Гиляровский, Трефолов и др. Содержание массовых газет, методы завоевания аудитории, характер влияния на рабочих читателей в рамках XIX в. – небезынтересный материал для исследователя истории русской дореволюционной газеты.

Весьма слабо исследованы скрытые механизмы, в частности экономические, управляющие прессой. Применительно к зарубежной печати эти вопросы изучены значительно лучше³³. Все внимание ученых поглощает ответственность печати перед законом, администрацией и цензурным ведомством. Возможно, это происходит потому, что в истории русской журналистики анализировалась прежде всего оппозиционная демократическая печать, которая, естественно, не пользовалась денежными субсидиями правительственных учреждений или капиталистов.

Исследовать цензурное давление на журналистику, конечно, необходимо. Цензура являлась наиболее прямым проявлением вмешательства самодержавного правительства в область печати, хотя следует помнить, что цензура действует в системе мер государственного регулирования деятельности печати. Чем реакционнее общие принципы государственной власти, тем жестче цензура. Общее положение печати определяется конструкцией, законами, а цензура является уже производным от общих законов. Однако исследование и цензурных репрессий ведется, как правило, применительно лишь к отдельным изданиям, реже – группе изданий ("Отечественные записки" и цензура", "Газета "Неделя" в 1868–1869 гг. и цензура", "Сибирская печать и царская цензура (1875–1886)" и т.д.³⁴, не затрагивая значения карательных мер для материального положения газеты или журнала. Нет работ, рассматривающих отдельные, наиболее широко практиковавшиеся цензурные взыскания и их значение для экономической стороны издательской деятельности.

Цензурные запрещения, касавшиеся содержания газет, конечно, косвенно наносили материальный ущерб, серьезно подрывали дееспособность издателя. Но были такие санкции, которые пря-

³³ См.: Орлов Ю.Я. Влияние капитала на печать в ФРГ. – "Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология, журналистика", 1963, № 5; Беглов С.И. Монополия слова (о механизме и методах буржуазной пропаганды в Англии). – В кн.: Зарубежная печать, под ред. Я.Н.Засурского. М., 1964; Андрунас Е.С. Концентрация и монополизация печати США. – "Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Журналистика", 1972, № 3; и др.

³⁴ Исключение составляет книга А.Ф.Бережного "Царская цензура и борьба большевиков за свободу печати (1895–1914)" Л., 1967.

мо не касались содержания, но тем не менее больно били по финансовой стороне дела. А в издательской практике, в осуществлении свободы печати в антагонистическом обществе это немаловажное обстоятельство, если не важнейшее. Имущественный ценз — первое и главное ограничение свободы печати в эксплуататорском государстве. К таким санкциям надо отнести приостановки, запрещения розничной продажи газет и запрещения публиковать частные объявления. Весьма сильной мерой ограничения свободы печати было запрещение розничной продажи газет. Разрешенная в 1865 г. розничная торговля сразу же натолкнулась на препятствия со стороны администрации и чинов полиции³⁵.

Не желая оставлять развитие розничной торговли газет без контроля, 14 июня 1868 г. правительство приняло закон в виде дополнения к Временным правилам о печати 1865 г., по которому министр внутренних дел мог отбирать право розничной продажи у газет, как, впрочем, и у журналов, на определенный срок в случае обнаружения их вредного направления.

Министерство внутренних дел достаточно широко пользовалось этим правом начиная с 1870 г. В 1870 г. воспрещалось на разные сроки розничная продажа "Биржевых ведомостей", "Всеобщей газеты", "Нового времени", "Русских ведомостей", "St.-Peterburger Zeitung"; в 1871 г. — "Голоса", "Петербургского листка", "Современных известий", сатирического еженедельника "Искра" и других ежедневных и еженедельных изданий.

Чиновники Главного управления по делам печати министерства внутренних дел прекрасно понимали тяжесть подобной меры наказания для ежедневной печати. В ряду других средств воздействия на газеты запрещение розничной продажи было одним из наиболее часто применяемых. Если воспрещение печатать объявления было дано периодическим изданиям с 1865 по 1904 г. 31 раз, временно приостанавливались издания 157 раз, то запрещение розничной продажи давалось 218 раз³⁶. При этом издатели газет теряли определенную сумму не только от розницы, но и от объявления, рекламодателей, что было не менее существенно для финансового положения издания. Неудивительно, что газетные дельцы боялись этой меры наказания при кажущейся ее мягкости. С.Н.Худеков, издатель "Петербургской газеты", в 1874 г., например, указывал, что прекращение розничной продажи совершенно расстроило его в материальном отношении "и тем более

35 Подробнее о значении запрещения розничной продажи газет см. в моей статье "Запрещение розничной продажи газет как средство ограничения свободы печати". — "Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Журналистика", 1967, № 6.

36 См.: Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем, с. 226.

что с прекращением... продажи уменьшилось и количество поступающих в газету частных объявлений"³⁷.

Издатель газеты "Биржевые ведомости" К.В.Трубников говорил об этом не менее откровенно: "Издание у нас ежедневной большой газеты... обходится так дорого, что сумма, собираемая с подписчиков, далеко не покрывает всех расходов на подобное издание; вследствие этого сумма, выручаемая от продажи отдельных номеров вместе с доходами от объявлений, идет в большей своей части на покрытие расходов по изданию; с запрещением же розничной продажи уменьшается и число поступающих в газету объявлений"³⁸.

Исследователь русской книги М.Н.Куфаев обратил внимание на тяжелые финансовые последствия этой кары для ежедневных изданий. Запрещение розничной продажи "было по карману", писал он, еще сильнее, чем запрещение печатать объявления, ибо газета в 70-е годы "больше расходилась именно путем розничной продажи, а не абонементной подписки"³⁹. В своей книге он приводит цифры денежных потерь издателями от этой меры наказания. По подсчетам автора за 1873-1878 гг. она составила 837 633 руб.⁴⁰. Даже если эту цифру признать весьма приблизительной⁴¹, все равно ясно: подобный нажим на неудобные газеты сильно ограничивал их творческие замыслы.

Говоря о подобной политике по отношению к газетам, надо иметь в виду, что этой каре подвергались, как правило, газеты либерально-буржуазные, политически трусливые, неспособные действительно смело ставить вопросы общественного развития. И тем не менее всякое проявление самостоятельности, оппозиционности, сочувствия демократическим идеям наказывалось немедленно. Неудивительно, что газета, совсем не подвергавшаяся такому взысканию или подвергавшаяся реже других, считалась самодержавием наиболее благонадежной.

³⁷ ЦГИА СССР, Дело по изданию "Петербургской газеты", 1866, ф. 776, оп. 3, ед.хр. 451, л. 185.

³⁸ ЦГИА СССР, Дело по изданию газеты "Биржевые ведомости", 1865, ф. 776, оп. 3, № 481, л. 265-265 об.

³⁹ Куфаев М.Н. История русской книги в XIX веке. Л., 1927, с. 467.

⁴⁰ См.: Куфаев М.Н. История русской книги в XIX веке, с. 182.

⁴¹ Сумма вычислена при произвольном допущении, что в среднем газета получает от розничной продажи 500 руб. в месяц. Кроме того, неточно учтено количество запрещений розничной продажи газет по годам. Например, в 1872 г. указано 2 запрещения, тогда как их было 5, в 1873 - 6 (было 9), в 1878 - 9 (было 13).

В сатирическом произведении Салтыкова-Щедрина "В среде умеренности и аккуратности", написанном в 70-е годы, есть любопытная деталь. Издатели беспринципной реакционной газеты "Краса Демидрона", похваляясь своей финансовой дееспособностью и стремясь заполучить новых подписчиков, напоминали публике в числе других "достоинств" о том, что розничная продажа их "газеты никогда не была воспрещена..."⁴². Да, это был удел лишь немногих, преданных самодержавию изданий.

Министерство внутренних дел, вынося решение о запрещении распространения какой-либо газеты в розницу, обычно не указывало мотивов наказания и тем скрывало от общественности истинную причину преследования печатного органа. Не оговаривались часто и сроки наказания, что создавало дополнительные трудности для редакторов и издателей. Больших усилий стоило добиться снятия наказания именно по неопределенности срока запрещения.

Таким образом, дополнение к закону о печати, принятое в июне 1868 г., о запрещении розничной продажи газет и журналов явилось важным орудием давления правительства на ежедневную легальную прессу России. То же самое можно сказать по поводу запрещения публикаций частных объявлений.

Запрещение розничной продажи, как и запрещение публиковать объявления, было экономической санкцией и применялось не только по причине действительных нарушений законов о печати, но и, как правило, по политическим мотивам. Так, вскоре после покушения Соловьева на Александра II на два месяца было запрещено публиковать частные объявления газете "Молва" В.А.Полетики. В июне 1881 г. была запрещена розничная продажа газеты "Московский телеграф". В докладе царю министр внутренних дел, мотивируя санкцию, указывал на то, что газета дает "тенденциозные обобщения", что "с недавнего времени стали появляться фельетоны под буквами Д.М. (Минаев), имеющие задачей порицание настоящего направления внутренней нашей политики"⁴³, на что последовала царская резолюция: "Совершенно одобряю"⁴⁴.

Во второй половине XIX – начале XX в. в России имел место процесс концентрации, монополизации газетного дела. Отдельные случаи соединения издания газет с промышленным производством, в частности с бумажным, имели место уже в 1880 г. Например, газета "Новости" в 1881 г. вошла в состав коммерческого предприятия "Товарищество бумажной фабрики "Ингеройс".

⁴² Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. в 20-ти т., т. 12. М., 1938, с. 495.

⁴³ ЦГИА СССР, Всеподданнейшие доклады, ф. 776, оп. 1, ед.хр. 17, л. 43-43 об.

⁴⁴ Там же, л. 43.

Россия второй половины XIX в. уже знала журнально-газетные объединения, чисто газетные издательства, факты слияния газет с промышленным и банковским капиталом. Но эти процессы не нашли отражения в имеющейся литературе. Не изучена роль вторых изданий газет⁴⁵, воскресных выпусков массовых газет, иллюстрированных приложений.

В историко-журналистской литературе не собраны данные, характеризующие основные производственные издержки в газетном деле. Не вскрыты факты взяточничества и коррупции в области периодической печати, а такие факты были. Например, Ф.Баймаков, перекупая право издания "Спб. ведомостей" в 1875 г., должен был дать крупную взятку чиновнику министерства народного просвещения Б.Маркевичу⁴⁶. Не анализируется влияние почтового тарифа на реализацию буржуазной свободы печати, факты финансового поощрения нужных царскому правительству и капиталистам газет, т.е. кредит, субсидии и другие формы поддержки и подкупа, прямого или косвенного. А чем ближе XX век, тем средства экономического давления на печать со стороны правительства и капитала становились все более частыми и значительными в денежном выражении.

Не был предметом исследовательского анализа и бюджет газетных изданий и объединений. В журналистской литературе не изучена служба газетной информации XIX в. Информация для газеты имела большое значение в завоевании популярности, конкурентоспособности, во всей ее деятельности.

Обычно информация шла двумя основными путями. Один — это сообщения собственных корреспондентов, и второй — сообщения газетных телеграфных агентств, как зарубежных, так и отечественных, которые широко и успешно действовали во второй половине XIX в. Сохраняли значение информационного источника зарубежная пресса, "Правительственный вестник" и официальные сообщения министерств и ведомств — министерства двора, министерства иностранных, внутренних дел и др.

Мы не знаем специальных работ, где была бы изучена, проанализирована деятельность хотя бы одного корреспондента русской дореволюционной газеты или агентства информации. Исключение составляют наблюдения над корреспондентской деятельностью молодого Горького и краткие упоминания о П.Д. Боборыкине как русском корреспонденте на нескольких конгрессах 1 Интернационала.

⁴⁵ Газеты второго издания в 70–80-е годы имели, например, "Новое время", "Новости и Биржевая газета", "Русь", "Одесская почта" и др.

⁴⁶ См. об этом в письмах Н.С.Лескова (Собр. соч. в 11-ти т., т. 10. М., 1958, с. 384–380) и 3-й главе настоящей работы.

Работники ТАСС, выступающие в качестве историков, почему-то игнорируют прошлое русских телеграфных агентств. Так, Н.Г.Пальгунов в книге "Основы информации в газете. ТАСС и его роль"⁴⁷ (в главе "Из истории телеграфных агентств в нашей стране") называет наиболее ранним русским телеграфным агентством Российское телеграфное агентство (РТА), созданное в 1894 г., на что нам уже приходилось обращать внимание в статье "К истории телеграфных агентств в России XIX в."⁴⁸.

К сожалению, в более поздней работе Е.М.Фадеечева "Источники информации ТАСС и АПН"⁴⁹ вновь подчеркнуто, что в "России первое полуофициальное Российское телеграфное агентство было создано в 1894 г.". Такое утверждение может создать превратное представление о службе газетной информации в стране.

Уже во второй половине 50-х годов XIX в. газеты не могли действовать, не получая обильной информации. И эту потребность удовлетворяла частная инициатива. Первое информационное агентство (РТА) было создано газетным предпринимателем К.Трубниковым в 1866 г. Затем активно действовали Международное телеграфное агентство (МТА) и Северное телеграфное агентство (СТА), в чем можно убедиться, листая комплекты газет 70-80-х годов XIX в. Как формировалась в стране служба газетной информации, как, кем собиралась, обрабатывалась и распространялась информация, какое влияние она оказывала на развитие и содержание ежедневной печати, каковы были экономические основания взаимоотношений агентства и газет, почему государство с годами все активнее регулировало, направляло газетную информацию, придав в конце концов официальный характер деятельности телеграфных агентств – вот далеко не полный перечень проблем, которые следует решить.

Несмотря на то что теория жанров является наиболее разработанной частью журналистской науки⁵⁰, еще много предстоит сделать в изучении истории развития основных жанров газетной печати. Немало может дать изучение таких жанров в газете, как передовая статья, отчет, репортаж, интервью, открытое письмо,

⁴⁷ См.: Пальгунов Н.Г. Основы информации в газете. ТАСС и его роль. М., 1955, с. 25.

⁴⁸ "Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология, журналистика", 1960, № 1.

⁴⁹ Проблемы информации в печати. М., 1971, с. 175.

⁵⁰ См. коллективные труды: Газетные жанры. М., 1955; Жанры советской газеты. М., 1959 и 1972; Проблемы газетных жанров. Л., 1962, а также: Прохоров Е.П. Эпистолярная публицистика. М., 1966; Журбина Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. Очерк, фельетон. М., 1969; и др..

маленький фельетон, рассказ, некоторые разновидности очерка (статистический очерк, очерк-путешествие и др.).

Причем к изучению жанра необходимо подойти не только с точки зрения его содержания, структуры, не только как к публицистическому произведению, зафиксированному на газетной полосе, но и как к произведению, сопряженному с определенным методом работы журналиста, видом деятельности, формой творчества. В таком случае предметом анализа станут не только форма и содержание произведения указанных жанров, а именно приемы, методы работы журналиста в связи с творческим поиском и заданием редакции. Газетный журналист должен был выработать в себе несколько иные качества по сравнению с журнальным работником.

Как шло формирование профессиональных навыков журналиста-репортера, интервьюера, собственного и специального корреспондента, обозревателя; что характерно для методов работы в данном жанре; как они изменяются во времени – таков круг вопросов, подлежащих рассмотрению. При этом будут поучительны и сильные и слабые стороны деятельности сотрудников дореволюционной газеты. Но прежде всего такой подход позволит изучить опыт работы прогрессивных журналистов прошлого, которые создавали благодаря своему мастерству образцовые произведения газетных жанров. Изучение методики работы газетчиков журналистов различных амплуа (а вторая половина XIX в. дает для этого уже достаточный повод) – очередная задача как теоретиков современных средств массовой информации, так и историков. Причем перед историками возникают дополнительные специфические трудности из-за ограниченности источников, невыявленности их и невозможности эксперимента.

Тем не менее база для таких исследований есть. Для анализа его методов работы в определенном амплуа, жанре может дать материал не только само творчество того или иного журналиста-газетчика, но и взаимные суждения коллег о работе друг друга, воспоминания, переписка и особенно рецензии на сборники газетных материалов, которые практиковались в XIX в. довольно часто.

Например, ряд книг, в которых были собраны очерки, корреспонденции русских журналистов на русско-турецкой войне 1877-1878 гг., проливает яркий свет на роль военного корреспондента газеты, как он сложился к 70-м годам XIX в.

Во время войны 1877-1878 гг. в России впервые были допущены в действующую армию корреспонденты частных газет. Это обстоятельство и популярность войны среди значительной части русского населения определили большое число корреспондентов, которые были командированы редакциями газет в армию. Непосредственная информация о состоянии войск, о боях и районах боевых действий сильно расширилась в газетах по сравнению с освещением боевых действий во время Крымской войны.

Среди военных корреспондентов оказались журналисты консервативного и либерального лагерей: В.И.Немирович-Данченко, П.Боборыкин, А.Пальм, Н.Каразин, В.Буренин, В.Крестовский, В.Комаров, В.Мещерский и др. Однако многие газетчики консервативных и либерально-буржуазных газет не были готовы к серьезному исполнению своих новых обязанностей: не хватало навыков, подчас не ясна была правовая, этическая сторона деятельности корреспондента. Более того, среди корреспондентов ряда газет оказались люди нечестные, использовавшие свое положение в интересах личной выгоды. Именно таких журналистов вывел Салтыков-Щедрин в главе "Тряпичкины-очевидцы" сатирического цикла "В среде умеренности и аккуратности"⁵¹. О подобных явлениях в те же годы писал и К.Станюкович в своих сатирических обзорах "Записки знатного иностранца", "Картинки общественной жизни" в журнале "Дело".

Но сатира есть сатира. Хотя она и отразила в гиперболизированном виде совершенно определенное явление жизни, однако что же происходило на самом деле с накоплением опыта работы корреспондента русской газеты вообще и работы военных корреспондентов в частности?

В ходе войны, и особенно в год ее окончания, многие журналисты-газетчики выпустили свои военные очерки, корреспонденции в виде отдельных книг, сборников (кн. В.П.Мещерский, В.И.Немирович-Данченко, В.Крестовский и др.). Уже в них можно почерпнуть известный материал о методах работы корреспондентов газет того времени, как русских, так и европейских. Но значительно интереснее сведения, заключенные в рецензиях на эти сборники и книги.

Не случайно в рецензии на книгу кн. В.П.Мещерского "Кавказский путевой дневник" ("Отечественные записки", 1878, № 2) автор писал, что русский корреспондент — это "робкое, беспомощное, запуганное существо"⁵². У него отсутствуют профессиональные навыки и нет чувства собственного достоинства: оно не воспитано всей обстановкой русской жизни, недавно сбросившей иго крепостнических отношений.

Разрешение допустить в действующую армию журналистов, писал другой автор, застало печать врасплох. "Корреспондентов как готовой журнальной корпорации у нас не существовало... В журналистике не было людей наготове, на которых бы можно было с уверенностью указать как на обладающих всеми литера-

⁵¹ Сам образ Тряпичкина в названии главы появился не случайно. Он был заимствован из комедии Гоголя "Ревизор". Именно ему, Тряпичкину, представителю питерских шелкоперов болгаринской прессы, и пишет письмо о своих похождениях Хлестаков.

⁵² "Отечественные записки", 1878, № 2, с. 191.

турными и житейскими качествами, необходимыми для настоящего корреспондента..."⁵³.

Недостаточный опыт сказывался и в манера держаться (неумение вести беседу с военачальниками, особенно если они были в чинах), и в налете красоты, неумеренной аффектации в оценках, выводах, и прежде всего в отборе фактов (здесь мы не касаемся вопроса осмысления фактов, что являлось уже следствием мировоззрения). Отсюда шла и критика корреспондентской манеры поведения, изложения, неверного понимания запросов аудитории или умышленного приспособления к определенной (как правило, невысокой по уровню требований) аудитории, часто заведомо консервативной или недостаточно подготовленной для серьезного разговора.

Порицается стремление во что бы то ни стало беллетризировать текст сообщений, банальность "красот стиля", отсутствие чувства меры, напыщенность, нескромное желание показать свою роль: "Мы были на Кавказе, мы были на Дунае, мы землю лобзали, мы слезы проливали, мы пахали"⁵⁴.

Подобные примеры можно было бы привести по поводу работы интервьюера, иностранного, собственного корреспондентов, накопления опыта и методики рациональных приемов работы репортера (разного профиля), хроникера и т.д., не говоря уже об очеркистах и фельетонистах.

В содержательной книге современного исследователя Т.В.Шумиловой "Не могли бы вы рассказать..." (М., 1976), посвященной работе интервьюера, нет исторического раздела о формировании данных навыков в прошлом русской печати. А такой анализ или даже обзор был бы и интересен и поучителен не только для понимания развития этой формы творчества, но и для современного опыта журналистов-практиков и исследователей буржуазной прессы.

Становление интервью в русской газете затянулось, если считать родоначальником жанра Карамзина, не обошлось без жарких дискуссий о характере жанра, об этических сторонах деятельности интервьюера во второй половине XIX в. Именно потому, что эта форма сообщения информации утвердилась в условиях господства буржуазной газеты, интервью вызвало сразу же большое недоверие к себе журналистов демократической ориентации (Короленко и др.). Они указывали на то, что интервьюер может искаженно передавать слова собеседника, и действительно, фактов искажения слов писателей, артистов, общественных деятелей в газетах второй половины XIX в. достаточно много. Жертвами искажений смысла слов стали и М.Горький,

⁵³

Там же, 1878, № 10, с. 231.

⁵⁴

"Отечественные записки", 1878, № 2, с. 193.

и Ф.Шаляпин, и многие др. Тем не менее жанр интервью со временем стал одним из распространенных в газете.

Деятельность наиболее ярких интервьюеров, зачинателей жанра, таких, как Ю.Шреер и другие, практически не изучена. То же можно сказать и по отношению к другим видам газетной работы, амплуа газетчика. Исследовательские задачи здесь решаются только с учетом бытования таких жанров и амплуа в современной коммунистической печати или буржуазной печати капиталистических стран. А материал отечественной печати практически остается без осмысления.

Не привлек внимания исследователей и такой вопрос, как положение (правовое, материальное) работников газетного аппарата, газетных типографий. Масса поденной, изнуряющей работы ложилась на плечи второстепенных работников газетных редакций, экспедиций, типографий. У нас есть яркие свидетельства М.С.Ольминского, А.В.Луначарского, М.Горького трудного, подчас двойственного положения рядового работника буржуазной газеты, которая делала его то жалким и угнетенным, то "одной из самых бандитских фигур", поскольку он держал "в своих руках репутацию многих людей, всевозможные нити — финансовые (торговые), экономические, уголовных интриг и т.д."⁵⁵.

Можно указать еще на одну проблему, очень широкую, но крайне интересную именно для конца XIX — начала XX в.: писатель и газета. В историко-филологической науке эта проблема практически не нашла своего решения. В новом издании "Литературной энциклопедии", в статье "Писатель и газета", признается значение ежедневного издания для творчества и политической деятельности писателя: "Газета порой играет роль школы для начинающего писателя"⁵⁶. В качестве примера приведена деятельность Ч.Диккенса, Э.Хемингуэя, А.Чехова, Л.Андреева и других, но литература, указанная к статье, крайне бедна. Несколько лучше обстоит дело с изучением вопроса применительно к советской журналистике. И все же приходится согласиться с утверждением проф. М.В.Урнова, что "зависимость творчества от характера издания, влияния типа издания на результат творчества — проблема существенная и еще не исследованная"⁵⁷.

⁵⁵ Луначарский о печати. — "Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11.

⁵⁶ Журналистика", 1968, № 2, с. 79.

⁵⁷ Краткая литературная энциклопедия, т. 5. М., 1968, с. 759.

Урнов М.В. Послесловие к роману Т.Гарди "Мэр Кестербриджа". М., 1971, с. 327.

На примере Чехова и его ближайших современников мы попытались наметить решение этой темы в книге "Чехов-журналист" (М., 1977), но это только начало большой работы.

В решении проблемы "Писатель и газета" следует исходить прежде всего из положений статьи В.И.Ленина "Партийная организация и партийная литература". Важным является указание на то, что печать подчиняет себе писателя в буржуазном обществе, что в дореволюционной журналистике существовали компромиссы, "неестественные союзы" и прикрытия.

Следует очень внимательно оценить творчество писателей-реалистов в газете второй половины XIX в., которые искали через нее способ дойти до массового читателя, простолюдина, искали способ воспитания народа в духе прогресса и гуманизма, в духе протеста против самодержавия и пережитков крепостничества. Сам жанр короткого рассказа заслуживает большего внимания как специфический жанр ежедневных изданий.

Заслуживает внимания и полиграфическая база ежедневной печати. Состояние полиграфической техники, типографий подчас определяло тиражную политику, оформление газеты, ее конкурентоспособность. Максимальные тиражи русских газет в XIX в. лимитировались не только состоянием читательской массы, но и производительностью печатных машин: ручных, плоскочастичных, ротационных, которые последовательно сменяли друг друга.

Наборы шрифтов, линеек, пробельных материалов, приспособления для воспроизводства клише и рисунков — все это отражалось на внешнем виде газет.

Затраты на типографское оборудование (или аренду), бумагу, краску наряду с зарплатой входили в основные производственные издержки и серьезно влияли на желание издавать газету. Собственная типография упрощала выпуск газеты, давала дополнительный доход за счет акцидентных работ. Но и на ее приобретение нужны были значительные средства.

В трудах, посвященных развитию полиграфической промышленности, газетные типографии не выделяются в предмет особого рассмотрения. Тем более они не выделяются в литературе по книговедению⁵⁸. Наиболее полные сведения о газетных типографиях содержатся в материалах ЦГИА СССР и МОГИА, в отчетах инспекторского надзора за типографиями. Автор имел возможность познакомиться с материалами Центрального государственного исторического архива СССР в Ленинграде и частично опубликовать сведения о газетных типографиях Петербурга ("Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Журналистика", 1967, № 4). По Москве подобные материалы были собраны и опубликованы Б.П.Орловым в книге "Полиграфическая промышленность Москвы" (М., 1950), правда, без выделения газетных типографий в особую рубрику. Некоторые дополнительные сведения можно почерпнуть из биб-

⁵⁸ См., например: Куфаев М.Н. История русской книги в XIX веке; Малыхин Н.Г. Очерки истории книгоиздательского дела в СССР. М., 1965.

лиографических журналов 1860-1880 гг., юбилейных изданий газет.

Вот некоторые данные о петербургских и московских газетных типографиях второй половины XIX в. В 1872 г. в Петербурге, судя по отчетам инспекторов по надзору за типографиями, было: типографий — 83, литографий — 105, словолитень — 10, металлографий — 3, хромолитографий — 1, ксилолитографий — 1, отдельных ручных печатных станков — 16.

В 1878 г. типографий стало 103, литографий — 106, словолитень — 13, металлографий — 5, о хромолитографиях и ксилографиях сведений нет, отдельных ручных печатных станков — 19. К 1880 г. число типографий выросло в Петербурге до 106, а число литографий — до 113 при общем числе скоропечатных машин в них 393 (в типографиях — 331, литографиях — 62).

Число типографских рабочих (наборщиков, печатников, батырщиков, вертельщиков и др.) к 1880 г. по всем 106 типографиям и 113 литографиям составляло, как указано в отчетах инспекции, 4678 человек. Количество рабочих в отдельных типографиях того времени колебалось от 25-30 (типографии Тушнова, Моригеровского) до 75-80 (типография Краевского) и более. Одной из самых мощных петербургских типографий, где печатались газеты, было заведение товарищества "Общественная польза". В 1867 г. в этой типографии насчитывалось 9 скоропечатных (плоских) машин и 200 рабочих. В ней печаталось 9 периодических изданий, в том числе газеты Трубникова, "Ведомости С.-Петербургской городской полиции" С.Максимова и др.

Журнально-газетная типография Краевского имела 6 скоропечатных машин и 73 рабочие. В ней печатался "Голос", а позднее, в 70-е годы, телеграммы МТА и РТА. По сравнению с названными типография Моригеровского (бывшая Рюмина), где никогда не печатали газет, насчитывала в том же 1867 г. только 3 скоропечатные машины и 27 рабочих.

В 1870 г. в типографии "Общественной пользы" насчитывалось 11 скоропечатных машин, работающих от парового двигателя, 9 печатных станков, 3600 пудов шрифта и 160 рабочих. Причем количество рабочих по сравнению с 60-ми годами благодаря механизации было несколько сокращено. В 1877 г. в ней прибавилась еще одна скоропечатная машина⁵⁹.

Журнальные типографии за то же время практически не увеличивались.

В Москве картина несколько иная. Абсолютные цифры мень-

⁵⁹ Сведения взятые из годовых отчетов инспекторов за типографиями и другими заведениями в Петербурге за 1867, 1870, 1872, 1878 и 1880 гг. (ЦГИА, ф. 776, оп. 29, ед.хр. 3, 6, 8, 13, 14).

ше, но общая тенденция сохраняется: газетные типографии развиваются быстрее, нежели журнальные.

В 1865 г. в Москве насчитывалось около 30 типографий⁶⁰. Наиболее крупными из них, где печатались газеты, были Синодальная и типография Московского университета (в аренде у Каткова). Общее число скоропечатных машин (плоских) в московских типографиях тогда составляло 58. Общее количество шрифтов исчислялось в 15 847 пудов⁶¹. Только три типографии имели паровые двигатели. Преимущество паровых машин было настолько очевидным, что к 1872 г. почти все московские типографии перешли на паровую тягу.

Развитию полиграфии в Москве мешала политика министерства внутренних дел. Так, Б.П. Орлов приводит циркуляр министерства московскому губернатору от 29 августа 1866 г., где рекомендовалось "отклонять по возможности от открытия новых заведений неизвестных или слишком молодых лиц, а также лиц женского пола, участие коих в делах сего рода усложняет вопрос о юридической ответственности и преследовании по суду, а равно затрудняет полицейский надзор"⁶².

Тем не менее типографское дело растет. В 1870 г. в Москве было уже 46 типографий, в 1880 — 89, 1885 — 93. Всего полиграфических заведений, включая литографии, металлографии, словолитни, в 1885 г. насчитывалось 199. Правда, газетных типографий было немного. Но 70-80-е годы принесли с собой совершенствование именно газетных типографий. Связано это с введением ротации. В 1879 г. типография Скворцова, где с 1863 г. печаталась газета "Русские ведомости", приобрела первую ротационную печатную машину. К 1885 г. ротационные печатные машины имелись в типографии Н.П. Ланина, где печаталась газета "Русский курьер", Н.И. Пастухова, обеспечивавшей "Московский листок", и др. Всего к этому времени в Москве было установлено шесть ротационных машин, причем каждая из них была исполнена за границей в индивидуальном варианте. К концу же 1895 г. в типографиях Москвы было уже 13 ротационных машин при наличии около 400 плоско-печатных. Общее количество шрифтов достигало 71 765 пудов⁶³.

Одной из самых крупных газетных типографий в 1896 г. была типография Н.И. Пастухова. Его газета "Московский листок"

⁶⁰ По сведениям "Книжного вестника" (1895, № 4) — 31, по сведениям Б.П. Орлова (См.: Орлов Б.П. Полиграфическая промышленность Москвы. М., 1953) — 32.

⁶¹ "Книжный вестник", 1895, № 4, с. 13-14.

⁶² Орлов Б.П. Полиграфическая промышленность Москвы. М., 1953, с. 138.

⁶³ См.: Орлов Б.П. Полиграфическая промышленность Москвы, а также: "Книжный вестник", 1895, № 4.

печаталась на трех ротационных машинах, разовый тираж составлял от 30 до 40 тыс. экземпляров. В конце 90-х годов еще более мощной оказалась типография И.Д.Сытина, где печаталась газета "Русское слово". Всего в 1895 г. здесь было установлено 36 печатных машин и 13 ручных печатных станков⁶⁴. Основную заботу типографии составляла книжная продукция. Но выпуск 100-150 тыс. экземпляров ежедневной газеты в начале XX в. не был обременителен для предприятий Сытина.

Аналогичная картина была в типографии И.Н.Кушнерева, Синодальной, Московского университета. У Кушнерева в 1895 г. было 41 печатная машина и 45 ручных печатных станков, в типографии Московского университета, находившейся в аренде у издателя "Московских ведомостей", - 22 печатные машины и 27 ручных станков⁶⁵.

Собранные сведения желательно пополнить новыми данными как по столичным, так и по провинциальным типографиям, особенно типографиям акционерных обществ, чтобы собранный материал лучше сопоставлялся по годам и объектам. Полезно установить стоимостную величину основных производственных затрат, доходов, дать экономическую характеристику работы экспедиций, агентств по сбыту продукции, подсобных производств и т.д., чтобы получить полную картину того, затратой каких средств обеспечивался необходимый пропагандистский эффект русской легальной печати, каковы были экономические барьеры при осуществлении свободы печати в русском государстве.

Одной из существенных сторон жизни печати является распространение газет. Особенность периодической печати состоит именно в тиражировании и распространении печатной продукции во всевозрастающем размере. Не случайно только появление печатного станка сформировало печать в современном значении этого слова. Недаром каждый издатель обеспокоен распространением своего печатного органа. Известно, как внимательно изучал Н.Г.Чернышевский подписку на "Современник", посвятив анализу хода подписки несколько обзоров.

В.И.Ленин придавал важное значение распространению печати и говорил не только об "аппарате" распространения, но о "функции распространения" газеты⁶⁶.

Распространение печати в буржуазном обществе иногда принимает уродливые формы, служит обогащению как издателей, так и посреднического аппарата, контор и агентств, контрагентств. Так было и в России. Конкуренты не знали жалости друг к другу.

Распространение печати до революции отмечено непреодолимым противоречием. С одной стороны, пропагандистские цели

⁶⁴ "Книжный вестник", 1895, № 2, с. 78.

⁶⁵ Там же, с. 75-79.

⁶⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 169.

и стремления к доходности толкали к расширению сбыта газет, с другой — политическая трусость и косность администрации тормозили распространение газет среди населения.

Вопросы распространения печати освещены в литературе слабо. Правда, имеется книга Э.Г.Голомба и Е.М.Фингерита⁶⁷, которая, безусловно, заслуживает внимания и положительной оценки как первая попытка систематического изложения указанной проблемы. Она дает в общем верное, но крайне фрагментарное представление о системе распространения газет в дореволюционный период. Более подробное исследование, видимо, не входило в задачу авторов. По характеру издания в главах, посвященных дореволюционному периоду, подчас отсутствует необходимый научно-справочный аппарат, встречаются неточности. Но главное — авторов интересуют прежде всего и исключительно аппарат и методы распространения печати.

А между тем конкретные сведения о распространении печати не только позволяют увидеть, насколько эффективна была деятельность того или иного издания, направления, всей легальной и нелегальной печати в целом, но и помогают вскрыть прямую связь печати с аудиторией. Картина распространения печатных органов дает возможность заглянуть в труднодоступную область читательских интересов, ожиданий, обратного влияния аудитории на печать и газету в особенности.

Структура читательской аудитории постоянно менялась на протяжении всего XIX в., причем в сторону все большей ее демократизации. И русский журнал был чувствителен к изменению аудитории, но не в такой степени, как газета. Журнал на протяжении XIX века оставался по преимуществу типом издания, рассчитанным на интеллигенцию. У газет круг читателей был значительно шире. В решении задач осведомления, просвещения, втягивания народных масс в сознательную цивилизованную жизнь, подготовку их к восприятию идейных проблем, пропаганды и агитации газета сыграла большую роль, нежели журнал.

Особой заслуги буржуазной газеты здесь нет. Увеличение грамотности, информированности, сознательности, социальной активности — процесс необратимый, связанный с характером самого развития производства и поступательным ходом истории. Однако и газеты, являясь продуктом этого развития, влияют на него.

Безусловно, консервативные органы стремились дать искаженное представление об истинных проблемах жизни, отвлечь массы от классовой борьбы, от роста сознания, но одновременно, помимо своего желания, они развивали это сознание: иногда из-за

⁶⁷ Голомб Э.Г., Фингерит Е.М. Распространение печати в дореволюционной России и в Советском Союзе. М., 1967.

невозможности обойти острые проблемы своего времени, иногда вследствие недалновидности или соперничества, конкуренции. Недаром царская бюрократия боялась увеличения распространения ежедневных изданий, часто независимо от направления, больше, чем журналов и книг. Не случайно с развитием газетной печати официальные сферы стали противопоставлять ей именно книгу, правда изданную специально "для народа".

Газету действительно читал более широкий простонародный круг читателей. Это отмечали многие деятели периодической печати и литературы второй половины XIX в. Одним из первых на это указал Н.С.Лесков: "Журнал не читают в народе, а газету читают"⁶⁸. Так думал не ~~сли~~ Лесков. Так думал и гениальный писатель Л.Толстой, так думал и писатель-самоучка, журналист Н.Зарубин. Но мы все еще плохо знаем реальную аудиторию второй половины XIX в. и поэтому не можем дать до конца верной оценки роли многих газет того времени.

Интересная книга Б.В.Банка "Изучение читателей в России (XIX в.)", вышедшая в 1969 г., касается преимущественно книжного читателя. А аналогичного исследования о газетном читателе или вообще периодической печати нет.

Где же взять сведения для характеристики реальной структуры русского городского общества, газетного читателя второй половины XIX в.?

У нас есть несколько источников для характеристики читателя: материалы переписей населения; воспоминания самих читателей и журналистов; сведения о подписке и рассылке газетных изданий читателям, сохранившиеся в архивах; немногочисленные социологические исследования состава читателей до революции; указания администрации, жандармов, цензоров на популярность той или иной газеты в определенном кругу читателей, служащих библиотек, учебных заведений; свидетельства художественной литературы и публицистики.

В историко-журналистских исследованиях давно используются материалы художественной литературы (Салтыков-Шедрин, Чехов) для характеристики читателя второй половины XIX в. (см. работы Д.О.Заславского, Б.П.Балуева и др.), но другие источники крайне редки. Надо признаться, что остальные из указанных источников выявляются трудно, часто бывают неполными, отрывочными. Необходимо затратить немало усилий, чтобы получить полезный результат, работая с ними. И тем не менее художественная литература не может оставаться единственным источником сведений о читателях прошлого.

В условиях массового распространения газет с середины 60-х годов XIX в. характеристика читательской аудитории как

⁶⁸ Лесков Н.С. Соч. в 11-ти т., т. 11. М., 1958, с. 389, 472 и др.

объекта воздействия газетной прессы и как фактора, в свою очередь, влияющего на состояние газетного дела, нуждается в более разностороннем и документированном анализе.

И последнее: заслуживают специального разговора проблемы классификации и типологии печати. Они интересны и важны сами по себе и в связи с развитием газетного дела особенно. Историки русской журналистики только в последнее время стали проявлять интерес к вопросам типологии. Во втором томе "Очерков по истории русской журналистики и критики" (ЛГУ, 1965) есть разделы, где авторы (В.А.Алексеев, А.В.Муратов и М.И.Ульман) освещают некоторые вопросы классификации и типологии русской журналистики второй половины XIX в.

В исследовании журналистики XIX в. В.Г.Березиной, состоящем из трех книг, лишь в третьей — "Русская журналистика второй четверти XIX века (1840-е годы)", вышедшей в 1969 г., — имеется глава, посвященная типологической характеристике периодических изданий. Но и эти опыты серьезно не затрагивают газетных изданий.

Вообще в истории русской журналистики почти нет исследований отдельных типов периодических изданий, в частности газет. Советские историки зарубежной печати давно исследуют буржуазные газетные издания по типологическому принципу: массовая печать, печать мнений, рекламная печать, информационная, коммерческая, качественная печать и т.д. Такие исследования необходимы и для отечественной истории печати. Русская газетная периодика в середине XIX в. уже так разрослась, имела столько разновидностей, что не учитывать и не отражать, хотя бы бегло, в общем очерке газет, основные типы невозможно. Ограничиваться только ведущими, общественно-политическими газетами ведущих идейных направлений нельзя, поскольку все издания в совокупности воздействовали на массу, формировали общественное сознание, участвовали в социальном управлении, классовой борьбе.

Типологическая характеристика помогает лучше оценить и понять особенности не только исследуемых типов, их роль в общественно-политической жизни, но и особенности других отрядов печати, их обусловленность друг другом. Она много дает для понимания общих процессов в развитии национальной печати как таковой, вскрывает внутренние закономерности ее развития на разных уровнях: тип издания, характер отделов, специфика жанров. И прежде всего, позволяет глубоко понять разницу структуры прогрессивной, общедемократической печати и печати консервативной, реакционной.

Конкретно-исторические исследования, фактографические работы при всей своей важности не могут заменить обобщающих работ, вскрывающих закономерности бытия печати.

В связи с проблемами типологии бросается в глаза несовершенство, неразработанность классификации газет. В.А.Алексеев в "Очерках по истории русской журналистики и критики" спра-

ведливо отмечает, что "общепризнанных принципов классификации журналов пока не существует"⁶⁹. То же самое можно было бы сказать и о классификации газет. Все существующие в дореволюционной и советской литературе классификации газет эмпиричны, противоречивы. А ведь четкая классификация — залог успешной типологической характеристики.

Классификация должна отражать все количественно и качественно значимые группы изданий данного времени. Она поможет изучить эти группы и отдельные издания не как случайно-единичные, а как принадлежащие к определенному типу и направлению. Четкая, исчерпывающая группировка газетных изданий даст возможность создать исследования по каждому типу, группе изданий, выявить их особое место и роль в системе печати, что будет интересно не только историкам печати, но и журналистам-практикам, позволит глубже изучить связь между типом и характером газетной печати, историю развития типов газет, связь между типом и его потенциальными возможностями, вооружит в борьбе с буржуазными взглядами на журналистику.

Решить все эти вопросы в одной работе, одному человеку не под силу. Они могут быть решены только общими усилиями историков отечественной печати. Однако автор посчитал возможным указать на основные проблемы газетного дела, нуждающиеся в разработке, попытался решить некоторые из них в последующих главах.

Особенность изучения истории русской журналистики в настоящее время определяется тем, что наряду с продолжением описания фактов русской печати ХУШ—ХІХ вв. и особенно начала ХХ в. необходимо вести широкие обобщения. Каждая тема по истории отечественной печати должна быть осмыслена в свете новейших достижений марксистско-ленинской теории журналистики. А исследование конкретно-исторического материала, в свою очередь, должно способствовать решению теоретических проблем и повышению профессионального мастерства современных работников печати.

⁶⁹ Очерки по истории русской журналистики и критики, т. 2, Л., 1965, с. 20.

РУССКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ГАЗЕТА
В ОЦЕНКЕ В.И.ЛЕНИНА

Значение трудов В.И.Ленина для историко-журналистской науки исключительно велико. В конкретном изучении прошлого нашей печати все советские исследователи исходили и исходят из ленинской концепции истории русской журналистики, связанной с периодизацией освободительного движения, учитывают многие конкретные высказывания В.И.Ленина о том или ином печатном органе, журналисте, издателе.

Тем не менее проблема "В.И.Ленин и вопросы истории русской журналистики XIX века" еще не получила серьезного монографического решения, в то время как потребность в таком научном труде уже назрела и остро ощущается историками и теоретиками отечественной журналистики, преподавателями факультетов журналистики университетов. Отдельные исследования на эту тему имеются, например: книга Н.Г.Зориной и А.А.Савенкова "В.И.Ленин — историк печати" (Л., 1966), Б.П.Балуева "Ленин полемизирует с буржуазной прессой" (М., 1977). Ставятся некоторые вопросы указанной проблематики в книге А.Ф.Бережного "Русские предшественники ленинской печати" (Л., 1969). Однако они охватывают лишь отдельные, ограниченные, подчас неполно представленные стороны ленинского наследия, касающегося истории русской печати, особенно газет. В них не всегда четко определены и хронологические рамки исследования.

Отдельные штрихи к указанной теме можно найти и в других книгах, таких, например, как "Ленин-журналист и редактор" (М., 1960, составитель А.З.Окороков), книга Б.Яковлева "Ленин-публицист" (М., 1960), в статьях Е.П.Прохорова "В.И.Ленин о публицистической форме отражения действительности" ("Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология, журналистика", 1961, № 6), И.К.Кременской "К вопросу об оценке В.И.Лениным статьи Г.З.Елисеева "Плутократия и ее основы" ("Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Филология, журналистика", 1969, № 4) и некоторых других.

А между тем в трудах В.И.Ленина заключена большая аналитическая картина развития отечественной печати XIX — начала XX в. Не говоря уже о таких работах, как "Из прошлого рабочей печати в России", "Памяти Герцена", "Партийная организация и партийная литература", "Карьера", "Капитализм и печать", которые широко известны марксистским историкам печати и постоянно используются ими в построении лекционных курсов,

учебников и учебных пособий, монографиях и статьях, существует еще немалое количество ценных замечаний, оценок дореволюционных периодических изданий или их сотрудников и материалов в трудах В.И.Ленина. До сих пор с необходимой полнотой и тщательностью они даже не собраны и, естественно, не проанализированы. (Сборник "Ленин о печати", вышедший в 1959 г., объединяет преимущественно высказывания В.И.Ленина о партийной коммунистической и советской печати).

В.И.Ленин в своих трудах и письмах не один десяток раз упоминает многие периодические издания XIX в., причем не только революционные, демократические, но и либерально-буржуазные, монархические, не только ежемесячные, но и ежедневные, не только столичные, но и местные. Так, например, уже в первые годы своей публицистической и научной деятельности, с 1893 по 1900 г., В.И.Ленин более 40 раз обращался к материалам русских легальных газет: официальных ("Правительственный вестник") и частных ("Русские ведомости"), общественно-политических ("Московские ведомости") и специальных ("Сельский вестник"), петербургских и провинциальных.

Историку печати следует иметь в виду, что почти каждое такое обращение вождя, каждое упоминание им печатного органа или его материалов несет в себе оценку издания или его сотрудника, определяет роль журнала или газеты в системе печати и политической борьбе.

Развернутую характеристику отдельных изданий XIX в. мы находим в статье "От какого наследства мы отказываемся?", в книгах "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?", "Что делать?". В.И.Ленин оставил ряд статей-персоналий, статей-некрологов о таких журналистах XIX - начала XX в., как А.И.Герцен, Н.К.Михайловский, А.С.Суворин, Н.Е.Федосеев, И.В.Бабушкин, Н.Э.Бауман. Подобный тип статьи, специально посвященный отдельному журналисту прошлого, также не привлек еще к себе должного внимания историков печати.

Конечно, высказывания о революционной, революционно-демократической печати в силу ее роли в общественной борьбе и прогрессивных традиций, заключенных в ее опыте, имеют особо важное значение. Они и известны значительно шире кругу ученых и педагогов. Но нельзя недооценивать и отзывы В.И.Ленина о реакционных изданиях и публицистах прошлого. Только с учетом их можно составить себе верное представление о проблеме "В.И.Ленин и русская дореволюционная журналистика, русские дореволюционные газеты". Эти оценки и отзывы не только помогают уяснить характер конкретных изданий в системе печати XIX в., но глубоко раскрывают закономерности бытия всей прессы, особенно демократической, в буржуазно-монархическом государстве.

В литературоведении уже давно созданы монографические труды, посвященные теме "Ленин и проблемы истории русской ли-

тературы"¹. Они сыграли и играют важную роль в развитии советской науки о литературе. К сожалению, такой или таких монографий нет среди исследований по журналистике, хотя вопросы печати отнюдь не были менее близки В.И.Ленину, чем вопросы литературы.

Решение проблемы "В.И.Ленин и вопросы истории русской журналистики" или более узкой — "В.И.Ленин и русская дореволюционная газета" — требует максимально полно учесть и всесторонне проанализировать с точки зрения историка печати все высказывания В.И.Ленина о русских журналах и журналистах, газетах, сопоставить их с его же наиболее важными оценками западноевропейской буржуазной и международной коммунистической рабочей печати. Историк журналистики обязан в ленинском наследии выделить все, что касается оценки специфических черт развития журналистики XIX в., ее основных функций, методов, форм подачи материалов, связей с массами, обусловленности их конкретными историческими и политическими условиями.

Необходимо помнить оценку В.И.Лениным не только основных сословий и классов, накладывавших отпечаток на ведущие периодические органы, но и более мелких прослоев русского общества, ради которых система буржуазной печати с каждым десятилетием пополнялась все новыми изданиями, становилась все сложнее и многообразней.

Особого внимания заслуживает вопрос о зависимости развития журналистики от революционного движения масс. Ленинская периодизация истории русской журналистики в связи с характером освободительного движения и ролью сословий в этом движении не исключает, а, наоборот, постоянно предполагает соотношение процессов развития печати с историческим творчеством миллионных масс.

Декабристы были "страшно далеки от народа", указывал В.И.Ленин; Герцен не видел революционного народа в России в 1847 г., но увидел его в 1861 г.; "ближе" была "связь с народом" у революционеров-разночинцев 60-70-х годов. И только конец века дал России массовую рабочую печать, когда началось революционное "движение самих масс", когда развернулось массовое движение пролетариата "в связи с социал-демократией". Предельно ясно об этом сказано в статьях В.И.Ленина "Памяти Герцена", "Из прошлого рабочей печати в России", "О Вехах".

Усиление, расширение связей по всем линиям нашей общедемократической печати с народными массами — закономерность

¹ См.: Мейлах Б. Ленин и проблемы русской литературы, 1-е изд. М., 1947; 3-е изд. Л., 1956; Рюриков Б.В. В.И.Ленин о литературе и искусстве, 1-е изд. М., 1957; 2-е изд. М., 1960; Шербина В.Р. Ленин и вопросы литературы. М., 1961; и др.

развития русской передовой журналистики. Это та самая традиция, которую развивала и развивает наша коммунистическая печать.

Много поучительного заключено в оценках В.И.Ленина либерально-буржуазной, буржуазно-монархической печати. С изданиями этих направлений В.И.Ленину пришлось столкнуться и как историку печати и как журналисту-практику. В конце XIX в. в России буржуазно-монархическая печать, превращаясь в капиталистическое предприятие, безусловно количественно господствовала, и В.И.Ленин постоянно вел с ней борьбу, отстаивал лучшие традиции революционной демократии от опошления либерально-монархических публицистов, подчас ренегатов буржуазной демократии. Несмотря на свой негативный характер, эти оценки имеют большое теоретическое и практическое значение, ибо они давались с позиций научного мировоззрения — марксизма и методологически значимы для анализа системы современной империалистической прессы капиталистических стран.

Страх перед поднимающимся на борьбу рабочим классом, народом толкал буржуазную прессу вправо, к самодержавию. И в этом случае движение народных масс важнейшим образом отражалось на развитии отечественной печати, газет и журналов.

"Вестник Европы", "Русское богатство", "Русские ведомости", "Русская мысль", "Московские ведомости", "Новое время", журналы "легального марксизма" и другие издания второй половины XIX в., их издатели и сотрудники (Н.К.Михайловский, С.Н.Кривенко, С.Н.Южаков, М.М.Стасюлевич, А.С.Суворин, М.Н.Катков, П.Б.Струве и многие другие) получили характеристику, оценку в сочинениях и письмах В.И.Ленина. В них вскрыты глубокие закономерности развития легальной печати в России: на примере Стасюлевича, Скалдина (Ф.П.Еленев) показана неосознанность буржуазного характера своей деятельности частью либеральной журналистики в конце 60 — начале 70-х годов XIX в.; раскрыта эволюция буржуазно-демократической идеологии (в лице народников) к либерализму, буржуазно-либеральной идеологии (в лице Суворина) к черносотенству и реакции; разоблачена попытка использовать либерально-буржуазной публицистикой в борьбе за массового читателя отдельные выводы научного социализма (на примере "легальных марксистов", Струве и др.) в конце XIX в.

Немало места в трудах В.И.Ленина отведено характеристике откровенно консервативной, монархической прессы: "Русскому вестнику" Каткова и многочисленным консервативно-монархическим газетам — "Московским ведомостям", "Гражданину", "Биржевым ведомостям". У нас в очень незначительной степени систематизированы высказывания В.И.Ленина о русских легальных реакционных газетах. А В.И.Ленин многократно обращался в статьях и письмах к ведущим русским газетам второй половины XIX в., некоторым местным и специальным реакционным изда-

ниям. Например, до 1910 г. В.И. Ленин постоянно и пристально следил за "Московскими ведомостями" Каткова — Грингмута. Он вскрыл типические черты этой газеты как реакционного политического органа помещичьего класса, тактику и методы работы ее сотрудников, причины влияния на массового читателя.

В.И. Ленин не только вел борьбу с буржуазно-монархической прессой, но и использовал ее как источник информации о положении в стране, тактике и стратегии господствующих классов и правительства, о применении рабочего законодательства, беспорядках на фабриках и т.д. До появления "Искры" и других социал-демократических изданий буржуазно-монархическая, буржуазно-либеральная газета по существу была монопольным источником оперативной информации. В этом качестве не могла она игнорироваться и позднее — вплоть до 1917 г. Вместе с тем В.И. Ленин неоднократно использовал материалы буржуазно-монархической прессы, особенно газет, в целях революционной пропаганды.

Отношение В.И. Ленина к реакционной печати весьма поучительно. Анализ его оценок раскрывает важные методологические принципы марксистского газетоведения, помогает лучше уяснить характер буржуазной печати, стратегию и тактику русских коммунистов в революционной борьбе.

В мире не затухает борьба идей; проблема разъяснения политики коммунистов и разоблачения буржуазной пропаганды делается все острее, требует все более глубокого теоретического осмысления, наиболее целесообразных приемов и способов. Поэтому в нашем историческом опыте важно не только установить главные вехи этой борьбы, но и вскрыть механизм борьбы против буржуазной печати.

Буржуазно-монархическая пресса занимала монопольное положение в системе печати дореволюционной России. Марксистам и В.И. Ленину приходилось сталкиваться с ней постоянно, на каждом этапе борьбы за социализм и пролетарскую революцию. Без этой борьбы немислимо было привлечение широких народных масс на свою сторону. Наряду с беспощадной критикой и разоблачением реакционности буржуазно-монархической прессы, ее классового характера В.И. Ленин обращался к ее материалам для анализа происходящих событий и выявления объективных закономерностей исторического процесса. Так, например, в июле 1913 г. В.И. Ленин даже из материалов буржуазной прессы — газет "Речь" и "Русское слово" — извлекал все, что могло служить для анализа происходящих событий. В 1917 г. В.И. Ленин обращался к буржуазной прессе, черпая в ней "немало отдельных точных указаний"², в чем признавался сам в работе "Грозная катастрофа и как с ней бороться".

² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 174.

Но буржуазная, буржуазно-монархическая пресса не только объект критики и источник определенных, пусть ограниченных, сведений о положении страны, классов, народа, она и объект, дающий серьезный материал для революционной пропаганды и агитации. В.И. Ленин не раз ставил вопрос об использовании ее материалов в этих целях. Он говорил об этом в статьях "Внутреннее обозрение", "Из экономической жизни России", "Политическая агитация и "классовая точка зрения", "Московские зубатовцы в Петербурге", "О русском управлении и о русских реформах", "Слова и дела", "Грозящая катастрофа и как с ней бороться".

Обращает на себя внимание, что все эти статьи, как правило, относятся к периодам революционного подъема: концу 1905 г., 1910-1912 гг. и 1917 г.

Русская буржуазно-монархическая печать в силу политической самонадеянности, известной недооценки зрелости массового читателя и полемических увлечений ("Какие иногда меткие слова бросают нечаянно наши министры, когда они хотят подставить ножку какому-нибудь коллеге и выказать свое глубокомыслие..."³, — указывал В.И. Ленин)³, а иногда и из-за страха перед размахом рабочего движения нередко выбалтывала сокровенные мысли реакционеров.

Революционер должен "систематически утилизировать эту "богатую сокровищницу" политического просвещения"⁴, писал В.И. Ленин, указывая на материалы не только ведущих общеполитических газет, но и специальных правительственных и даже мелких местных изданий.

Так, например, В.И. Ленин обращал внимание революционеров на то обстоятельство, что "командующие классы очень часто не стесняются показываться *au naturel*... В специальных тюремных, церковных и тому подобных изданиях. Давно пора нам, революционерам, — писал он, — приняться систематически утилизировать эту "богатую сокровищницу" политического просвещения"⁵.

В таком же духе говорил В.И. Ленин о специальных и мелких местных изданиях. В статье "Из экономической жизни России" он указывал, что "издания правительственные, земские, медицинские и т.п."⁶ представляют большой интерес своими экономическими материалами. Об этом же говорит В.И. Ленин, давая оценку газете "Гражданин" в статье "О русском управлении и о русских реформах".

В статье "Политическая агитация и "классовая точка зрения"

3

4 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 35.

5 Там же. с. 340.

6 Там же.

Там же, т. 6, с. 280.

В.И. Ленин цитирует газету "Московские ведомости", открыто защищающую православие, которое воспитывало массы в духе смирения и благодаря которому помещики "едят сытно, спят спокойно и живут весело". В.И. Ленин по поводу этих откровенных признаний замечает: "В пылу усердия "Моск. Вед." начинают проговариваться. И они проговорились до такой степени, что *нечаянно правду сказали*"⁷.

Но газета проговаривалась не только в пылу полемики. Иногда она должна была говорить правду в ходе политической борьбы, особенно после 1905 г.

Газета "Московские ведомости", явно сознающая свою партийность, умела применять классовую точку зрения к анализу отдельных явлений русской жизни и говорить правду. Она давала подчас более верную оценку явлениям жизни, нежели другие газеты.

То, что реакционная пресса говорит ложь и фальсифицирует факты, общеизвестно. Но это надо понимать не безусловно. Если бы такая газета говорила только одну ложь, она потеряла бы всех читателей. Такой взгляд представляется слишком упрощенным, по крайней мере для XIX и начала XX в.

В.И. Ленин не исключал правды на страницах реакционных газет. Вот какой пример он приводит, говоря о "Московских ведомостях" и кадетской печати в 1905 г.: "Возмите, напр., спор между этими последними и либеральной печатью по вопросу о том, есть ли Россия конституционная монархия. Нет, говорят "Московские Ведомости". Да, говорят хором кадетские газеты. В этом споре "Московские Ведомости" прогрессивны, а кадетские газеты реакционны, ибо "Московские Ведомости" говорят правду... а кадеты говорят ложь..."⁸.

Таким образом, отдельные стороны жизни, политической борьбы монархическая печать могла отражать точнее, нежели печать либеральная, либеральная точнее, чем меньшевистская. Выявить подобные случаи, использовать их в своей пропаганде — важное дело революционера.

"...Хвала вам, писатели газет "Речи" и "Думы", — восклицал В.И. Ленин, — вы бесподобно помогаете нам, революционным социал-демократам, разъяснять народу неподкрашенную политическую действительность! Вы помогаете нам и своими теориями, и своими делами"⁹.

В газете "Эхо" в 1906 г. в статье "Среди газет и журналов" В.И. Ленин не раз использовал в целях революционной пропаганды материалы буржуазных газет. Кадеты всячески маскировали свой сговор с монархическим правительством. В.И. Ле-

⁷ Там же, с. 265.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 306.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 13, с. 176.

нин, внимательно следя за кадетской печатью, нашел и привел выдержку из газеты "Речь", подтверждавшую этот сговор¹⁰.

В другой раз, пересказывая аграрную программу кадетов, В.И.Ленин писал: "Слышите ли, крестьяне? Вас еще раз хотят облагодетельствовать чиновническим путем..."¹¹.

Когда Милюков в одной из статей 1907 г. заявил: "Враги слева", В.И.Ленин процитировал эти слова в статье "Революция и контрреволюция" как саморазоблачение кадетов¹². Кадеты сказали правду, и она тотчас же была использована В.И.Лениным для революционного воспитания масс, для обнажения контрреволюционной сути кадетов. "Пишите осторожнее, гг. кадеты!" - иронически предупреждал их В.И.Ленин¹³.

В ленинских трудах упоминается свыше 30 названий кадетских газет и журналов, более 50 их сотрудников. В.И.Ленин внимательно утилизировал "сокровенные думы" помещиков и капиталистов", отражавшиеся на страницах буржуазно-монархических изданий, для последующего использования этих материалов в революционной работе. Подобная работа над буржуазно-монархической прессой требует большой политической зрелости, понимания объективных законов исторического развития, верности интересам основной массы населения - трудящихся, рабочего класса.

Высказывания В.И.Ленина об использовании материалов реакционной печати в интересах революционной работы составляют важную часть его цельного учения о печати в классовом обществе.

Не менее важные вопросы связаны с оценками В.И.Лениным всей предреволюционной печати начала XX в. Размах классовой борьбы, наличие боевой социал-демократической прессы уже в начале века, и особенно в 1905-1907 гг., вызвали сложный процесс перегруппировки буржуазной журналистики, что потребовало переоценки содержания и роли почти всех изданий "либеральной и демократической печати"¹⁴.

Духом непримиримой партийности проникнуты все ленинские работы, затрагивающие вопросы истории русской журналистики XIX в. Только с позиций борющегося за свое счастье народа, только "с точки зрения пролетариата" (в этом отношении очень характерна оговорка В.И.Ленина, сделанная в статье "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов?" при характеристике направления "Отечественных запи-

10

11 См. там же, с. 255.

12 Там же, т. 10, с. 51.

13 Там же, т. 16, с. 119.

14 Там же, т. 13, с. 105.

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 16, с. 44.

сок")¹⁵ давались оценки тем или иным фактам из прошлого нашей печати. Никакая талантливость, одаренность журналиста не защищала его от прямых классовых оценок В.И.Ленина. Так было с оценкой И.С.Аксакова, Ф.М.Достоевского, П.Я.Чаадаева, Н.К. Михайловского, М.А.Бакунина и др. Так было с оценкой Г.В.Плеханова после перехода его на позиции меньшевизма. Поэтому В.И.Ленин так высоко ценил критику А.И.Герценом и Н.П.Огаревым либерализма, партийную неуступчивость "мужичких демократов" Н.Г.Чернышевского и Н.А.Добролюбова.

Труды В.И.Ленина имеют огромное значение для понимания самого процесса зарождения и формирования в стране периодической печати, характеристики тех социальных условий, в которых это зарождение происходит. Немного прямых высказываний содержится в его сочинениях о ХУШ веке, но высокая оценка Радищева как наиболее яркого представителя революционной России, олицетворяющего собой передовой фронт национальной культуры и революционной мысли на рубеже ХУШ-ХІХ вв., дает надежный ориентир в расстановке ценностей преддекабристского периода развития русской журналистики.

Все эти соображения необходимо принять во внимание, приступая к изучению русской дореволюционной газеты, выявляя возможно полнее содержащиеся в трудах В.И.Ленина общетеоретические положения о развитии газетного дела в России.

В.И.Ленин создал учение о печати нового типа – печати коммунистической, показал ее роль в организации партии борющегося пролетариата, в победе социалистической революции и коммунистическом строительстве. Но этим не ограничивается значение трудов В.И.Ленина для теории и истории печати. В его трудах содержится учение о печати как бы двух уровней: учение о печати как особом роде, особой сфере человеческой деятельности и о видах печати в классовом обществе – печати коммунистической и буржуазной¹⁶.

Для нашего исследования особенно важно выделить учение В.И.Ленина о печати в широком смысле этого слова, учение о печати как особой сфере человеческой деятельности, и учение о печати капиталистической, поскольку русская дореволюционная печать (а газетная особенно) была наиболее широко предс-

¹⁵ См. там же, т. 1, с. 293: "И поскольку "Отечественные записки", чувствуя антагонистичность русского общества, воевали с буржуазными либерализмом и демократизмом, – постольку они делали дело, общее всем нашим первым социалистам <...> постольку "Отечественные записки" были прогрессивны (разумеется, с точки зрения пролетариата)".

¹⁶ Самостоятельная теория капиталистической печати в трудах В.И.Ленина побочно хорошо выявляется, например, в книге Б.Спиру "Отравители" (М., 1959).

тавлена именно печатью буржуазной, капиталистической. Название статьи В.И.Ленина "Капитализм и печать" фокусирует одну из наиболее важных проблем изучения ежедневной печати указанного времени.

Первое, о чем надо сказать, анализируя ленинские высказывания о печати, – это признание громадной роли газет как особого вида периодических изданий в жизни развитого классового общества. Создание периодической печати – большое культурно-историческое дело для каждого народа. Цивилизованное общество не может жить без газет. В.И.Ленин подчеркивал, что в XIX – начале XX в. "печать имеет громадное значение"¹⁷, что "без политического органа немыслимо в современной Европе движение, заслуживающее название политического"¹⁸.

"...Политическая газета есть одно из основных условий для участия любого класса современного общества в политической жизни страны вообще, а в частности и для участия в избирательной кампании"¹⁹. "Без журналистического аппарата ни одно массовое движение обойтись не может в сколько-нибудь цивилизованной стране"²⁰.

Эти ленинские положения находят подтверждение в оценке роли ежедневной прессы у Маркса и Энгельса, а также современных деятелей Коммунистической партии Советского Союза.

Особенно велика роль газет в освободительном движении, в революционной борьбе пролетариата и коммунистическом строительстве.

Газета как особый вид периодического издания получает признание лишь на определенной ступени развития человечества, в достаточно высокоорганизованном обществе, когда складываются национальные государства, когда производительные силы достигают определенного уровня развития, когда формируются основные общественные классы и товарный обмен устанавливает связь между народами цивилизованного мира. Вызревание этих условий приходится в разных странах на различное время – конец XV, XVI, XVII вв.

Для России веком зарождения буржуазных товарно-денежных отношений был XVI век. "Только новый период русской истории (примерно с XVII века) писал В.И.Ленин, – характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всерос-

¹⁷

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 287.

¹⁸ Там же, т. 5, с. 10.

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 434.

²⁰ Там же, т. 41, с. 99.

сийский рынок"²¹. ХУП век и подвел страну вплотную к возникновению периодической печати. И чем сильнее, чем шире развивались буржуазные отношения, тем значительнее становилась ежедневная печать.

Возникнув в классовом обществе, газета служит интересам отдельных социальных групп, классов. Поэтому нет и никогда не было беспартийных газет. (Под партийностью имеется в виду не только формальная принадлежность к партии, но классовая тенденциозность газеты). Ежедневное издание может ставить общенациональные задачи, но в интересах класса. Даже если оно ограничится ролью информатора, то в самом подборе информации неизбежно встанет на классовую точку зрения уже в силу того, что его делают люди, которым свойственны те или иные общественные взгляды, симпатии, интересы.

В современном буржуазном классовом обществе дело осложняется и прямым давлением, вмешательством правительства, капитала в жизнь прессы, потому что газета — большая сила. Газета никогда не была свободной от классового влияния. "Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя"²², — утверждал В.И. Ленин; И это полностью относится к прессе. Лозунг "свободы печати" никогда не носил абсолютного характера. В.И. Ленин говорил, что "лозунг" "свободы печати" стал всемирно великим в конце средних веков и вплоть до XIX в. Почему? Потому что он выражал прогрессивную буржуазию, т.е. ее борьбу против попов и королей, феодалов, помещиков"²³, т.е. против феодализма.

В XIX в. положение изменилось. Теперь уже за свободу печати выступили представители народных масс, а затем и пролетариат. Речь шла снова не о свободе вообще, а о свободе от буржуазии, которая уже не была прогрессивной общественной силой, о свободе для трудового народа. Наоборот, буржуазия, руководствуясь своим классовым эгоизмом, стала душителем свободы печати. Она противилась росту числа людей в обществе, которое должно пользоваться свободой печати. Газета была куплена капиталом и до сих пор пребывает в этом состоянии в тех странах, где господствует буржуазия. Только коммунистические газеты обрели подлинную свободу.

И вместе с тем газета остается газетой независимо от классового содержания. Как родовое понятие она — особое явление в культурной и политической жизни общества с присущими ей одной специфическими чертами и функциями (речь идет об общественно-политической идейной газете).

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153–154.

²² Там же, т. 12, с. 104.

²³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 79.

Среди других периодических изданий газета выделяется своим объемом, периодичностью и злободневностью. Это, как правило, небольшое по объему, ежедневное издание, оперативно откликающееся на повседневные вопросы общественной и политической жизни. "...Ясно, — писал Ф.Энгельс, — что еженедельный журнал должен отводить *больше* места актуальным вопросам, чем ежемесячный"²⁴, а ежедневное издание — тем более. Но, будучи злободневной, газета может удовлетворять только житейские потребности обывателей, а может стать органом политического мнения, направления, партии.

Классики марксизма всегда пренебрежительно относились к тем газетам, которые не имели политической платформы и служили лишь средством информации, развлечения обывателя, средством спекуляции и наживы их издателей. Показательно в этом отношении пренебрежение В.И.Ленина к "нововременской литературе", не определившей в XIX в. четко своего политического направления²⁵.

В.И.Ленин именно за политической газетой не только XX, но и XIX в. признавал громадную силу в обществе, считал ее важнейшим средством политической борьбы, мощным рычагом государственного, культурного и хозяйственного строительства. Так, оценивая газету Каткова "Московские ведомости" как дельную политическую (хотя и архиреакционную), он ставил ей в заслугу, что она не боится "идти впереди правительства"²⁶. А в статье "Гонители земства и Аннибалы либерализма" В.И.Ленин называл министра царского правительства Д.А.Толстого "учеником" газетчика Каткова²⁷.

х х
х

В классовом обществе функции настоящей идейной газеты проявляются весьма разнообразно. И они будут неодинаковыми для буржуазной и рабочей газеты. Однако всякая газета является орудием общественного воспитания, средством формирования определенного общественного мнения; она является распространителем идей. Пресса "в буржуазном обществе одно из главных орудий общественного воспитания", писал В.И.Ленин в "Первоначальном варианте статьи "Очередные задачи Советской власти"²⁸.

²⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 38, с. 71.

²⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 336.

²⁶ Там же.

²⁷ См. там же, с. 48.

²⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 146.

Но "роль газеты не ограничивается... одним распространением идей, одним политическим воспитанием и привлечением политических союзников"²⁹, газета также является "центром и основной политической организации"³⁰ и как таковая служит делу организации класса или народных масс.

Издание и распространение газет В.И.Ленина не раз называл "великим делом осведомления" и просвещения масс, особенно крестьянства³¹. О важности информации в газете говорил соратник В.И.Ленина А.В.Луначарский в речи на открытии Московского института журналистики в октябре 1921 г.: "Говорят, что основная задача журналиста – это информация. Это, лучше сказать, та база, на которой так развернулась мощь газеты...

Итак, главное – это информация; все остальное, что нарастает на газете, вытекает из основной ее тенденции, – дать информацию... Другие отделы газет являются уже продолжением информации. Передовица, маленький фельетон и т.д. – все они – комментарий к информации, открыто или туманно, прямо или косвенно, но – комментарий"³². Это высказывание Луначарского следует прокомментировать. Во-первых, очень характерна оговорка: "Говорят, что..." Действительно, в 20-е годы существовала точка зрения, которая сводила все значение газеты к чистой информации. И в речи Луначарского можно найти отголоски этой теории – все материалы в газете (передовицу, фельетон) он называет "продолжением информации".

Но, подчеркивая роль информации в газете, Луначарский тут же говорит о партийности, классовости информации; он не противопоставляет информацию партийности, что было свойственно троцкистам, он отвергает "чисто информационные" газеты, заявляя, что "информация – вовсе не объективная вещь, как многие представляют"³³. Короче говоря, Луначарский отмежевывается от тех, кто видел в газете только "чистую" объективную информацию и отрицал ее связь с пропагандой.

Во второй фразе приведенного отрывка ("Это, лучше сказать, та база..." и т.д.) Луначарский по существу ставит вопрос не о роли газеты как информатора, а об информированности аппарата газеты, без чего действительно немыслима в цивилизованном мире журналистская деятельность, пропаганда, агитация.

²⁹ Там же, т. 5, с. 11.

³⁰ Там же, т. 44, с. 79.

³¹ См. там же, т. 34, с. 213; Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 230; т. 32, с. 404; и др.

Буржуазную газету В.И.Ленин прямо называл "орудием информации" для богатых (Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 329).

³² Луначарский А.В. о печати. – "Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Журналистика", 1968, № 2, с. 79.

³³ Там же.

Иначе зачем была бы нужна мощная служба газетной информации в любом развитом государстве – капиталистическом или социалистическом?

Говоря об информации как неотъемлемом свойстве газеты, мы отвергаем буржуазные теории об информационных газетах, газетах новостей, якобы лишенных пропагандистского значения и характера. "Информация – категория политическая"³⁴.

Информация и пропаганда в газете теснейшим образом связаны между собой, информация служит пропаганде, но это не дает основания игнорировать роль информации в газете. Это целая область, сфера деятельности газеты, газетчика, имеющая самостоятельное значение и подлежащая специальному исследованию. Газета нерасторжима с понятием "информация". Указанное положение следует подчеркнуть в связи с имевшей место до недавнего времени тенденцией преуменьшать и даже отрицать информационную задачу (функцию) газеты из-за боязни сомкнуться с буржуазными истолкователями функций газеты. Вместо того чтобы ставить вопрос о характере, направлении, партийности информации в капиталистической и социалистической прессе, периодической печати рабочего класса вовсе отказывали в информационной сущности.

Сейчас, когда в официальных партийных документах печать отнесена к средствам массовой информации и пропаганды, этот вопрос приобретает особую актуальность.

Информация в буржуазной теории журналистики противопоставлена партийности. Наша задача – показать партийность любой газетной информации. Надо не бояться буржуазного истолкования информации, а противопоставить ему свое научное истолкование.

Анализ ряда ленинских работ и практика советской газеты уже первых лет революции заставляют подчеркнуть информационную функцию газет. Для советских газет после закрытия в 1918 г. буржуазных и мелкобуржуазных изданий в стране вопрос информации стал очень важным, ибо раньше революционеры сами в значительной степени пользовались информацией буржуазных газет, широко комментировали ее³⁵. Теперь же надо было поставить дело сбора информации самим. Для этого нужны были средства, связи, люди, опыт и пр.

Не случайно В.И. Ленин еще в начале XX в. проявлял озабоченность о репортерах пролетарской газеты, говорил об "армии репортеров-социал-демократов... обязанных "по должности" быть вездесущими и всезнающими"³⁶.

³⁴ Зубков И.А. Информация – категория политическая. – "Журналист", 1972, № 8.

³⁵ Об этом говорит А.В. Луначарский в указанной выше речи.

³⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 149; также, т. 46, с. 139 (Письмо С.О. Цедербауму).

Не случайно "Правда", "Известия" наряду с красными журналистами привлекают к работе бывших сотрудников самой информированной буржуазной газеты конца XIX в. "Русское слово" и некоторых других органов буржуазной прессы, решая этот вопрос как часть общей задачи – привлечение буржуазных специалистов к социалистическому строительству³⁷.

Итак, осведомление, употребляя выражение В.И.Ленина, или информация, занимает очень важное место в газете, хотя газета, особенно современная, не только и не просто информация, осведомление.

Не менее важна и культурно-просветительная функция газеты. Чрезвычайно интересный материал для размышлений в этом отношении дает статья В.И.Ленина "Попятное направление в русской социал-демократии", написанная в конце 1899 г.

Расширение социал-демократической агитационной работы, говорится в статье, привело к общению с различными слоями

³⁷ Лояльно работал с Советской властью И.Д.Сытин – один из крупнейших дореволюционных издателей. Его деятельность положительно была оценена В.И.Лениным. В "Правду" в качестве репортера был привлечен Л.Н.Ядринцев (сын известного сибирского публициста и этнографа), причем ему поручались весьма ответственные задания – давать отчеты о ряде ленинских выступлений перед рабочими. В его судьбе принимала участие М.И.Ульянова. До революции он печатался в ряде сибирских газет, был секретарем ростовской газеты "Южный телеграф", корреспондировал в "Русское слово" (см. письмо Ядринцева А.С.Панкратову от 5 августа 1908 г. – Отд. рукоп. Б-ки им. Ленина, ф. Залкинда, ф. 24, 67). О.С.Литовский в книге "Так и было" (М., 1958) приводит сведения о работе в "Известиях" выпускающим бывшего члена редколлегии "Русского слова" И.И.Старобогатова; литературным правщиком бывшего заведующего отделом московской хроники той же газеты К.М.Даниленко и др. О сотрудничестве Даниленко вспоминает и журналистка "Известий" Е.А.Занозина: "Константин Матвеевич пришел в "Известия" из "Русского слова". Он в свое время очень помог редакции – принес с собой связи" ("Неделя", 1967, № 11). Правая рука Сытина, "старик Благов", по воспоминаниям К.Паустовского, работал в 1921 г. корректором в одесской газете "Моряк" (см.: Паустовский К. Избр. произв. М., 1965, с. 273).

В советской печати работали Л.Н.Ануфриев, П.А.Ашевский, Н.К.Вержбицкий, А.И.Гессен, О.Д.Заславский, В.А.Регинин и др. ("Вечерняя Москва", 1969, № 269; "Труд", 1968, № 187; "Дон", 1968, № 2; Литовский О.С. Так и было).

рабочего класса, в том числе и с "низшими, наименее развитыми слоями пролетариата..."³⁸. Отсюда возник вопрос о возможных контактах, взаимоотношениях будущей общерусской социал-демократической газеты с разными слоями рабочего класса. "Та газета, которая хотела бы стать органом всех русских социал-демократов, должна стоять поэтому на уровне передовых рабочих; она не только не должна искусственно понижать своего уровня, а, напротив, постоянно поднимать его <...> В той газете, которая была бы органом партии, средний рабочий не поймет некоторых статей, не даст себе полного отчета в сложном теоретическом или практическом вопросе <...>

...За средним слоем идет масса низших слоев пролетариата. Очень возможно, что социалистическая газета будет вовсе или почти вовсе недоступна им <...> Из этого следует только, что на такие слои должны действовать иные средства агитации и пропаганды: брошюры... устная агитация и — главное — листки по поводу местных событий. Социал-демократы не должны ограничиваться даже и этим: очень возможно, что первые шаги по пробуждению сознания в низших слоях рабочих должны пасть на долю легальной просветительной деятельности"³⁹.

Из этого положения, нам кажется, можно сделать вывод, что при наличии в стране низших слоев пролетариата и других сословий и классов, отстраненных от культуры и даже подчас лишенных грамотности, возможно издание, которое будет выполнять по отношению к ним главным образом легальную просветительскую функцию. Причем это легальное издание и направлено будет на пробуждение сознания в низших слоях читателей, на расширение их умственного горизонта, сообщение необходимых элементарных сведений о природе и обществе, оставляя политическую пропаганду и агитацию где-то на втором плане. Это положение может многое прояснить в оценке отдельных изданий в отсталой, угнетенной самодержавным правительством стране. А именно такой страной была в прошлом веке Россия.

О том, что газета может быть использована в просветительских целях, говорил В.И. Ленин и позднее, в статье "О работе Наркомпроса" (1921). В условиях газетного кризиса в газете "каждый день можно бы давать народу серьезный и ценный литературный материал, лучшую и классическую беллетристику... учебники по промышленности. Если французские буржуа еще до войны научились, чтобы наживать деньги, издавать романы

³⁸

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 267.

³⁹

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 269-270. Сравним: "В начале движения социал-демократу приходилось исполнять массу почти культурнической работы <...> Сначала нам приходилось учить рабочих грамоте и в прямом и в переносном смысле" (там же, т. 9, с. 301).

для народа... в виде пролетарской газеты, то почему бы нам — на втором шаге от капитализма к коммунизму — не научиться поступать таким же образом? ...Даже при теперешней нищете дать народу, по 2 экземпляра на каждую из 50 000 библиотек и читален, все необходимые учебники и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки, современной техники?"⁴⁰.

О просветительской роли печати, газет в первые годы революции говорили многие деятели Коммунистической партии и Советского государства, например В.П.Подбельский, первый нарком почт и телеграфов. В отдельных изданиях в отдельные моменты истории эта функция выступает как весьма существенная и вполне самостоятельная, не сливаясь с пропагандой и агитацией. Она, разумеется, не противостоит, а часто предшествует целенаправленной пропаганде. Отрицать культурно-просветительскую роль газет, воспринимать только негативное просветительство, в газете, как это имеет место, когда целенаправленная пропаганда сбивается на культурничество, было бы неверно, ослабило бы наше использование печати в этом отношении.

Функция эта прослеживается еще яснее при рассмотрении задач специальных (не общеполитических) изданий. М.И.Калинин, открывая в 1922 г. первый номер журнала "Крестьянка", писал: "Товарищи крестьянки! Для вас издается этот журнал, к вам обращена каждая строка его. Помочь вам советами во всех делах по хозяйству, по уходу за детьми, дать вам необходимые знания в сельском хозяйстве, как легче и лучше вести его, разъяснять все для вас непонятное, познакомить со всем, что творится на белом свете, — вот задача этого журнала..."⁴¹.

Конечно, воспитательная роль тесно связана с пропагандой определенных идеалов, но это не мешает говорить о воспитательной, просветительной деятельности. При культурной отсталости русской деревни, а частично и города, наша газета не только в XIX в., но и в начале 20-х годов XX в. все еще должна была носить "отпечаток энциклопедичности" и давать "легкий научный материал", как говорил Луначарский⁴². Эта функция не утратила своего значения и сейчас, хотя уже в силу других причин — бурного развития знаний, науки.

Соотношение названных функций в разное время может меняться в зависимости от эпохи, обстановки и позиции тех, кому служит газета, ее классовой принадлежности, но так или иначе все функции, указанные В.И.Лениным, должны учитываться при определении роли и значения газеты.

⁴⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 331-332.

⁴¹ "Правда", 6 июня 1972 г., № 158.

⁴² "Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Журналистика", 1969, № 2, с. 81.

Реальное содержание ежедневных изданий в различное историческое время разное, разным оно оказывается и для газет различных общественных классов. Не одинаковым выглядит удельный вес тех или иных отделов, рубрик в газете и даже жанров. Так, например, первые русские газеты были чисто информационными по своему типу, структуре, жанрам. Но информационные материалы петровских "Ведомостей" как нельзя лучше служили и злободневности, и воспитанию, и сплочению определенных общественных групп и классов. И наоборот, в современной газете информация может быть всеобъемлющей. Ее незаметно потеснили комментарии, аналитические жанры, которые лучше помогают газете выполнять ее основные задачи.

Кроме того, газете, особенно буржуазной, присущи и функции коммерческого предприятия, на что неоднократно указывал В.И. Ленин. "...Издание газеты есть доходное и крупное капиталистическое предприятие, в которое богатые вкладывают миллионы и миллионы рублей"⁴³, — писал он в статье "Как обеспечить успех Учредительного собрания". Такое положение В.И. Ленин считал обыкновенным явлением "в газетном деле в капиталистических странах"⁴⁴.

х х
х

Господствующим типом легальной газеты в России XIX в. была буржуазная газета. У В.И. Ленина мы находим довольно много высказываний о характере буржуазных газет. Эти оценки, как правило, относятся к концу XIX в. Но мы обязаны их применить к рассмотрению всего буржуазно-демократического периода в развитии отечественной прессы и даже более раннего времени, когда буржуазные отношения еще только зарождались. Первое, на что обращает внимание В.И. Ленин, — продажность буржуазных газет капиталу, второе — зависимость их от монархического правительства. "...Все главные органы печати за границей скуплены капиталистами и заполнены на 99 процентов статьями продажных писак"⁴⁵.

⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 34, с. 210.

⁴⁴ Там же, т. 44, с. 86. Интересные данные о коммерческой стороне газетного дела середины XX в. приведены в книге Б.Спиру "Отравители" (М., 1962, с. 53). Перед второй мировой войной по продукции в английской экономике газетные концерны занимали 12-е место. По стоимости продукции английская пресса превосходила судостроение (!).

⁴⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 138.

Буржуазия понимает под свободой печати, указывал он, "свободу издания газет богатыми, захват прессы капиталистами, на деле приводивший повсюду во всех странах, не исключая и наиболее свободных, к продажности прессы"⁴⁶. Этот процесс был закономерен и для России.

В конце XIX – начале XX в. зависимость газет от капитала проявлялась уже не только и не столько в прямом финансировании, сколько в субсидировании их через объявления, рекламу, причем В.И. Ленин называл объявления главным источником дохода буржуазных газет.

Почему в стране, спрашивал он в сентябре 1917 г., преобладают количественно буржуазные газеты: "Русское слово", "Новое время", "Биржевка", "Речь"? Потому что они богаты и частные объявления "дают громадный, и даже главный доход капиталистам, издающим эти газеты... В Европе есть газеты, – продолжает В.И. Ленин, – ... которые даром разносятся в каждую квартиру, давая в то же время хороший доход их издателям. Такие газеты живут объявлениями..."⁴⁷. Не случайно после победы Октябрьской революции он потребовал сделать объявления государственной монополией.

С продажностью газет капиталу теснейшим образом связаны одурачивание, обман ими народных масс. Буржуазная пресса чрезмерно увлекается политикой в ущерб экономике, уделяя "непомерно много места и внимания тем мелочам политики, тем личным вопросам политического руководства, которыми капиталисты всех стран старались отвлекать внимание народных масс от действительно серьезных, глубоких и коренных вопросов их жизни"⁴⁸. Это не годится для победившего пролетариата, писал В.И. Ленин в 1917 г.

В любой буржуазной газете было много "политической трескотни". "Буржуазная пресса в "доброе старое буржуазное время" не касалась "святого святых" – внутреннего положения дел на частных фабриках, в частных хозяйствах. Этот обычай отвечал интересам буржуазии"⁴⁹. Буржуазная республика, писал В.И. Ленин, обеспечивает гласность только формально, "на деле подчиняя прессу капиталу, забавляя "чернь" пикантными политическими пустяками, скрывая то, что происходит в мастерских, в торговых сделках, в поставках и пр., покровом "коммерческой тайны", ограждающей "священную собственность"⁵⁰. Пропорциональность в информации была резко нарушена.

⁴⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 51.

⁴⁷ Там же, т. 34, с. 211.

⁴⁸ Там же, т. 36, с. 146.

⁴⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 89.

⁵⁰ Там же, т. 36, с. 190–191.

С ленинскими словами интересно сопоставлять яркое свидетельство П.Лаврова о диспропорции информации в русской газете 70-х годов: "...многие наши крупные ежедневные газеты имеют специальных корреспондентов в Париже и в Лондоне для получения полных сведений о борьбе Бараньона с Жюлем Фавром... или о шансах Гладстона и Дизраэли быть первым министром в будущем году... На венскую выставку, видите ли, послать специального корреспондента деньги нашлись; посмотреть и на развалины Парижа все поехали; а посмотреть на месте, как велики страдания народа... нет, на это у нас не хватает ни охоты, ни денег, ни корреспондентов. Наши крупные ежедневные газеты, консервативные и умеренно-либеральные (других, как известно, у нас нет) гораздо менее посвятили труда и расходов на соби- рание сведений о голодании трети России, чем на известия о путеше- ствии персидского шаха, о суде над Базером, об интригах Брольи..."⁵¹.

Буржуазная газета скрывает истинные мотивы, движущие и внешней политикой. "Обман масс народа разработан артистичес- ки по отношению к "делам" внешней политики... Миллионы экзем- пляров буржуазных газет разносят яд обмана повсюду"⁵².

"Пикантные новости, фабрикуемые ежедневно большими буржуаз- ными газетами, которые тем и заняты, что продают с барышом "самые свежие" и "самые пикантные" сообщения, предназначены как раз для того, чтобы *отвлекать* внимание толпы от действи- тельно важных вопросов, от действительной подкладки "высокой" политики"⁵³.

Буржуазная пресса с ненавистью травит пролетариат и со- циалистов, прибегая к любым приемам ради обмана обществен- ного мнения. "Один прием буржуазной печати всегда и во всех странах оказывается наиболее ходким и "безошибочно" действи- тельным. Лги, шуми, кричи, повторяй ложь - "что-нибудь оста- нется"... Шумят капиталисты и пресса капиталистов... стараясь *перекричать*, не дать выслушать правды, залить все потоком брани и выкриков, *помешать* деловому *разъяснению*"⁵⁴. "...Нет той лжи, которая не была бы распространена"⁵⁵ буржуазными газетами, справедливо и не раз писал В.И.Ленин.

Так обстоит дело с подчинением газет капиталу. Как же выражалась в России зависимость их от правительства?

Четкое политическое направление свойственно газете по самой ее сущности. Однако внешние обстоятельства не всегда способствуют выражению этого направления.

⁵¹ Лавров П. Соч., т. 3. М., 1934, с. 319-320.

⁵² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 335.

⁵³ Там же, т. 23, с. 121-122.

⁵⁴ Там же, т. 31, с. 217.

⁵⁵ Там же, т. 41, с. 138; см. также т. 32, с. 355; и др.

Развитие политической жизни в стране, наличие политических партий предопределяют характер газетного дела. Слабость классовой дифференциации общества, самодержавно-монархический гнет, отсутствие политических свобод, партий обусловили в России такое положение, что политических газет не было даже во второй половине XIX в.

В этой связи чрезвычайно интересным представляется отзыв В.И.Ленина о монархической газете "Московские ведомости" Каткова. "По-моему, все же это – самая интересная, самая последовательная и самая дельная политическая газета в России. Ведь нельзя же назвать "политической" в особенном смысле литературу, которая в лучшем случае подбирает кое-какие интересные сырые фактики и вздыхает вместо всяких "мудрствований". Не спорю, что это может быть очень полезно, но это не политика. Точно также и литературу нововременского пошиба нельзя назвать в настоящем смысле слова политической... Никакой определенной политической программы и никаких убеждений у нее нет, а есть только умение подделываться под тон и настроение момента, пресмыкаться перед властью имущими, чтобы они предписывали, и заигрывать с подобием общественного мнения. А "Московские Ведомости" свою линию ведут и не боятся... идти впереди правительства, не боятся касаться и иногда очень откровенно самых щекотливых пунктов. Полезная газета, незаменимый сотрудник революционной агитации!"⁵⁶.

Причина отсутствия четкой политической платформы у газет коренится и в личных качествах издателей, но главное – в степени общественного развития страны. Не случайно В.И.Ленин говорил, что без массового рабочего движения невозможна и социал-демократическая газета. Это следует отнести к любому классу, к любому этапу общественного развития, в том числе и буржуазному.

Это положение находит подтверждение в истории "Новой рейнской газеты", которую В.И.Ленин в статье "Карл Маркс" назвал "лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата"⁵⁷. Но органом партии пролетариата она стала не сразу. В Докладе на III съезде РСДРП об участии социал-демократии во Временном революционном правительстве 18 апреля (1 мая) В.И.Ленин подчеркивал, что первоначально К.Маркс, издавая "Новую рейнскую газету", "не опирался ни на какую рабочую организацию. Его газету поддерживали радикальные буржуа..."⁵⁸. В работе "Две тактики социал-демократии в демократической революции" В.И.Ленин пишет: "...только в апреле 1849 года, после почти годового издания революционной

⁵⁶

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 336.

⁵⁷

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 83.

⁵⁸

Там же, т. 10, с. 133.

газеты ("Новая Рейнская газета" начала выходить 1-го июня 1848 г.), Маркс и Энгельс высказались за особую рабочую организацию! До тех пор они вели просто "орган демократии", не связанный никакими организационными узами с самостоятельной рабочей партией!"⁵⁹.

В чем же причина такого положения? В.И. Ленин указывает на отсталость экономической и политической жизни в Германии того времени. "Очевидно, что экономические отношения были еще крайне неразвиты, крупная промышленность почти отсутствовала, никакого самостоятельного рабочего движения в сколько-нибудь серьезных размерах не было, мелкая буржуазия господствовала безраздельно"⁶⁰.

К этому примеру В.И. Ленин обращается дважды: в работе "Две тактики социал-демократии в демократической революции", цитированной выше, и в статье "О временном революционном правительстве"⁶¹. И не случайно, ибо настоящая политическая газета не может жить без партии, без массового движения класса⁶².

Это ленинское положение чрезвычайно важно иметь в виду при изучении истории русской газеты, учитывая отсталость русской экономической и особенно политической жизни на протяжении всего XIX в. Ярко выраженная партийность возможна лишь на определенной ступени экономического и политического развития страны. "Известно, — писал В.И. Ленин, — что партийность есть в одно и то же время и условие и показатель политического развития. Чем более политически развиты, просвещены, сознательны данное население или данный класс, тем выше по общему правилу, его партийность. Это общее правило подтверждается опытом всех цивилизованных стран"⁶³.

Самодержавие же тормозило политическое развитие масс, классов, совершенно исключало появление любых, не говоря уже об оппозиционных, легальных политических партий в России на протяжении всего XIX в., и это хорошо понимали современ-

⁵⁹ Там же, т. 11, с. 128-129.

⁶⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 10, с. 236.

⁶¹ Там же, с. 235-236. Еще раньше об этом говорится в работе "Что делать?" (см.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 81).

⁶² Вместе с тем газета в России, да и не только в России, подчас фактически предшествует организации партии, помогает строить ее, существует раньше партии. Это обстоятельство было учтено в ленинском плане построения русской социал-демократической партии, об этом же говорится в приводимом ниже отрывке из работы Лаврова. Противоречия здесь нет.

⁶³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 32, с. 190.

ники. П.Л.Лавров, например, в 1847 г. писал, что консерваторы и либералы еще только "вырабатывают центры политических партий, которые будут спорить о первенстве", когда будет уничтожено самодержавие, завоевана конституция. Пресса лишь подготавливает "будущие парламентские программы наших правых и левых центров"⁶⁴.

Обозреватель газеты "Голос" Б.Маркевич в 1877 г. отрицал свою принадлежность к политическим врагам Мещерского "уже потому", что не признавал, "чтоб в России существовали, а главное, могли существовать серьезно какие-нибудь политические партии" ("Голос", 1877, 16/28 января, № 16).

И если Россия к концу XIX в. уже достигла достаточно высокой степени развития производительных сил, то в политическом отношении отсталость ее была по-прежнему исключительно велика. До 1905 г. по существу отсутствовала какая бы то ни было возможность легальной деятельности политических партий. Царизм деспотично душил любые формы проявления политической жизни в стране, и это не могло не сказаться на развитии газетного дела.

При достаточно ясной классовости русских легальных газет XIX в. нельзя определить их принадлежность к партии. В.И.Ленин писал: "Вся легальная печать была не партийна, — потому что партийность была под запретом..."⁶⁵. Многие писатели, журналисты на рубеже XX в. все еще искренне не понимали своей партийности. И чем дальше мы посмотрим в глубь XIX в., тем увидим большее количество людей, не доросших до партийности. Ибо "строгая партийность есть спутник и результат высокоразвитой классовой борьбы"⁶⁶, что, в свою очередь, связано с развитием капитализма.

При характеристике газетного дела в России XIX — начала XX в. мы не можем игнорировать марксистский вывод о том, что "эпоха буржуазной революции отличается и в России, как и в других странах, сравнительной неразвитостью классовых противоречий капиталистического общества"⁶⁷. Это говорилось о 1905 г. Тем более это следует отнести к XIX в.

Завоевание политических свобод сделало бы более определенным лицо всех русских газет еще в XIX в., но к этому не стремились ни буржуа, ни революционеры-народники.

Вырванное у царизма право политической деятельности в 1905 г. сразу определило партийность многих русских газет, в большинстве своем ставших кадетскими. Именно в это время

⁶⁴ Лавров П. Соч., т. 3, с. 313.

⁶⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 99.

⁶⁶ Там же, с. 133.

⁶⁷ Там же, с. 134.

четко определилась социал-демократическая партийность и всех легальных органов рабочего класса.

В.И. Ленин не случайно писал в статье "Партийная организация и партийная литература" о новых условиях, создавшихся для партийной работы после Октябрьского вооруженного восстания 1905 г. "Различие между нелегальной и легальной печатью, — это печальное наследие эпохи крепостнической, самодержавной России, — начинает исчезать"⁶⁸.

Итак, политический гнет царизма увеличивал число беспартийных газет, делал возможным наличие изданий, в том числе и газет, без достаточно четкого определения принадлежности к партии. Это делается совершенно невозможным при наличии политических свобод в стране. Отсюда ясно, как внимательно мы должны подходить к каждой легальной беспартийной газете XIX в. и выявлять ее подлинное классовое лицо. Другое дело, когда речь идет о газетах, издающихся после 1905 г. Наличие беспартийных газет в условиях политической свободы крайне нелестно характеризует их лидеров и издателей: или как политических демагогов, трусов, или как людей, не понимающих своей роли и места в классовой борьбе. Отсюда гневное отношение В.И. Ленина к литераторам беспартийным, ибо "беспартийность всегда и везде была орудием и лозунгом буржуазии"⁶⁹.

Непосредственное влияние на судьбу русской газеты оказывало правительство экономическими санкциями и своей цензурной политикой. Цензура всегда действовала заодно с жандармами. Она олицетворяла собой конкретное проявление политики царского правительства по отношению к общественной жизни в стране, к прессе. Об этом влиянии на печать В.И. Ленин говорил не раз (см., например, его статью "Китайская война", работу "Что делать?" и др.). Цензура мешала четкому выявлению подлинного лица газеты или журнала, изымала из предмета обсуждения прессы актуальные вопросы русской жизни и тем сужала ее рамки.

Цензура ограничивала круг лиц, участвующих в печати, организовывала преследование, прямое подавление прессы. Уже декларировав свободу печати в 1905 г., правительство тем не менее яростно преследовало сотрудников легальной прессы, особенно ее корреспондентов. И это было отмечено В.И. Лениным в статье "К вопросу об аграрной политике современного правительства", В.И. Ленин говорил о преследовании чиновника Комарова, печатавшего обличительные письма по переселенческому делу в газетах, и там же отмечал, что "крестьянам, пишущим в газеты, приходится встречать невиданный даже в России

⁶⁸

⁶⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 99.

Там же, с. 118.

произвол и притеснения и преследования полиции и властей"⁷⁰.

Правительство, цензура постоянно ограничивали деятельность не только демократической, но и либеральной печати. Дело в том, что буржуазно-либеральная печать, газета до революции 1905 г. и даже до февраля 1917 г. в какой-то мере несла в себе элемент критики самодержавия. До поры до времени правительство рассматривало либеральную печать как противника, обвиняло ее в тенденциозности⁷¹.

В.И. Ленин глубоко вскрыл причины известной оппозиционности русской буржуазии самодержавию и границы, до которых она простиралась. "...Интересы самодержавия совпадают только при известных обстоятельствах и только с известными интересами имущих классов и притом часто не с интересами всех этих классов вообще, а с интересами отдельных слоев их. Интересы других слоев буржуазии, а также более широко понятые интересы *всей* буржуазии, всего развития капитализма вообще необходимо порождают либеральную оппозицию самодержавию. Если, напр., самодержавие гарантирует буржуазии возможность применять самые грубые формы эксплуатации, то, с другой стороны, оно ставит тысячи препятствий широкому развитию производительных сил и распространению просвещения, возбуждая этим против себя не только мелкую, но иногда и крупную буржуазию; если самодержавие гарантирует (?) буржуазии охрану от социализма, то, с другой стороны, эта охрана необходимо превращается, при бесправии населения, в такое полицейское бесчинство, которое возмущает всех и каждого"⁷².

Во второй половине XIX в. буржуазная печать не могла не затрагивать вопросы тяжелого положения крестьян, земств, студенчества, не могла быть полностью довольна внутренней политикой самодержавия.

Неудивительно, что до 900-х годов она выражала сочувствие даже рабочему движению, пока оно не было достаточно сильным и широким. Об этом вспоминает В.И. Ленин в статье "Слова и дела", написанной в 1913 г. Он не удивляется тому, что реакционные газеты в начале XX в. осуждали рабочее движение, резко преуменьшали его размах и т.д. "Более "ново", — пишет В.И. Ленин, — поразительное равнодушие буржуазии, отражаемое равнодушием либеральных газет", к рабочему движению, тогда как "менее важные, менее значительные по количеству участников, движения рабочих (лет 17-18 тому назад) вызывали в либерально-буржуазном обществе явное сочувствие"⁷³.
17-18 лет тому назад — это 1895-1896 гг.

⁷⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 271.

⁷¹ Там же, т. 4, с. 422-423.

⁷² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 266-267.

⁷³ Там же, т. 23, с. 336.

Другое дело – буржуазная печать после революции 1905 г., когда она резко повернула вправо от демократии, против демократии. Страх перед революционной инициативой простонародья, особенно рабочих, толкнул ее на путь прямой контрреволюции, грубого искажения социальной правды жизни. Буржуазная кадетская газета стала господствующим типом легальной русской газеты.

Говоря об известной оппозиционности либерально-буржуазной печати по отношению к самодержавию в XIX в., надо отметить, что В.И. Ленин проводил четкое различие между легальной оппозицией и борьбой против самодержавия. "...Борьба против самодержавия вовсе не то же самое, что легальная оппозиция самодержавию", – писал он в 1899 г. в статье "Попытное направление в русской социал-демократии"⁷⁴. "Какую "борьбу с самодержавием" ведут наши земства, либеральные общества вообще, либеральная печать? Ведут ли они борьбу против самодержавия, борьбу за ниспровержение самодержавия? *Нет, такой борьбы они никогда не вели и не ведут*"⁷⁵. Они вели борьбу "против отдельных мер самодержавия на почве того же самодержавного строя"⁷⁶. Поэтому русские либералы не организовывали партии, хотя имели для этого все возможности, не предъявляли формальных требований правительству, а лишь ограничивались ходатайствами.

Все это важно отметить, ибо либеральная печать не только в XIX, но и в начале XX в. имела влияние на массы. Как указывал В.И. Ленин, "первая полоса освободительного движения в России, первое десятилетие XX века обнаружило, что широкие еще массы населения, тяготея к демократии, недостаточно сознательны, *не отличают* либерализма от демократизма, подчиняются руководству либералов"⁷⁷.

Остановимся еще на некоторых положениях общей теории печати В.И. Ленина, которые следует иметь в виду при исследовании истории русской газеты.

Ставя перед партией в начале XX в. в книге "Что делать?" задачу изобличения "всех сторон нашего гнусного самодержавия", В.И. Ленин указывал, "что как раз для этой работы нам и нужны "союзники в рядах либералов и интеллигенции", готовые делиться с нами обличениями политического похода на земцев, учителей, статистиков, студентов и проч..."⁷⁸. Он высмеивал экономистов, которые иронизировали по поводу привлечения "Искрой" союзников из либералов и интеллигенции. Бояться

⁷⁴

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 257.

⁷⁵

Там же.

⁷⁶

Там же.

⁷⁷

Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 273.

⁷⁸

Там же, т. 6, с. 92.

буржуазного влияния нужно лишь тогда, когда делаются "потачки" "умышленным и неумышленным искажениям марксизма"⁷⁹, предупреждал он.

Вопрос о союзниках имеет прямое отношение к печати XIX в. Практически ни одно издание XIX – начала XX в., широко понимавшее свои задачи, не могло обойтись без союзников. Журнал или газета, как правило, включали в состав своих авторов лиц, идеалы которых выходили за рамки программы. Иногда это было связано с недостаточно развитыми общественными отношениями в стране и журналистике, иногда отражало "политику" ведущей группы публицистов, редактора или издателя, иногда являлось следствием цензурно-полицейского подавления печати. Больше проявлять к этому внимание – долг историков журналистики. До сих пор о союзниках писалось невнятно, за исключением двух-трех случаев (например, при характеристике "Современника" 50-х годов и некоторых других). По всем изданиям это не прослеживалось. Творчество сотрудников, которое не укладывалось в рамки программы, игнорировалось или подтягивалось под общее направление, хотя следовало бы анализировать его как творчество умышленно привлеченных союзников.

И надо иметь в виду, что в классовом обществе привлечение союзников идет не только по линии демократической прессы, но и по линии реакционно-монархической, либеральной. А.С.Суворин стремился удержать у себя Чехова. Катков старался привлечь Н.С.Лескова и т.д. Ленинское положение о союзниках революционной печати должно быть осмыслено как методологический принцип анализа печати вообще.

Фактически та же мысль о союзниках выражена и в работе В.И.Ленина "Партийная организация и партийная литература", когда автор указывал на ненормальные "сожительства" в печати и "уродливые союзы" в эпоху цензурного порабощения русской журналистики. В XIX в. эти "союзы" чаще всего складывались стихийно, в силу одного лишь цензурно-полицейского подавления печати. Они были уродливыми, потому что в них оказывались люди заведомо противоположных убеждений и принципов. Но были и естественные союзы во имя защиты демократических идей и прогресса.

Весьма важными представляются суждения В.И.Ленина об аудитории массовых газет. Он часто указывал не только на классы, но и на различные прослойки общества, к которым адресуется газетная печать, в том числе и социал-демократическая. Говоря о задачах коммунистической прессы, о широком идейном воздействии ее на народные массы, В.И.Ленин считал, что ради этого социал-демократия должна "идти во все классы населения"⁸⁰.

⁷⁹ Там же, с. 90.

⁸⁰ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 82.

Надо обращаться не только к одному рабочему классу, но и к другим демократическим группам населения. Чтобы привлечь к газете всех, кто страдает от политического гнета, необходимо работать во всех классах: "многомиллионная масса трудящегося крестьянства, кустарей, мелких ремесленников и проч. всегда жадно стала бы слушать проповедь сколько-нибудь умелого социал-демократа" ⁸¹.

Даже в рабочем классе В.И. Ленин не отрицает наличия различных слоев: "Я далек от мысли отрицать необходимость популярной литературы для рабочих и особо популярной (только, конечно, не балаганной) литературы для особенно отсталых рабочих" ⁸². В.И. Ленин говорит о наличии подобных слоев и среди интеллигенции: "Разве среди интеллигенции нет тоже передовиков, "середняков" и "массы"? ⁸³. Подобные прослойки имеются среди студентов и гимназистов.

Таким образом, всякий печатный орган в конечном счете выражает и отражает интересы не только определенных классов, но и прослоек, ищет себе читателей среди определенных слоев общества, и ленинские положения о слоях как объекте журналистского внимания заставляют нас в прошлом нашей журналистики не только конкретно устанавливать классовую принадлежность печатного органа, но и различать основные слои и прослойки, к которым обращается журнал или газета и из которых последние и вербовали своих читателей. Особенно это относится к концу XIX – началу XX в., когда система печати стала весьма обширной и дифференцированной по назначению и читательской аудитории.

Успех или неуспех демократических или буржуазно-монархических, либеральных изданий часто зависел от умения их издателей, редакторов верно найти своего читателя.

Оценка роли, идейного влияния печатного органа также во многом становится яснее, если мы устанавливаем основные, характерные читательскому кругу издания, выявляем, к кому обращалась газета и кто ее фактически читал, ибо эти показатели не всегда могут совпадать. Например, псевдорбочая газета госпожи Пейкер "Русский рабочий" (1875) была обращена к массам рабочих, а фактически ее читали самые или, как говорил В.И. Ленин, "особо отсталые" рабочие, "низшие" слои их.

В этой связи нельзя не обратить внимания на ленинскую характеристику простонародья. В ней есть важный момент, который не позволяет игнорировать ни простонародье как газетную аудиторию, ни печать, доступную простонародью. До 1905 г. в так называемом "простонародье", указывал В.И. Ленин, "бы-

⁸¹

⁸² Там же, с. 88.

⁸³ Там же, с. 131.

Там же.

ли... "перепутаны и перемешены" " во всеобщей бестолковщине" "элементы ... демократизма"⁸⁴. Только революция 1905 г. положила конец этому: "размежевывались классы, определяли себя массы населения..."⁸⁵.

Поиски и выявление демократизма, элементов демократизма — необходимое условие изучения газетной печати XIX в., хотя наличие элементов демократизма, например, в простонародных изданиях не означает безоговорочного зачисления их в прогрессивный лагерь, не мешает принципиальной оценке общественно-политического лица таких простонародных изданий, как "Петербургская газета" или "Московский листок".

Все эти высказывания В.И.Ленина должны быть положены в основу оценок различных сторон отечественной печати и учтены при характеристике русской дореволюционной газеты, ибо они составляют часть общей теории печати в классовом обществе, являются теоретическим субстратом из многолетних наблюдений и сопоставлений над жизнью печати в классовом обществе, изучения большого круга журналистских явлений прошлого (как отечественного, так и зарубежного) с позиций материализма, практического участия в деятельности периодических изданий.

⁸⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 85.

⁸⁵ Там же.

ГАЗЕТА, ПРАВИТЕЛЬСТВО, КАПИТАЛ (к вопросу об экономической зависимости прессы)

Правительство и капитал — две наиболее важные силы, которые влияют на развитие ежедневной печати в любом капиталистическом государстве, а в буржуазно-монархическом особенно. И власть и капитал стремились оказать решающее влияние на печать как важнейшее средство информации и социального управления. В ход шли любые средства и способы — от формирования соответствующего законодательства до физической расправы над неугодными журналистами.

Но прежде всего самодержавное правительство и капитал стремились подчинить себе прессу экономически, поставить ее в такие условия, которые позволили бы пресечь, предупредить возможность появления независимой, свободной и оппозиционной данным силам печати, поддержать печать консервативную. В настоящее время мы можем судить о связи газет с правительством и капиталом, исходя из факта обилия рекламы в газетах, сопоставляя количество объявлений с их ценой, которая указывалась редакциями.

"Порядочно идущая" столичная ежедневная газета, указывали "Отечественные записки" в 1875 г., "каждый день получает от одних объявлений не менее ста рублей дохода"¹, т.е. ее годовой доход составлял 35–40 тыс. руб. Эти цифры постоянно растут. В начале XX в. газета "Русское слово" имела уже 2 млн. прибыли от объявлений.

О коммерческой выгоде объявлений говорит факт издания бесплатных газет-объявлений начиная с конца 60-х годов ("Торговый листок", "Листок объявлений", "Даром-Umsonst", "Киевская справочная газета" и др.). Значение рекламы для финансового благополучия газет учитывала и репрессивная политика цензуры по отношению к неугодным газетам, которым запрещалось на разные сроки публиковать частные объявления.

Однако выяснение материальной зависимости прессы от рекламодателей не раскрыло бы полностью механизма субсидирования, подкупа прессы, не показало бы всех сил, управляющих печатью во второй половине века, особенно если учесть, что

¹ "Отечественные записки", 1875. Внутреннее обозрение, № 7, с. 153.

много объявлений в 60-70-е годы публиковалось людьми, не имевшими состояния (объявления с предложением услуг).

Субсидирование через объявления торгово-промышленных фирм до поры до времени также не выглядело прямым подкупом; домонополистический капитал действовал разрозненно, хотя разрозненно влиял на печать в совершенно определенном направлении. Значительно сильнее было влияние скрытых форм финансирования.

Всякий кредит, субсидия, предоставляемые печати, являются коммерческой или политической тайной и тщательно скрываются. Факты субсидирования, как правило, обнаруживаются при исследовании частной переписки, мемуаров и главным образом архивных документов, как частных, так и правительственных. Иногда достаточно верные сведения о субсидировании можно встретить в сообщениях конкурирующих изданий, но они никогда не бывают документированы и нуждаются в проверке по архивным или иным источникам. Несмотря на то что вопрос о субсидировании русской печати правительством, капиталом считается само собой разумеющимся, документальных сведений в исследовательской литературе по журналистике о субсидировании русской монархической и буржуазной прессы содержится очень мало (самые общие суммарные сведения есть в трудах М.Н.Куфаева).

В нашей литературе не было предпринято попытки проанализировать основные источники субсидирования, формы материальной поддержки печатных изданий правительством и капиталом на протяжении XIX в. Можно указать лишь на две-три работы советских историков, например книгу проф. П.А.Зайончковского "Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов", статью В.Я.Лаверычева "Русские капиталисты и периодическая печать второй половины XIX в.", публикацию Ю.Оксмана "Русская воля", банки и буржуазная литература", в которых имеются ценные сведения о субсидировании печати, извлеченные из архивов. Отдельные случаи субсидирования упоминаются в статьях, диссертациях, посвященных конкретной истории некоторых периодических изданий, но и они не отличаются полнотой и законченностью (Н.П.Емельянов, Г.С.Лапшина, Л.М.Сквирская и др.).

Сразу же скажем, что по имеющимся сведениям прямое субсидирование русской реакционной прессы во второй половине XIX в., приблизительно до 90-х годов, шло преимущественно по линии государства, официальных учреждений самодержавного правительства и в меньшей степени по линии частного капитала². Точные суммы субсидий не поддаются строгому учету,

² Несколько особняком стоят субсидии-пожертвования состоятельных дворян, отдельных представителей интеллигенции, которые из личных средств, наследственных капиталов выделяли определенные суммы для поддержания изданий извест-

но общая картина, указанная выше, становится несомненной при знакомстве с конкретными данными.

Русское правительство не скупилось на выделение значительных сумм министерству внутренних дел для особых расходов, среди которых видное место занимали расходы на подкуп печати. Не случайно в книге "Что делать?", вышедшей в 1902 г., В.И. Ленин говорит о субсидировании Катковых и Мещерских правительством³, тогда как в статье "Капитализм и печать", относящейся к 1914 г., В.И. Ленин прежде всего подчеркивает зависимость русской прессы от капитала⁴.

Это не значит, что отечественный капитал не предпринимал мер по подкупу печати в XIX в. Речь идет о преобладающей тенденции. В конце 90 – начале 900-х годов капитал, и особенно банковский, смелее и охотнее станет покупать и подкупать прессу. Тенденция к увеличению капиталистических вложений в печать сопровождала весь XIX в., но особенно ярко проявилась в 90-е и последующие годы.

Многие издатели, прекрасно понимая силу правительства, его жандармско-полицейских учреждений, сами долгое время искали материальную поддержку преимущественно и прежде всего у правительства, ибо вместе с материальной помощью они получали и признание своей благонамеренности. "Лишь бы дали субсидию!" – возделенно восклицают редакторы столичных изданий в сатирической поэме Некрасова "Современники"⁵.

Следует заметить, что в отсталой стране, с ограниченным кругом читателей, субсидии оказывались подчас необходимостью для многих специальных, отраслевых и научных изданий⁶.

Частный капитал в силу ряда причин: недостаточно большого накопления, политической трусости его владельцев, страха перед

ного направления. Так, например, Ф.И. Плевако дал Сытину в 1895 г. при организации "Русского слова" 25 тыс. руб. (см.: Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962, с. 118).

Такими жертвованиями иногда пользовалась и демократическая печать.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 89.

⁴ Там же, т. 25, с. 5–8.

⁵ Некрасов Н.А. Полн. собр. соч. в 12-ти т., т. 12. М., 1952, с. 298.

⁶ В 1895–1897 гг. А.П. Чехов соглашался на любые хлопоты перед правительством и министром Витте о субсидии журналу "Хирургическая летопись" (позднее – "Хирургия") Склифасовского и Дзяконова, ибо журналу грозила гибель из-за недостатка средств, а "спасти хороший хирургический журнал так же полезно, как сделать 20 000 удачных операций" (Чехов А.П. Соч. в 12-ти т., т. 12. М., 1957, с. 89–90 и др.).

полицейским, правительственным произволом, который лишал всякой гарантии денежные вложения в прессу, в силу долгого непонимания выгоды таких затрат, культурной отчужденности прессы и др. — подчас неохотно шел на расходы по субсидированию печати. Поражает робость, крохоборство представителей торгово-промышленных кругов в 60–80-е годы при финансировании отдельных изданий.

В 1858 г. братья Шиповы, желая поддержать еженедельный журнал "Вестник промышленности", должны были рассчитывать на свои личные капиталы и "небольшие сборы, которые им удалось сделать на Нижегородской ярмарке. Попытки Шиповых привлечь к изданию журнала более широкие круги купечества не имели успеха"⁷. Лишь "словесным" оказалось участие купечества в газете И.Аксакова "Парус" (1859), хотя оно симпатизировало издателю и позднее поддерживало материально другие издания Аксакова.

В 1889 г. С.Ф.Шарапов собрал на нужды газеты "Русское дело" у 14 московских капиталистов (в числе которых были Лист, Бромлей) всего 290 руб.⁸. Вичугский фабрикант А.Ф.Морокин, поддерживавший вместе с Д.И.Морозовым при организации в 80-е годы "Русское дело" Шарапова, в 90-е годы в поддержку "Русского труда" того же издателя собирал деньги у знакомых по мелочам: у Н.А.Балина — 16 руб., М.П.Купреянова — 8 руб. и т.д.⁹.

Но были люди, которые смстрешили шире на роль печати: Шиповы, Ф.Баймаков, К.Трубников, В.Полетика, Н.Ланин и др. Они шли на тысячные издержки, становились издателями крупных столичных газет. И все же большинство из них видели в печати средство личной наживы, орудие ограждения некоторых экономических интересов торгово-промышленного сословия, но не орудие защиты политических интересов класса или даже интересов конкурирующих монополий. Они еще не были способны к политической борьбе, к использованию прессы для создания серьезной оппозиции правительству и вели вербовку своих сторонников робко, исподволь подготавливая буржуазные партийные издания начала XX в., в то же время не препятствуя проникновению в отдельные буржуазно-либеральные газеты материалов демократического характера, что стало исключено позднее.

Положение значительно изменится к концу XIX в. и особенно после первой русской революции, когда частный капитал, который стал принимать черты монополистического, широко представит кредит и другие формы субсидий отечественной печати охранительного и либерального, т.е. антинародного, толка.

⁷ "История СССР", 1973, № 1, с. 28.

⁸ Там же, с. 45.

⁹ Там же.

Промышленники, банки, акционерные общества значительно активней выступают в роли издателей газет или их покровителей. За ними будет стоять уже сильное общественное мнение, более точная классовая политическая программа. Но и тогда союз буржуазии и самодержавия действовал безотказно, если возникала угроза со стороны революционного народа.

Насколько буржуа-газетчики зависели от правительства в 60-80-е годы, приспособлялись к его политике, убедительно свидетельствует журнальная биография Трубникова, Баймакова и др.

Как это ни странно, люди, непосредственно не связанные с промышленным или торговым капиталом (Катков, Комаров), представители разночинской интеллигенции, перешедшие на службу правительства (Суворин, Нотович), иностранные подданные (Пропер) достигли большего в XIX в. на газетном поприще, нежели многие отечественные дельцы-капиталисты.

В литературе широко известен факт перехода в 1874 г. газеты "Спб. ведомости" к Баймакову. Это явление обычно истолковывается как весьма характерное для судеб печати, когда к газетному делу потянулись дельцы-предприниматели, преследуя коммерческие интересы. Действительно, в этом отношении покупка газеты Баймаковым — явление характерное. Однако конкретные обстоятельства этой покупки, условия, на которых она происходила, не освещались в литературе. А между тем они весьма интересны. Баймаков затратил большие средства, чтобы стать хозяином газеты. Он приобрел право на издание "Спб. ведомостей" за 120 тыс. руб., кроме того, дал взятку (50 тыс. руб.) Б.Маркевичу, чиновнику министерства народного просвещения. Редактором газеты с 1 января 1875 г. был утвержден (вопреки желанию Баймакова) граф Салиас де Турнемир. Н. Лесков в письме И.С.Аксакову от 1 марта 1875 г. сообщал, что Салиас был рекомендован на должность редактора чиновником Главного управления по делам печати Феоктистовым и Маркевичем. И.Баймаков, чтобы не испортить отношений с цензурой, должен был его терпеть. Лесков признавался адресату, что, будучи служащим министерства народного просвещения, имел возможность познакомиться с бумагами Маркевича по поводу перехода "Спб. ведомостей" в руки новой редакции.

"Салиаса выписали Феоктистов и Маркевич, которым он и обещал письмом из Женевы "никогда не забывать их добра" и при этом прельщал их своим *profession de foi*: "Я не красный, даже не розовый или белый, а скорее подхожу к лазурному, голубому, жандармскому". Это так сказано словами, а Феоктистов и Марк(евич) сим цветом пленились. Письмо это ходило к начальству (т.е. министру. — Б.Е.), которое его тоже опробовало...¹⁰.

¹⁰ Лесков Н.С. Соч. в 11-ти т., т. 10. М., 1958, с. 384.

Салиас приступает к своим обязанностям и, как пишет Лесков, "не покидает своего с честью им занятого поста, а, напротив, укрепляется зело-зело; свыше внушено трем министрам упрочить его положение. Баймаков, говорят, в отчаянии и не знает, как его выжить? О новом редакторе нет и речи, и если бы Б(аймаков) стал об этом хлопотать, то все его хлопоты останутся втуне, доколе новый большой скандал не даст ходу дел иного направления"¹¹.

Скандал разразился очень скоро. Салиас донес о взятке Маркевича, о чем Лесков сообщал 23 февраля 1875 г. П.К.Щебальскому. Маркевич был уволен и лишен придворного звания камергера. Узнали об этом и газетчики. Но писать о скандале фельетонистам было строго запрещено. "Голос" Краевского был лишен права розничной продажи за один только намек на "рапорт" графа "С".

Вопрос о дальнейшем редакторстве Салиаса также был предрешен. В письме П.К.Щебальскому от 8 мая 1875 г. Лесков сообщал, что вместо Салиаса редактором "Спб. ведомостей" приглашают "белого (не голубого, жандармского. — Б.Е.) Висю Комарова, в лице которого надеются достичь "примирения партии"... Байм(аков) делает Комарова пайщиком и номинально передает ему газету в собственность"¹². Но и В.В.Комаров не стал редактором газеты "Спб. ведомости". Редактором стал П.С.Усов. 27 мая 1875 г. Салиас как редактор подписал последний номер газеты. Таким образом, активная роль Баймакова окончилась. Материальные убытки были налицо.

Приблизительно в таком же положении оказалась славянофильская печать. Поддержка торгово-промышленных кругов не обеспечила ей успеха.

Такие люди, как Баймаков, Шиповы, Морозовы, хотя и стремились использовать в своих интересах, не только коммерческих, но и общественно-политических, периодическую печать, натывались на определенное недоверие и сопротивление правительственных чиновников, когда начинали журналистскую деятельность. Представителями русского купечества, финансистам подчас не хватает той гибкости, которой обладали представители разночинной буржуазии. В.И.Ленин не случайно в статье "Карьера" указывал, что "не все, конечно, играют в ренегатство с такой бешеной удачей"¹³, как Суворин. Остановясь на узкосословных "купцовских", по выражению В.Я.Лаверычева, позициях, не имея "какой-либо своей определенной классовой политической программы"¹⁴, в середине XIX в. купцы и капиталисты все же не

¹¹ Лесков Н.С. Соч. в 11-ти т., т. 10, с. 384.

¹² Там же, с. 400.

¹³ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 22, с. 43.

¹⁴ "История СССР", 1972, № 1, с. 47.

могли поступиться своими экономическими интересами, не могли так легко менять свои позиции, как беспринципные буржуазные и интеллигенты, материальное благополучие которых базировалось только на успехе их "духовной" деятельности. А это отражалось на их взаимоотношениях с правительством, порождало определенное недоверие к ним.

Не менее показательна в этом отношении судьба К.В.Трубникова как газетчика и журнального предпринимателя, который, несмотря на колоссальные усилия, так и не сумел обеспечить себе длительного успеха в журналистике. На протяжении 40 с лишним лет журнальной деятельности он издавал более десяти периодических органов, в том числе первую в России "Вечернюю газету", был владельцем собственной типографии, учредителем первого телеграфного агентства. Однако не имея выдержанной линии, потеряв доверие правительства на показном либерализме в 60-е годы, Трубников вынужден был закрывать одно издание за другим или перепродавать их другим лицам. Так произошло с его главным изданием "Биржевые ведомости" и типографией. В конце жизни он униженно и откровенно просил царя и министра внутренних дел о субсидии или других льготах для издания большой общедоступной националистической газеты под названием "Русский голос", но так и не получил поддержки¹⁵.

х х
х

Основные источники и формы субсидий, денежного подкупа газет в XIX в. были весьма разнообразны. Прежде всего источником субсидирования были ассигнования правительственных учреждений.

Субсидированием печати в русском правительстве занималось несколько министерств: внутренних дел, финансов, народного просвещения, государственных имуществ, морское и др. Иногда субсидии охранительным газетам выдавались из собственных средств членов царской семьи. Известно, что вел. кн. Сергей Александрович в 1896 г. выдал 35 тыс. руб. редактору "Русского слова" Александрову. Его примеру вскоре последовал и сам царь, выдавший Александрову такую же сумму¹⁶.

Правительство субсидировало ряд официозных и полуофициозных изданий, почти все издания для так называемого "народного чтения" ("Народный листок", "Мирской вестник", "Сельская беседа" и др.), многие провинциальные издания ("Виленский вестник", "Варшавский дневник", "Киевлянин", "Кавказ"),

¹⁵ ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 8, ед. хр. 341, 780.

¹⁶ См.: Сытин И.Д. Жизнь для книги, с. 120.

газеты, связанные с морским ведомством ("Кронштадтский вестник", "Владивосток"), церковные ("Епархиальные ведомости"), педагогические ("Учитель" Паульсона), ученые ("Университетские известия"), а также "Правительственный вестник" со всеми ответвлениями.

Самыми крупными суммами располагало министерство внутренних дел. Оно финансировало издания независимо от ведомственной принадлежности. В период функционирования III отделения субсидированием печати занимались чиновники этого отделения, после его упразднения – чиновники главного управления по делам печати.

III отделение состояло из 3 экспедиций и газетной части, которая наблюдала за прессой, занималась вопросами антиреволюционной пропаганды, издавала литературу (брошюры для простонародья), практиковала подкуп прессы. Проф. П.А.Зайончковский в своей книге "Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов" приводит извлеченную из архивов смету секретных расходов III отделения на 1880 г. Общая сумма расходов (на агентуру, охрану и проч.) составляла 558 957 руб. "Основная часть секретных сумм расходовалась на подкуп прессы и издание всякого рода псевдонародных брошюр". Так, на заграничную прессу расходовалась 21 000 руб., "на противодействие пропаганде" – 300 000 руб.¹⁷.

В предшествующие годы общая сумма секретных расходов III отделения составила: в 1877 г. – 186 877 руб., в 1878 – 251 877 руб.¹⁸. Исходя из распределения средств в 1880 г. можно предполагать, что и в эти годы большую долю поглощала печать, журналистика. Вот некоторые данные, собранные нами о субсидировании правительством печати в 60–90-е годы XIX в.

В 1863 г. субсидии получали: "Наше время" Н.Ф.Павлова – до 26 тыс. руб. ("Без 3000 руб. в месяц не обойдусь", – писал сам Павлов Валуеву¹⁹); "Русский листок" В.Д.Скарятина – 2 тыс. руб., в III отделении было заведено дело "о материальном поддержании газеты "Русский листок" (позднее – газета "Весть"); получал субсидию "Голос" А.А.Краевского. Когда "Московские ведомости" публично объявили, "что "Голос" получает субсидию, и когда "Голос" в негодовании выразился, что это гнусная сплетня, пущенная в ход его недоброжелателями, и потребовал у "Московских ведомостей" юридических доказательств, "Московские ведомости" объяснили, что сведения о

¹⁷ Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 годов. М., 1964, с. 172.

¹⁸ См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия..., с. 172.

¹⁹ Вильчинский В.П. Николай Филиппович Павлов. Л., 1970, с. 160.

субсидиях, выдаваемых "Голосу", они получили из совершенно верного источника, что на этот источник они укажут лишь в том случае, когда в защиту "Голоса" правительство заявит, что субсидии оно ему не давало"²⁰. Никто опровергнуть эти сведения не мог, ибо "Голос" действительно получал в 1863-1865 гг. по тысяче рублей в месяц безотчетно из сумм, ассигнованных по государственному бюджету на непредвиденные расходы, о чем есть соответствующие документы в ЦГИА СССР (ф. 1282).

В 1866 г. газета "Неделя" Мундта при её организации из секретных сумм министерства внутренних дел получала 800-900 руб. в месяц на издание²¹ и, кроме того, за нее вносился залог в 2500 руб. как за бесцензурное издание (ЦГИА СССР, ф. 1284).

В 1872 г. "Гражданин" Мещерского получил субсидию в 108 тыс. руб., в следующем году - 90 тыс., в 1874 г. - 30 тыс. руб. и т.д. Когда министр финансов стал возражать против выдачи субсидии, Александр III заявил с раздражением: "Нельзя же основать хорошую консервативную газету на двугривенный!"²².

В фондах ЦГИА СССР есть дело 1874 г. "О назначении ежегодного пособия генерал-майору Гейроту на поддержание его журнала "Мирской вестник" (ф. 733). По сообщениям печати в 1876 г. "Journal de St.-Peterburg" Горна получил субсидию в 25 000 руб.²³. На основании секретного архива III отделения проф. П.А.Зайончковский установил, что в 1878 г. газета "Отголоски" получила 21 000 руб.²⁴.

²⁰ "Книжник", 1865, №8, с. 511.

²¹ См.: Лапшина Г.С. Газета "Неделя" в 1868-1869 гг. и цензура. - "Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Журналистика", 1968, №1, с. 46.

²² Козьмин Б.П. Русская журналистика 70-80-х годов XIX века. М., 1948, с. 49. Как свидетельствует в своем дневнике Половцев, в 1887 г. царь на замечание Дурново о чрезмерности испрашиваемой Мещерским суммы сказал: "У нас хотят консервативные журналы за двугривенный. Смотрите, что Бисмарк тратит на прессу" (Дневник государственного секретаря А.А.Половцева, т. П. М., 1966, с. 140). Как видно из того же дневника, Мещерский просил 300 тыс. руб. По сохранившимся воспоминаниям других лиц, получить ему удалось сумму, равную приблизительно 100 тыс. руб. (см.: Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970, с. 78, 79).

²³ "Новое время", 1876, №71, с. 2.

²⁴ См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия..., с. 172.

Об обращении издателя "Сельской беседы" Кардо-Сысоева к наследнику за субсидией сообщала газета "Народная воля" в № 5 от 5 февраля 1881 г.

В 1879 г. по инициативе Александра III в правительстве обсуждался проект издания общедоступной газеты при пособии от правительства. Н.П.Емельянов не без основания считает та-кой газетой "Берег", который начал выходить с 15/Ш 1880 г. Московская газета "Современные известия" писала 23 января 1880 г., что "правительство, как говорят, выдало ему на пер-вых порах субсидию в 100 000 руб.". Официально эти сведения были опровергнуты. Но сотрудник газеты А.Дьяков в 1881 г. не только подтвердил факт субсидии, но и расшифровал его сле-дующим образом: 125 тыс. – на самое издание, 20 тыс. – на оборудование, 5 тыс. – на редакционную обстановку²⁵.

Сведения о правительственных субсидиях провинциальным изданиям в 80–90-е годы публиковались в библиографических журналах совершенно открыто, с патриархальной простотой. Так, в 1884 г. "Книжный вестник" сообщал, что после отказа изда-тельницы "Киевлянина" от получения очередной правительствен-ной субсидии сумма 2000 руб. была передана "Киевской стари-не"²⁶. В том же журнале в 1895 г. читаем такую информацию: "Правительственная субсидия в текущем году производится сле-дующим изданиям: "Варшавский дневник" – 5000 р., "Виленский вестник" – 6000 р., "Кавказ" – 4000 р., "Забайкальские обл. ведомости" – 1500 р."²⁷.

В 1894–1896 гг. два раза получало субсидию по 35 тыс. руб. "Русское слово" Александрова²⁸. "Правительственный вестник", с момента своего возникновения (1881) пользовав-шийся финансированием министерства внутренних дел, на 1905 г. испрашивал субсидию в 48 000 руб. и далее – ежегодно по 50 000 руб., а на реорганизацию в 1906 г. просил 100 000 руб.²⁹. Судя по записи в Особом журнале Совета Министров от 24 октября 1906 г., субсидия на 1906 г. была выдана в резмере 50 000 руб.³⁰, и тогда же "высочайшее соизволение последовало" на освобождение от оплаты почтовому ведомству пересылки "Правительственного вестника", "Сельского

²⁵ Вопросы журналистики. Межвузовский сб. статей, вып. 2, кн. 2. Л., 1960, с. 78.

²⁶ "Книжный вестник", 1884, № 1–2, с. 34.

²⁷ "Книжный вестник", 1895, № 4, с. 9.

²⁸ См.: Сытин И.Д. Жизнь для книги, с. 120.

²⁹ ЦГИА СССР. Всеподданнейшие доклады, 1905, ф. 776, оп. 1, № 38, л. 8.

³⁰ Там же. Особый журнал Совета Министров 24.X.1906, ф. 1276, оп. 20, ед.хр. 4, л. 179.

вестника" и газеты "Русское государство"³¹. Как следует из архивных данных, на организацию газеты "Русское государство" (1906) был открыт кредит в сумме 212 000 руб.³². После ее прекращения в том же 1906 г. неизрасходованный остаток в 100 тыс. руб. предполагалось употребить на усиление периодических изданий и, в частности, на издание газеты "Россия"³³.

10 марта 1905 г. "сравнительно незначительную сумму" в 100 тыс. руб. в виде скрытой субсидии просил Б.М.Юзефович для перекупки у кн. Ухтомского газеты "Спб. ведомости"³⁴. Стремясь к организации "талантливого консервативного органа", Юзефович признавал, что новую газету не создашь без субсидии правительства, а "субсидироваться у правительства консервативная партия не хотела бы, так как это дало бы повод к клевете и дискредитированию газеты, утвержденной на казенную субсидию, выдачу хотя бы только в виде ссуды"³⁵. Поэтому 100 тысяч испрашивались якобы на возмещение кн. Ухтомскому убытков от досрочного прекращения заключенного с ним контракта. 30 000 руб. просил в том же году издатель газеты "День" В.Н.Берг, но получил отказ по той причине, что субсидии, выданные ему в 90-е годы, себя не оправдали³⁶.

14 декабря 1905 г. по докладу министерства внутренних дел было дано из сумм министерства 5 300 руб. газете "Просвещение" ("Oswiata") в Варшаве и некоторым другим³⁷.

К 1912 г. секретный фонд Главного управления по делам печати министерства внутренних дел вырос до 826 300 руб. Но и этого оказалось мало. Понадобилась прибавка 83 700 руб. В 1914 г. к основной сумме 826 300 руб. дополнительно было переведено 192 000 руб. Таким образом, секретный фонд составил более миллиона. Ассигнования на 1916 г. составили уже 1 700 000 руб.³⁸.

Эти деньги предназначались для помощи повременным и непременным изданиям, отвечавшим видам правительства. На эти средства содержались некоторые должностные лица и учреждения Главного управления. Субсидии выдавались иностранному

³¹ Там же, ф. 776, оп. 1, ед.хр. 39, л. 2.

³² Там же. Всеподданнейшие доклады, 1906, ф. 776, оп. 1, ед.хр. 39, л. 4.

³³ Там же, л. 4 об.

³⁴ ЦГИА СССР. Всеподданнейшие доклады. 1906, ф. 776, оп. 1, ед.хр. 39, л. 4.

³⁵ Там же, л. 1-1 об.

³⁶ Там же, л. 7 об.

³⁷ Там же, л. 11.

³⁸ Красный архив, 1925, т. X, с. 333-342. Роспись секретного фонда МВД.

отделу Главного управления (с 1906 г.), который обследовал иностранную и так называемую "инородческую" прессу; Бюро русских журналистов – информационному органу, снабжавшему материалами провинциальную прессу (с 1912 г.); военной цензуре; "Правительственному вестнику" со всеми его службами и отделениями; отдельным лицам из чиновников и журналистов и более половины всех сумм – отдельным печатным органам.

В 1914 г. денежную помощь получало 54 печатных органа, В 1915 г. – 56, 1916 г. – 66. В 1914 г. субсидии получали: газета "Россия" – 144 850 руб. (за неполный год, закрыта с мая 1914 г.), "Земщина" – 144 000, "Киев" – 50 000, "Южное слово" – 31 600, "Голос Самары" – 16 800, "Московские ведомости" – 16 694, "Тамбовский край" – 15 966, "Северо-западный край" – 15 600, "Свобода и порядок" – 14 14 200, "Харьковские ведомости" – 12 000, "Симбирянин" – 12 000, "Орловская жизнь" – 9 600, "Рижский вестник" – 8 000, "Виленский вестник" – 7 902, "Казанский телеграф" – 6 996, "Голос Кавказа" – 6 000 руб. и т.д. Более мелкие суммы получили газеты: "Волга" (Саратов), "Литовская Русь" (Ковно), "Русская речь" (Одесса), "Тверская газета", "Томский вестник", "Пензенские ведомости", газета на татарском языке "Нур", несколько духовных изданий ("Странник", "Церковность"), студенческое издание "Вешние воды" и др.

В 1916 г. помимо названных газет субсидии получили "Бессарабец", "Голос России", "Двуглавый орел", "Копейка" (Киев), "Козьма Минин", "Русское дело", "Русское знамя" и др. Денежные суммы вручались через специального курьера или через членов государственной думы, губернаторов, начальников жандармских управлений, отставных генералов, священников и реже – непосредственно редактором. Размах субсидий охранительным изданиям говорит сам за себя.

Постоянным финансированием и единовременными выплатами не ограничивались формы государственных субсидий. Широко применялось кредитование. Так, например, газета "Русские ведомости" в год основания (1863) за 8 месяцев задолжала министерству внутренних дел 6 505 руб. 30 и 3/4 коп. за пользование в кредит услугами телеграфа³⁹. Она же пользовалась льготами по почтовому тарифу при Павлове.

Субсидией оказывалось разрешение печатать коммерческие объявления до 1862 г., пока они не были разрешены всем изданиям. Но и позднее публикация казенных объявлений осталась средством воздействия на печать. Когда Катков получил в аренду "Московские ведомости", он получил и привилегию на публикацию казенных объявлений, что давало дополнительных подписчиков⁴⁰.

39

См.: Вильчинский В.П. Николай Филиппович Павлов, с. 165.

40

Там же, с. 162.

Экономически выгодным было право публикации ведомственных циркуляров, что также увеличивало подписку. Таким правом, например, пользовались "Биржевые ведомости" Трубникова в 1860-1865 гг. Газета имела право печатать извещения по департаменту податей и сборов министерства финансов (в которое входило питейно-акцизное управление), что заменяло получение циркуляров по губерниям и стимулировало подписку, повышало авторитет издания. Трубников и позднее стремился добиться подобной привилегии.

Обуреваемый завистью к успеху Суворина, в прошении, поданном на имя царя 6 марта 1894 г., о разрешении ему новой газеты "Русский голос" Трубников писал: "Новое время" основано было на значительной материальной поддержке, а именно: с 1876 года министерством финансов (по Государственному банку) сделано было распоряжение, опубликованное в Указателе правительственных распоряжений по министерству финансов (№ 33), на основании которого одно только "Новое время" из всех частных газет избрано быть органом государственного банка, не говоря уже о том, что с того времени издателю этой газеты открыт был широкий кредит в этом банке.

Такое распоряжение, до сих пор не отмененное, возбуждало искусственно доверие публики к "Новому времени", являющемуся будто бы официальным органом высшего государственного учреждения, а суммы, собираемые этой газетой за объемистые публикации государственного банка, по дорогой таксе, составили в общей сложности весьма значительный капитал, поступивший в пользу ее издателя"⁴¹.

Монопольное право сообщения циркуляров, сведения, распоряжений, отчетов финансовых учреждений и какой-то части информации по линии одного из министерств ценилось очень высоко, так как давало лишних подписчиков и позволяло базировать связями с правительством.

Весьма существенным подспорьем являлась обязательная рассылка газет или обязательная подписка, распространение отдельных изданий по библиотекам, учебным заведениям, сельским и городским учреждениям. Министерство государственных имуществ рассылало "Русские ведомости" Павлова в 1863 г. во все волости государственных крестьян⁴². Министр внутренних дел предложил всем губернским и уездным начальникам обязательно выписывать с июля 1865 г. "Северную почту", при которой в

⁴¹ ЦГИА СССР. Дело по изданию г. Трубниковым в С.-Петербурге газеты под названием "Экономические ведомости" с приложением., 1893, ф. 776, оп. 8, ед.хр. 780, л. 24 об., 25.

⁴² См.: Вильчинский В.П. Николай Филиппович Павлов, с. 161.

особом приложении помещались все циркуляры министерства⁴³. То же министерство рассылало позднее во все волости "Сельский вестник". Министерство народного просвещения выписывало за свой счет многие издания для народных училищ. 97% подписчиков еженедельника "Мирской вестник" составляли различные ведомства и лишь около 3% — представители народа⁴⁴. Лесков осуждал принудительную рассылку "Сельской беседы" питейно-акцизным ведомством по одному экземпляру на каждый кабаk и по два экземпляра на винокурню⁴⁵.

Субсидией была в ряде случаев уплата каким-либо учреждениям залоговой суммы на издание газеты без предварительной цензуры. Такой льготой пользовалась "Неделя" при издателе Н. Мундте и др. Многие газеты пользовались одновременно несколькими формами поддержки: "Русские ведомости" Павлова получали кредит, освобождались от платы за пересылку, имели обязательных подписчиков; "Неделя" при Мундте получала субсидию из секретного фонда министерства внутренних дел, и за нее был уплачен залоговый взнос; "Сельская беседа", "Правительственный вестник" получали субсидию, имели обязательных подписчиков и бесплатно рассылались по почте.

Неудивительно, что такие условия ставили в привилегированное положение монархическую печать, создавали численное преимущество ее и давали возможность конкурировать с прогрессивной печатью, несмотря на непопулярность у значительной части населения.

х х
х

Для характеристики субсидирования печати со стороны торгово-промышленного частного, акционерного капитала сведений в исторической и историко-журналистской литературе еще меньше, чем фактов о правительственных субсидиях. Интересный материал можно почерпнуть из статьи В.Я.Лаверычева, упоминавшейся выше, публикаций Ю.Оксмана, И.Тоболина и некоторых других источников (воспоминания, книготорговые и библиографические журналы).

Лаверычев справедливо указывает, что "среди многочисленных периодических изданий конца 80-90-х годов немало было таких, которые субсидировались теми или иными группами капиталистов, нуждавшихся в поддержке общественного мнения. Выявить сразу все эти газеты и журналы не представляется воз-

⁴³ "Книжный вестник", 1865, № 12, с. 243.

⁴⁴ См.: Банк Б.В. Изучение читателей в России. М., 1969, с. 55.

⁴⁵ "Новое время", 1881, № 202, с. 2.

возможным. Это задача целого ряда конкретных исследований⁴⁶. К сожалению, таких исследований все еще очень мало, а новые книги о печати второй половины XIX в. информации не несут (см., например, работу Б.П.Балуева "Политическая реакция 80-х годов XIX века и русская журналистика" (М., 1971). В главе, посвященной проникновению капитала в печать 80-х годов, не приводится ни одного нового факта).

Не претендуя на полное решение темы, мы все же суммировали обнаруженные нами данные. Этих данных вполне достаточно для постановки вопроса и выявления общих закономерностей. Детализация остается еще задачей последующих исследований. Прежде всего, остановимся на материалах, сообщенных Лаверычевым.

Лаверычев приводит ряд сведений о журнально-предпринимательской деятельности братьев Шиповых. По материалам фонда проф. Ф.В.Чижова, хранящегося в рукописном отделе Библиотеки им. Ленина под № 332, им установлено, что Шиповы в 1857 г. собрали среди ближайших единомышленников около 30 тыс. руб. на издание журнала и газеты под редакторством Чижова и Бабста⁴⁷. Шиповы на эти средства и на дополнительную субсидию в 1 тыс. руб. от правления Саратовской железной дороги в 1858-1859 гг. издавали журнал "Вестник промышленности" и в 1859 г. газету "Акционер".

В 1860-1861 гг., когда средства Шиповых истощились, эти издания получили финансовую поддержку московских текстильных фабрикантов: Хлудова, Лямина, Алексеева, Ширяева и др. Их поддержка была весьма своеобразной. Фабриканты обеспечивали подписку на 1 500 экземпляров журнала и газеты (одна газета таким образом при годовой цене 2 руб. получала 6 000 руб. субсидии). Внося деньги, промышленники "почти не указывали адресов для рассылки журналов и газет. Сотни номеров оставались в распоряжении редакторов"⁴⁸ и могли вторично быть реализованы. Однако в 1861 г. журнал закрылся, а газета "Акционер" с 1863 г. оказалась сначала приложением аксаковского "Дня", а с 1864 г. - экономическим отделом той же газеты. Чижов и Бабст в это время, проводя интересы московских промышленников, фабрикантов и купечества, как пишет Лаверычев, "сохраняли личное достоинство и известную самостоятельность... Они убежденно развивали буржуазные взгляды и теории"⁴⁹. Но успехи у них были более чем скромные.

В 1866 г., после потери "Акционера", московские капиталисты (числом более 40 - Морозовы, Лямин и др.) обещали материальную поддержку петербургскому еженедельнику "Тор-

⁴⁶ "История СССР", 1972, № 1, с. 46.

⁴⁷ Там же, с. 27.

⁴⁸ Там же, с. 29.

⁴⁹ Там же, с. 30.

говый сборник" Красильникова, издававшемуся с 1864 г. Однако сумма этой помощи и ее форма нам не известны.

А.П.Шипов в 1865 г. стремится заполучить в свои руки "Нижегородский ярмарочный листок". Однако и "Торговый сборник" и в особенности "Нижегородский ярмарочный листок" были недостаточно популярными общественно-политическими органами, почти не имели влияния на общество по узости своих программ.

Промышленники попытались снова использовать в своих интересах авторитет И.С.Аксакова. Мы не располагаем никакими документальными сведениями относительно субсидирования частным капиталом "Дня", но точно установлено, что московские фабриканты субсидировали газеты Аксакова "Москва" и "Москвич".

Сведения о финансировании газеты "Москва" московскими капиталистами имеются в книге С.А.Никитина "Славянские комитеты в России в 1858-1876 гг.", но наиболее полно собраны В.Я.Лаверычевым: "9 октября (1866 г. - Б.Е.) между московскими капиталистами, финансировавшими издание, и И.С.Аксаковым, редактором новой газеты, на квартире Т.С.Морозова были подписаны условия взаимных отношений"⁵⁰.

Пробный номер газеты "Москва" 15 декабря 1866 г. предварительно просматривался в доме Т.С.Морозова. Вопрос об издании газеты, ее редактировании не раз обсуждался на совещаниях представителей капиталистов с участием Т.С.Морозова и И.С.Аксакова. Морозов вел личную переписку по делам газеты с ее редактором. Лаверычев делает вполне справедливый вывод, что, "затратив на издание газеты значительные средства, московские капиталисты, не подвергая И.С.Аксакова мелочной опеке, все же оставляли за собой право контроля"⁵¹.

Безоговорочная поддержка национальной промышленности и торговли в противовес иностранному капиталу, фрондерство Аксакова привлекали торгово-промышленные круги к нему. Аксаков же, не надеясь, конечно, найти в них сочувствие своим славянофильским взглядам, рассчитывал на расширение своего влияния с помощью капитала.

Лаверычев, рассматривая сумму затрат московских промышленников на газету "Москва" и "Москвич", считает "наиболее достоверными" суммы, названные в "Воспоминаниях" Н.Найденова - 80 тыс. руб. и в статье С.А.Никитина "Южнославянские связи русской периодической печати 60-х годов XIX в." - 51,5 тыс. руб. Вместе с тем он упоминает и сумму, обнародованную петербургской газетой "Деятельность", - 300 тыс. руб. но ставит ее под сомнение.

⁵⁰ "История СССР", 1972, № 1, с. 32.

⁵¹ Там же.

Действительные затраты частного капитала на газету "Москва" в 1866-1816 гг. составили, как устанавливает на основе архивных источников Лаверычев, 68 500 руб. Больше половины этой суммы пришлось на Т.С.Морозова, И.А.Лямина, П.Милютина и К.Т.Солдатенкова (39 500 руб.), что давало им реальное право контроля над изданием⁵², позволяло надеяться, что экономический отдел будет защитником протекционистской политики.

О связи другой газеты, "Русские ведомости", в 1872 г. с промышленниками рассказывает В.А.Гиляровский: "После кончины Н.С.Скворцова дела газеты шли туго, она, как говорится, дышала на ладан и погибла бы, если бы Никольский...⁵³ не нашел мецената в лице В.К.Фон Мекка, председателя правления московско-рязанской железной дороги. Тот сыпнул деньгами, и газета пережила тяжелое время, а там помогла ее дальнейшему успеху В.А.Морозова - и газета расцвела. Вскоре все долги были уплачены и даже приобретены газетой дом и собственная типография"⁵⁴.

В 60-70-е годы не против были получить материальную поддержку частного капитала первый редактор газеты "Новое время" Н.И.Юматов (1868), издатель газеты "Русский мир" М.Г.Черняев, издатель газеты "Молва" (бывшие "Биржевые ведомости") В.А.Полетика.

В 1864 г. читатели обратили внимание на такие слова из объявления о подписке "Вести": "Еженедельная газета "Весть" получает небольшую субсидию от нескольких частных лиц, для того, чтобы усилить средства этого издания"⁵⁵.

Для организации "патриотической" газеты "Русский мир" М.Г.Черняева в 1871 г. было собрано "в аристократических кругах" 34 тыс. руб.⁵⁶ Этой суммы хватило на 3 года. В 1874 г. 10 тыс. руб. Черняев получил от Воронцова-Дашкова и Нарышкина. Но и этого оказалось мало, чтобы поднять престиж газеты. В том же году Черняев через Чижова обратился к московским купцам с просьбой дать ему 16 тыс. руб. Помощь была оказана. Точная сумма, выделенная купечеством, нам не известна, но в записке о направлении газете Черняев отмечал,

⁵² "История СССР", 1972, № 1, с. 32.

⁵³ А.А.Никольский - участник хозяйственного отдела газеты, юрисконсульт железных дорог.

⁵⁴ Гиляровский В.А. На жизненной дороге. Вологда, 1959, с. 193. Ср. в "Москве газетной": "Откликнулся на поддержку идейной газеты крупный железнодорожник В.К.Фон Мекк и дал необходимую крупную сумму" (Гиляровский В.А. Собр. соч. в 3-х т., т. 2. М., 1960, с. 23).

⁵⁵ "Книжный вестник", 1864, № 17, с. 336.

⁵⁶ "История СССР", 1972, № 1, с. 36.

что купеческое сословие, ранее безразличное к газете, "дало средства для развития торгового и финансового отделов"⁵⁷.

Во второй половине 70-х годов "Русский мир" широко (по сравнению с другими газетами) освещал вопросы экономического развития страны. В 1877 г. из газеты можно было узнать, что русские промышленные общества стремились наладить производство паровозов в России, чтобы не покупать их за границей. Сообщалось, что за инициативу заводчикам назначалась премия от 2400 до 3000 руб. Тогда же в связи с нехваткой металла газета информировала промышленников об освобождении от пошлины ввоза "из-за границы стали и лому для сталилитейных и сталелитейных заводов". Газета считала, что экономическое богатство России можно увеличить "не финансовыми операциями и изворотами... а только радикальным средством оживления внутренней промышленности и народного труда". "Русский мир" иронизирует по поводу того, что деревянные сапожные гвозди в Россию доставляются из Пруссии. Газету не устраивает состояние горнозаводской промышленности, пришедшей в тупик еще при крепостном праве.

18 февраля (2 марта по н. ст.) 1878 г. "Русский мир" напечатал статью о промышленности Урала и истории его горнозаводского рабочего населения. "История эта коротка и печальна". Загнанный "со времен Петра в непроходимые трущобы Уральского нагорья", рабочий люд был прикреплен к горным заводам. "Впоследствии, с развитием крепостных начал до пределов полного рабства, горнозаводское дело шло бок о бок с развитием закрепощения и нигде в целой России не проявлялось оно в таких поражающих формах насилия и произвола, как на Урале".

Газета выступила за улучшение агротехники земледелия, за развитие технического образования, пропаганду начал механики и т.д. ("Русский мир", 1878, 16(28) янв.; и др.).

Русские промышленники во главе с Т.С.Морозовым финансировали газету "Голос Москвы" (1885-1886) Н.В.Васильева и И.И.Зарубина. На издание этой газеты в 1884 г. московские капиталисты собрали около 100 тыс. руб.⁵⁸ Газета, видимо, была связана с "Московскими ведомостями" Каткова. Н.Васильев - бывший сотрудник "Московских ведомостей". Политический облик "Голоса Москвы" напсминал газету Каткова. Газета придерживалась охранительного направления, открыто оправдывала злоупотребления администрации на фабриках Морозова, защищала ночные работы и т.д. Конкурирующая газета купца 1-й гильдии заводчика Ланина "Русский курьер" 31 марта 1885 г. отмечала, что "кучка купцов, фабрикантов и заводчиков... помогали "Голосу Москвы" своими материальными средст-

⁵⁷

⁵⁸ Там же (материалы Государственного Исторического музея).
"История СССР", 1972, № 1, с. 42.

вами при его возникновении и поддерживали во время его существования". Здесь же "Московские ведомости" были названы "верным талантливым и постоянным защитником и слугой коммерческих интересов". Это вскользь брошенное слово раскрывает связи "Московских ведомостей" в середине 80-х годов с капиталистами, что несколько неожиданно, но, как мы уже видели, отнюдь не невозможно.

От промышленных кругов зависело издание газеты И.С.Аксакова "Русь" (1880-1886). Р.Ф.Шарапов – руководитель экономического отдела газеты – был тесно связан с текстильными фабрикантами. Он был секретарем совета московского отделения Общества содействия русской промышленности и торговле. А сам Аксаков вскоре после закрытия "Москвы" (1868) был проведен московскими промышленниками (Т.С.Морозов, Лямин и др.) при поддержке Ф.В.Чижова, ставшего председателем правления Московского купеческого общества взаимного кредита, на должность члена правления этого общества с гарантированной оплатой первоначально 3 тыс. руб. в год, а затем более 10 тыс. руб. в год⁵⁹.

Газета "Русское дело" (1866-1910) С.Ф.Шарапова издавалась на средства московских фабрикантов: Н.П.Конщина, Д.И.Морозова и др. В 1887 г. Д.И.Морозов – главный совладелец Богородско-Глуховской мануфактуры – внес залог и обязался финансировать газету с 15/X 1887 г. по 15/X 1890 г. Сам Шарапов получал жалование от Морозова в размере 200 руб. в месяц⁶⁰.

В 1889 г. Морозов прекратил финансирование газеты. Московские капиталисты (Лист, Бромлей и др.), к которым обратился за помощью Шарапов, не поддерживали его активно. Таковую поддержку на некоторое время он нашел у купца Голубева. Позднее на средства петербургского капиталиста А.Штиглица Шарапов издавал еще одну газету – "Русский труд" (1896-1897).

Процесс капитализации газет захватил и провинцию.

В 1890-е годы газета "Волгарь" (Нижний Новгород) издавалась при поддержке Т.С.Морозова; "Нефтяное дело" (Баку) издавалось Советом съезда нефтепромышленников. В 1900 г. издателем "Вестника сахарной промышленности" (Киев) было Всероссийское общество сахарозаводчиков. "Приазовский край" (Ростов-на-Дону), будучи с 1897 г. органом Донского акционерного общества печатного и издательского дела в г. Ростове-на-Дону, зависел от Азово-Донского коммерческого банка. Таганрогский журналист Тараховский в письме А.П.Чехову от 10 февраля 1900 г. прямо раскрывал связь газеты "Приазовский край" с указанным банком. Редакция газеты отказывалась

⁵⁹

⁶⁰ "История СССР", 1972, № 1, с. 35, 44.

Там же, с. 45.

печатать статьи против правления этого банка, так как была связана с ним "дружбой и большим кредитом"⁶¹.

Напуганные революционным движением масс, московские купцы-заводчики в 1905 г. дали 100 000 руб. на псевдорабочую газету, которую организовывало "Новое время"⁶². Газета "Голос Москвы" А.И.Гучкова (1906-1915) субсидировалась крупными финансистами, промышленниками, биржевиками. Одно время в качестве издателя ее выступало Московское товарищество для издания книг и газет⁶³. Московские капиталисты Рябушинские в 1907 г. финансировали сразу две газеты: "Раннее утро" и "Утро России".

Российско-французский банк и Азово-Донской (с переводом его в Петербург) финансировали ряд столичных газет, Волжско-Камский банк не был в стороне от подкупа печати. По инициативе его представителей "Новое время" с 1911 г. стало издаваться акционерным обществом, правда, при сохранении контрольного пакета акций у сыновей Суворина.

О размахе внедрения капитала в газетное дело говорят попытки банков в канун революции 1917 г. приобрести контрольный пакет акций газеты "Новое время", действующей как акционерное предприятие, а также газету "Биржевые ведомости" Проппера.

В 1917 г. на субсидирование газеты "Русская воля" ассигновалось 5 млн. руб. — сумма, дотоле небывалая, превышающая в два раза стоимость любого из прежних издательских предприятий. Деньги выделялись представителям петербургских банков. Первоначально предполагалось участие 10 банков. Реально же опекунами "Русские воли" оказались три банка: Международный коммерческий, Русский для внешней торговли и С.-Петербургский учетный. Они контролировали 43 крупнейших предприятия горнозаводской, металлообрабатывающей и электрической промышленности⁶⁴. Правда, и теперь частный капитал действовал не всегда самостоятельно. Затраты на приобретение, подкуп газет делались, как правило, по указке и даже требованию министерства внутренних дел в интересах самодержавного правительства⁶⁵. И часто трудно было разобрать, кто субсидировал газету: правительство через частный капитал или частный капитал при

⁶¹ Филологические этюды. Журналистика, вып. 1. Ростов, 1971, с. 149.

⁶² См.: Ленин В.И. Капитализм и печать. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 7-8.

⁶³ Русская периодическая печать. 1895-1917. М., 1957, с. 103.

⁶⁴ См.: Оксман Ю. "Русская воля", банки и буржуазная литература. — "Литературное наследство", 1932, № 2, с. 171.

⁶⁵ Там же.

содействии правительства. Союз крупной буржуазии и самодержавия укреплялся все более.

В 1912 г. "Новому времени" грозила потеря привилегии печатать объявления земельных банков (доход от их публикации составлял около 15 000 руб.), ибо по закону эти объявления должна была печатать самая распространенная газета, а газета "Новое время" уже не была самой распространенной газетой. Совет министров не без колебания все же оставил объявления "Новому времени": "...привилегия эта стала субсидией"⁶⁶, — говорил В.И. Ленин.

Участие капитала в прессе конца XIX — начала XX в. отличалось, как мы видим, от его участия в 60–80-е годы. Частнокапиталистические вложения увеличиваются как в прямом денежном выражении, так и в количестве. Особенно характерным становится участие в подкупе печати финансового капитала. Не случайно В.И. Ленин в 1917 г. требовал "назначить комиссию для расследования зависимости буржуазных газет от банков"⁶⁷.

Все эти факты еще раз показывают, в каком трудном положении находилась подлинно демократическая печать, как важно было ее противоборство официальной пропаганде, какой великой заслугой был сбор средств рабочим на издание революционных газет, особенно газеты "Правда".

⁶⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 7.

⁶⁷ Там же, т. 35, с. 54.

Глава IV

ВОПРОСЫ ТИПОЛОГИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ ГАЗЕТНОГО ДЕЛА

Изучение газет и газетного дела не преследует только углубление знаний одного отряда периодической печати, оно проводится и для более полного рассмотрения всей журналистики, всех типов периодических изданий, ибо развитие газет и газетного дела не могло не оказывать влияния на облик и содержание других средств массовой информации и пропаганды, в том числе и журналов.

Сейчас в связи с рядом теоретических и практических вопросов, вставших перед исследователями истории журналистики и современных средств массовой информации и пропаганды, особенно настойчиво ощущается необходимость типологической характеристики эмпирического материала.

Типологическая характеристика периодических изданий складывается из многих компонентов, зависит от ряда обстоятельств, может быть проведена по разным основаниям. Она определяется прежде всего направлением, содержанием и целью издания, читательской аудиторией, ее запросами и потенциальными возможностями, периодичностью, традициями, системой изданий данного времени, общими политическими условиями и субъективными качествами руководителей, организаторов печати и даже состоянием техники.

Проявляется же она как в характере журналов и газет, так и в их рубрике, жанрах, соотношении частей, оформлении, периодичности и некоторых других компонентах.

Следует отметить относительность типологических черт изданий. В "чистом" виде тип встречается редко; обычно мы имеем дело с индивидуализированными разновидностями типа, смешанным типом¹.

¹ Л.Н.Павленков, разрабатывая в конце века классификацию периодических органов печати, замечал, что программа большинства ежедневных, еженедельных и даже ежемесячных изданий, исключая специальные, "настолько однообразно, что представляется довольно трудным сделать между ними резкое разграничение на издания чисто политического характера, или посвященные обзору внутри-общественной жизни, или, наконец,

Типологическое единство, общность — это отнюдь не однозначность. Каждое конкретное издание может иметь свое лицо при некоей типологической общности.

Типологические особенности не всегда ясно и ярко прослеживаются в определенное время. Подчас нужны годы, чтобы типологические черты выявились резко. Так, например, начало XIX в. характеризовалось в этом отношении отсутствием определенного типа журнала (сравни "Московский журнал", "Периодическое издание", "Чтения в Беседе" и др.), интенсивными поисками его. Но это отсутствие сложившегося типа само по себе становится известной типологической чертой журналистики начала XIX в. Десятилетия остаются как бы подготовительным, переходным временем для складывающегося нового типа издания. Десятилетия. И надо уметь выделить типологические черты в пестром и подчас противоречивом материале истории.

В ходе развития и борьбы отдельные типы изданий испытывают взаимное влияние, и это рождает новые черты, а еще чаще — смешанный тип, основной и побочный, и иногда характер одних определяет существенные черты других.

Типологическая общность прежде всего проявляется в ряде изданий одного направления, если речь идет о социально-политической ориентации содержания. Но когда речь идет о развитии журнальных форм, отдельные характерные черты одного типа могут проявиться и в изданиях различного идеологического направления, поскольку они ставят одинаковые цели по отношению к аудитории: информация, пропаганда, управление.

Поэтому выделение типов, типологической общности подчас требует достаточно высокой степени абстракции. Разумеется, эта неизбежная доля абстракции не отменяет острого чувства партийности, умения сохранить классовый подход к явлениям печати. Выделение общих типологических черт для журналистики одного времени, но разного идейного содержания ни на йоту не умаляет наших политических оценок журналистики реакционной и прогрессивной.

Итак, развитие журнальных форм (зависящее в конечном счете, как всякое идеологическое явление, от развития производственных сил и производственных отношений) в известной степени будет автономным по отношению к идейно-политическому содержанию. Это не всегда достаточно внимательно учитывается, в частности при характеристике русской печати буржуазной эпохи.

с одной литературной программой, так как обыкновенно эти три отдела в большем или меньшем объеме существуют во всех этих изданиях" ("Исторический вестник", 1889, № 5, с. 490-491).

Часто общие, обязательные для каждого журналиста, вступающего на путь издательской деятельности в условиях буржуазного общественного строя, действия, поступки мы истолковываем как индивидуальные, субъективные, возводим их в отрицательные или положительные качества отдельных личностей (введение гонорара О.И.Сенковским, забота о доходности журнала Некрасова и т.д.), тогда как каждый издатель, понимающий свою роль, свое время, должен поступать именно так, а не иначе. Необходимость завоевать массового читателя (в данном случае неважно, из каких слоев или групп населения), стремление к массовости — одно из общих требований журналистики второй половины XIX в. Издатели, игнорирующие это требование, в частности славянофилы, или не умеющие его осуществить, не могли удачно действовать на поприще печати независимо от своих политических убеждений и способностей.

Отдельные элементы обуржуазивания журнального дела, принятые, например, Сенковским в 30–40-е годы, исследователи, как правило, осуждают, а они были исторически необходимыми. Им следовали Пушкин и Некрасов как издатели (энциклопедизм, расширение информации, стремление увеличить читательскую аудиторию, введение гонорара и др.), о них без осуждения говорили Белинский и Чернышевский. Некрасов как никто другой, например, понял значение для успеха демократической печати доходности журнала, расширения читательской аудитории и т.д.

Разумеется, в демократической печати и доходность обеспечивалась и служила другим целям, и расширение аудитории шло за счет иных средств и иных общественных классов, прослойки и групп, нежели в печати Булгарина, Сенковского, но принципиально эти положения игнорировать журналисту-практику было нельзя.

Между прочим, правительство самодержавной страны так ревностно старалось сохранить бюрократический надзор за печатью, что даже элементарно необходимые новшества встречало с недоверием, противилось им на протяжении всего XIX в. Например, обычные для западноевропейских буржуазных изданий приемы по созданию массовой коммерческой печати (снижение подписной платы, печатание рисунков, объявлений, увеличение скандальности и развлекательности газет, расширение розницы и т.д.) встречали в России со стороны администрации недоверие и сопротивление даже для значительной части заведомо лояльной прессы².

² В 1883 г. "Биржевым ведомостям" было отказано в увеличении периодичности; "Петербургской газете" дважды, в 1888 и 1891 гг., было отказано в помещении иллюстраций, причем в одной из мотивировок есть ссылка на особое распоряжение министра внутренних дел отклонять просьбы издателей-редакторов бесцензурных ежедневных изданий о разрешении им помещать рисунки (ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3,

Переоценивать борьбу подобных изданий за устранение административных преград журнальному предпринимательству не следует, ибо такая "борьба" с бюрократией еще ничего не говорит об идейной стойкости и определенности изданий. Но нельзя не учитывать и того, что бюрократия влияла на типобразование, вернее, на формирование новых типов изданий всех направлений. Именно благодаря самодержавию в России задерживалось формирование легальной партийной печати, массовой городской газеты и других изданий.

На протяжении XVIII-XIX вв. газета и журнал постоянно находились во взаимодействии, влияли друг на друга, причем как в позитивном, так и в негативном плане. Постепенно с расширением сферы влияния газет все разветвленное становилась система газетной печати. В ходе этого развития газета перенимала что-то от журнала, особенно так называемая идейная, качественная, серьезная газета. Журнал, в свою очередь, должен был учитывать в содержании, формах все более развивавшуюся ежедневную печать, ее возможности.

По мере расширения газетной периодики, более полного удовлетворения информационных потребностей общества и установления ее характерных черт она все больше влияла на типологию русской журналистики, журнала, хотя, разумеется, журнал как тип эволюционизировал и вне связи с газетной печатью, самостоятельно.

Русская журналистика поэтапно знает несколько исторически обусловленных типов журнальных изданий общего содержания. Как уже было сказано, приход XIX века отмечен неустановившимся типом русского журнала, официозным характером газетной печати. Типичный для XVIII в. журнал одного лица, что обеспечивало необходимое внутреннее единство, направление, явно уже не отвечал требованиям общественного и литературного развития. Опыт Карамзина по изданию "Московского журнала" с отделом библиографии и литературной критикой в нем оказался вполне своевременным и удачным. Опыт по изданию "Вестника Европы", "Сына Отечества" был еще более удачен, но не дал какого-либо определенного результата. Правда, "Вестник Европы" Карамзина показал возможность и необходимость журналу иметь свою, достаточно обширную (пока сословно-дворянскую) аудиторию, отдел политики, целесообразность двухчастной структуры. Однако вскоре после ухода Карамзина эти завоевания журналом были утрачены.

После войны 1812 г. вместо хроники и обзоров военных событий отдел литературной критики успешно развернул "Сын

№ 451, 215); газета "Петербургский листок" в 1903 г. была подвергнута судебному преследованию за помещение портретов хулиганов и проституток и т.д.

Отечества", подчинив ее гражданским идеалам декабризма. Но процесс демократизации, перестройки журнала, прерванный событиями 1825 г. так и не закончился. Кроме того, консерватизм Греча тормозил совершенствование журнала и до восстания декабристов.

Отдельные завоевания оставались частными приобретениями журналистики, хотя они и не прошли бесследно для будущего отечественной печати.

При слабой разработке типа журнала, его публицистических жанров и рубрик, строгом цензурном досмотре и монополии "Северной пчелы" на политическую информацию наряду с журналом наиболее удобной формой для выражения идей ряда дружеских обществ просвещенного дворянства и даже революционеров в 20-е годы сделался альманах. Он позволял привлечь всех участников общества, не заставляя их подчиняться профессии журналиста, законам журналистской деятельности. Потеряв в широте освещения событий жизни, передовые альманахи выиграли в пропагандистском эффекте, идейном и художественном содержании, а о воздействии на широкую аудиторию, задачах оперативного оповещения о новостях их организаторы пока не думали: образованное дворянство и чиновничество читали "Северную пчелу", а при необходимости — иностранные газеты.

Особенно удачным был опыт издания А.Бестужевым и К.Рылеевым революционного альманаха "Полярная звезда". Это был периодический сборник. Он включал в себя прозу, стихи (исключительно отечественных авторов), теоретические статьи (обзор литературы), которые цементировали издание, придавали ему злободневность, целенаправленность. Альманах стал как бы политическим и литературным манифестом декабристов. И надо сказать, в таком качестве альманах еще не раз использовался различными литературными и политическими группами.

Конечно, альманах как тип издания, строго говоря, не должен быть отнесен к журналистике. Но тем не менее прогрессивный альманах 20-30 годов нельзя игнорировать в развитии журналистики указанного времени, ибо он не только восполнял обусловленный цензурной политикой правительства пробел в журналистике, но и нес в себе ряд принципов журнализма и влиял на формирование, выяснение оптимального состава, внутренней структуры, принципов руководства именно журнала.

"Пример "Полярной звезды" породил множество подражаний в 1824 году", — отмечали сами издатели³. "Мнемозина", "Русская старина", "Северные цветы" — наиболее удачные альманахи того времени. "Не купив русских альманахов. — отмечал Поле-

³ "Полярная звезда", издаваемая А.Бестужевым и К.Рылеевым, 1825, с. 19.

вой еще в 1829 г., — вы не будете знать, что написали русские писатели в протекшем году"⁴.

Вместе с тем альманахи, появившиеся в изобилии, разошлись по идеологической линии. Наряду с прогрессивными альманахами появились и неудачные, салонные, просто реакционные. Недостатки альманаха обнаружились особенно ярко после 1825 г., когда господствующим типом стал альманах реакционной направленности: "Московский альманах", "Календарь муз" и др. Полевой не случайно в 1831 г. писал: "У "Полярной звезды" было два сына умных, а третий дурачок; от него-то и расплодилось племя альманачное до несть числа и до сего дни"⁵.

Параллельно альманаху развивается и собственно журнал: "Вестник Европы", "Сын Отечества", "Русский вестник". Все они, кроме отраслевых, носили литературный характер: были ли они общественно-литературными, или художественно-литературными, или общественно-политическими — все равно литература была на главном месте. Литература была тем предметом, который давал основную массу подписчиков. Как и ведущие газеты, это были издания, в той или иной мере пользующиеся поддержкой официальных властей, тогда как передовые альманахи были независимыми от правительства и его учреждений. Зависимость от правительства тормозила развитие типа русского журнала.

Однако уже в середине 20-х — в 30-е годы формируется новый тип журнала — журнал энциклопедический, охватывающий все стороны общественной литературной и научной жизни: "Московский телеграф", "Телескоп", "Библиотека для чтения", затем "Отечественные записки" и др.⁶ Развивая тип ежемесячника, они вобрали в себя отдельные элементы, наиболее удачно представленные в "Московском журнале", "Вестнике Европы" Карамзина, "Сыне Отечества" и передовых альманахах.

Критическое отношение к альманаху как к ведущему типу издания отразилось в ряде суждений Полевого и Белинского 30-х годов, хотя сложилось оно несколько раньше. Альманах удовлетворял интерес к изящной словесности, отчасти философии, истории и театру. Но этого было уже недостаточно. Читатель хотел следить и за политикой, и за литературной критикой, и за экономическими новостями, причем не только в информационной форме официальных газет. Отсутствие злободневных материалов, цементирующих большинство альманахов в идейно-политическом отношении, бросалось в глаза прежде всего. Это

⁴ "Московский телеграф", 1829, № 8, с. 478.

⁵ "Московский телеграф", 1813, № 5, с. 77.

⁶ Попытку придать журналу Вольного общества любителей российской словесности "Соревнователь просвещения и благотворения" (1818) энциклопедический характер нельзя считать удавшейся.

же ощущалось как главный недостаток и в ряде существующих журналов.

Белинский в 1836 г. осуждает в журналистике "альманачную безличность". Журналу мало быть "сборником хороших статей", говорит он, т.е. отвергает принцип составления журнала как сборника. Это говорилось не только о прошлом, о 20-х годах, но в известной степени и о 30-х.

Дело в том, что сам энциклопедический журнал нес в себе следы альманашности. Широкий, пестрый круг авторов, тем, жанров; не все еще делалось по-журналистски, а часто по-писательски, т.е. соседство материалов мало беспокоило авторов и многих издателей. "Это альманах, — говорил с осуждением Белинский о "Московском наблюдателе" 30-х годов, — это тетради, где сшиваются и дурные, и посредственные, и хорошие, и отличные статьи. Только периодический выход его книжек делает его журналом"⁷.

Но по существу энциклопедический журнал сильно отличался от предшествующих типов. В его содержании и частично в периодичности (многие выходили два раза в месяц) уже сказывается желание усилить информацию о всех сферах жизни, особенно текущих событиях. Складывается устойчивая структура журнала, усиливается роль отдела "Смесь".

Появление энциклопедического журнала было вызвано изменением аудитории, увеличением грамотной прослойки среди провинциального дворянства, купцов и чиновничества, недостаточным развитием и распространением газет, их узостью, сложившимся взглядом на журнал как средство образования, воспитания общества.

Энциклопедический журнал до известной степени разрывал сословные рамки журналистики. Это был журнал обо всем и для всех, не только для узкого круга образованного дворянства, столичного по преимуществу. Не случайно застрельщиком здесь был выходец из купеческого сословия Полевой.

Журнал должен отражать мир нравственный, политический, физический и т.д., журнал должен отличаться разнообразием статей. Это издание для всех⁸, подчеркивал издатель "Московского телеграфа". Соглашался с этим и Бестужев: "Московский телеграф" включает в себе все, извещает и судит обо всем"⁹. Разнообразие журнала Полевого признавал Белинский. Он же подчеркивал значение "Московского телеграфа" как "зеркала современности"¹⁰.

⁷ Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 2. М., 1953, с. 49.

⁸ "Московский телеграф", 1831, № 1, с. 72, 78.

⁹ "Полярная звезда", 1825, с. 22.

¹⁰ Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 9. М., 1955, с. 693.

Программы большинства журналов 30-х годов, отдельные отзывы и суждения издателей — все говорит о значительном расширении содержания журнала. "Библиотека для чтения" в своем подзаголовке ("Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод") фактически перечисляла все отделы энциклопедического журнала 20-30-х годов. "Московский телеграф", например, имел в своем составе такие отделы: науки и искусства, словесности, критики, библиографии, известий и смеси, мод, не считая приложений; "Библиотека для чтения" — отделы русской словесности, наук и художеств, промышленности и сельского хозяйства, критики, литературной летописи и смеси; "Телескоп" — словесности, критики, науки, смеси, современной летописи, знаменитых современников и пр., приложение "Молву"; "Отечественные записки" — наук и художеств, словесности, домоводства, критики, библиографии, смеси, мод, не считая официального отдела — современной хроники. Как видим, вариации здесь незначительны: в "Телескопе" добавлен отдел биографий ("Знаменитые современники"), в "Отечественных записках" — домоводство.

Общий взгляд на журнал 30-х годов, требования к типу журнала хорошо выразил "Сын Отечества": "Дайте нам книгу, дайте толстую книгу, — писал он в 1839 г., — дайте в ней непременно стихов и прозы; извольте кончить повесть в одной книжке; пожалуйста непременно наук и искусств, земледелия и промышленности (или хоть промышленности), критику непременно, без библиографии не смей появляться, а без смеси избави нас бог и подумать явиться! Смеси, смеси, м.м.г.г., — смесь — символ русского журнала, как прежде бывали необходимой принадлежностью их моды. Теперь мода не на моды, а на толщину, на промышленность и науки, на земледелие, если не благовонное, зато полезное, — да, заметьте еще в заключение, чтобы книжка непременно выходила в назначенный день и час"¹¹.

Краевский в программе журнала "Отечественные записки" писал: "Цель "Отечественных записок" — споспешествовать, сколько позволяют силы, русскому просвещению по всем его отраслям, передавая отечественной публике все, что только может встретиться в литературе и в жизни замечательного и приятного... На этом основании "Отечественные записки" должны сделаться и сделаются журналом энциклопедическим в полном значении этого слова". Энциклопедизм выставляется как безусловное достоинство. Не случайно в 30-е годы Белинский требовал "полного энциклопедизма" от "Московского наблюдателя"¹².

¹¹ "Сын Отечества", 1838 г. — Цит. по кн.: Каверин В.

¹² Барон Брамбеус. М., 1966, с. 112.

Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 2, с. 49.

Косвенно подтверждает авторитет, распространенность энциклопедического журнала и Булгарин. Когда "Русский вестник" в № 3 за 1842 г. в силу общей тенденции опубликовал "хозяйственные заметки", что не входило в его программу, издатель "Северной пчелы", будучи по совместительству редактором журнала "Эконом", из-за боязни конкуренции заявил: "Допускаю один, много два энциклопедические журнала, но все журналы на одну статью, по одному плану, перебивающие один другому дорогу, — это, воля ваша, невыносимо!"¹³.

До поры до времени энциклопедический журнал как тип был прогрессивен и удачно сочетался с характером русских газет. Однако журнал подобного типа долго не просуществовал. И не потому, что его эксплуатировали Сенковский и Краевский, что им был недоволен Булгарин. Изменилось время, аудитория. Развитие русской жизни шло достаточно быстро, и уже в 40-е годы встал вопрос о новом типе периодического издания.

В обзоре русской литературы 1844 г. Белинского находим такие слова: "Теперешние журналы слишком энциклопедичны, слишком разнообразны..."¹⁴. Конечно, реакционный вариант энциклопедического журнала особенно ярко нес в себе отрицательные черты типа. Некрасов в "Деловом разговоре", передавая настроение передовых литераторов 40-х годов, устами подписчика издевается над энциклопедическим журналом консервативного направления, отделом науки в частности:

"...какие вы трактуете предметы?
"Проказы домовых", "Пословицы", "Приметы",
"О роли петуха в языческом быту",
"Значенье кочерги", "История ухвата".
Нет, батюшка, таких статей нам не надо!"

Кризис типа прежде всего проявлялся в консервативном журнале, далеком от жизни. Но и "Отечественные записки" — лучший журнал 40-х годов — мельчали под влиянием Краевского, делались пестрыми. Краевский, добившись к середине 40-х годов материального успеха, был сторонником того, чтобы ослабить злободневность, политическую остроту выступлений Белинского. Он заваливал критику массой изматывающей черновой работы, плохо платил ему. Белинский не раз жаловался в письмах, что Краевский делает его "чернорабочим", "водовозной лошадью" и даже "шарлатаном", заставляя рецензировать книги, которые его не интересуют, в содержании которых он плохо разбирается. Не случайно Некрасов и Белинский в 1845 г. предпринимают усилия по организации самостоятельных сборников, созревает реше-

¹³ Цит. по: Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 6. М., 1955, с. 400.

¹⁴ Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 8. М., 1955, с. 488.

ние Белинского уйти от Краевского, начать издание передового альманаха "Левиафан" или нового журнала, что и осуществилось в "Современнике".

Все чаще и чаще на первый план выдвигается требование цельности направления журнала как его характерной черты, хотя эти мысли уже высказывались и ранее, в середине 30-х годов. Выдвигается положение, что журнал должен быть популярным не за счет разнообразия, а за счет главного мнения. Белинский писал: "Чтобы журнал был читаем... нужно, чтоб он выиграл мнением"¹⁵. Это было завоеванием родившейся революционно-демократической мысли. Это еще не требование изменения типа журнала, но предпосылка к тому. Революционно-демократическая мысль требовала новой формы.

Осуществить цельность передового направления сразу было нелегко. "Что касается до наших журналов, — писал Белинский в середине 40-х годов, — необходимость иметь известное направление, известный образ мыслей и никогда не противоречить ему начала обнаруживаться только в последнее время... у нас большое счастье для журнала, если он успеет соединить труды нескольких людей и с талантом и с образом мыслей, если не совершенно тождественным, то по крайней мере не расходящимся в главных и общих положениях. Поэтому требовать от журнала, чтобы его сотрудники были совершенно согласны даже в оттенках главного направления, значит требовать невозможного"¹⁶. Но к этой цельности были направлены усилия Белинского, Некрасова. Пересматривается значение отдельных рубрик, материалов, жанров. И особенно характерно заявление Белинского: "Литература — предмет, конечно, интересный, но не совсем неистощимый"¹⁷.

Во вновь организованном "Современнике" 1847 г. можно отметить увеличение роли литературного обозрения как статьи, определяющей направление издания и касающейся все более широкого круга общественных вопросов. Более строго подбираются художественные произведения в духе требований критического реализма. Шире освещается иностранная жизнь (в том числе Латинской Америки, Мексики, Перу, Кубы) и литература. Больше внимания уделяется политико-экономическим темам и общественному быту. Наблюдается стремление беллетризировать отдел "Моды", что свидетельствует о его отмирании, и т.д. И хотя период мрачного семилетия задержал этот процесс перестройки, остановить его было нельзя. Уже в середине 50-х годов пересматривается роль публицистики, меняется взгляд на отдел

¹⁵ Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 8, с. 488.

¹⁶ Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 10. М., 1956, с. 235.

¹⁷ Там же, т. 8, с. 488.

"Смесь", изгоняются окончательно "Моды", совершенствуется и развивается жанр обзрений.

Н.П. Емельянов, исследуя внутреннее обозрение в русской журналистике, справедливо обратил внимание на то, что до середины 50-х годов "и по содержанию, и по форме, и по источникам" журнальная хроника "была скорее газетная, чем журнальная информация: все "новости" перепечатывались из столичных и провинциальных газет, а роль составителя хроники сводилась к простому монтажу газетных публикаций". И далее, устанавливая причины явления, Емельянов пишет: "В условиях застоя экономической, политической и общественной жизни дореформенной России, при неразвитости газетной периодики, явный перевес в публицистических отделах журналов "голой" информации до поры до времени воспринимается как должное"¹⁸.

До конца 40-х годов отдел "Смесь" наряду с некоторыми видами обзрений в журналах как бы компенсировал недостаток газетной информации. Однако с годами "безусловная полнота" злободневных сообщений все успешней осуществляется газетами. В этих условиях отдел "Смесь" при желании редактора мог послужить как общественно-политический отдел, которого в частных русских журналах фактически до конца 1859 г. не было, не считая краткого периода в журнале Карамзина "Вестник Европы". "Смесь" из отдела универсальн~~ого~~, энциклопедического превращается, не теряя характера универсальности, в идейно-целенаправленный. Настало время сказать словами Белинского: "Энциклопедизм есть не универсальность, а скорее односторонняя поверхность"¹⁹. Вот от этой "поверхности" и освобождаются периодовый журнал, отдел "Смесь" в конце 40-х, 50-60-е годы (процесс этот несколько затянулся в указанной выше ситуации мрачного семилетия).

Одним из первых это понял Некрасов и осуществил уже в "Современнике" в первые годы его издания. "Смесь" в "Современнике" 40-х годов – отдел острых откликов на политические и социально-экономические злобы дня антик~~рист~~ического характера. Здесь печатались "Хорь и Калиныч" Тургенева, статьи о рабстве негров в Америке, о значении железных дорог, развитии водного транспорта. Постепенно из отдела "Смесь" формируется отдел "Современное обозрение". Эволюция отдела "Смесь" с 1855 по 1858 г. прослеживается В.Е.Евгеньевым-Максимо-

¹⁸ "Русская журналистика XVIII-XIX вв. Из истории жанров.

Л., 1969, с. 80.

¹⁹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч., т. 2, с. 43. Это было ясно Белинскому в 1836 г., но тогда он еще не требовал преодоления энциклопедизма (там же, с. 49) в соответствии с теорией и практикой надеждинского "Телескопа".

вым в известной трилогии о "Современнике". С № 10 за 1858 г. материал, входящий в отдел "Смесь", стал печататься под рубрикой "Современные заметки", с 1859 г. вся публицистическая часть журнала, выросшая из "Современных заметок", получает название "Современное обозрение". Складывается новый двухчастный ежемесячный журнал, "общественный", как называла его сама редакция, "публицистический", как назовем мы 20.

Энциклопедизм в 60-70-е и последующие годы стал в основном признаком журналов для семейного чтения, журналов для юношества, самообразования²¹.

Освобожденный от необходимости давать повседневную информацию, в связи с ростом газет и сознания читателей, "Современник" и другие передовые журналы могли усилить научное содержание, имея в виду не столько информацию о прикладных знаниях, что делалось, скажем, у Полевого, Сенковского, сколько развитие мировоззренческих, социальных наук. В этом отношении значительнее был опыт "Телескопа" Надеждина и Белинского. Чернышевский в 1855 г. заявил: "Публика наша хочет иметь в журнале не только журнал, то есть орган известного мнения, но и ученый сборник"²². Это снова подчеркивало роль и значение публицистики как организующего начала журнала 60-х годов.

²⁰ Для обозначения особого типа журнала 60-х годов у нас еще нет соответствующего термина. Мы предлагаем термин "публицистический", исходя из того, что в 60-е годы публицистика достигла небывалого расцвета в журналистике XIX в., определяла лицо и характер журнала, хотя и не настаиваем на этом термине, рассматривая его как служебный.

²¹ См. рассуждение Лескова в письме С.А.Юрьеву, издателю журнала "Беседа", от 31 марта 1871 г.: "Надо же брать в расчет, что журнал выписывается для всей семьи, для целого дома, и половина Ваших читателей женщины ... Эта вся ученость не в их вкусе; а их вкуса Вы не должны забывать, ибо иначе они Вам отомстят злее всяких литературных врагов". Раньше "было гораздо удобнее, — продолжает он, — и самый разнообразный читатель находил себе тогда подходящее чтение, да и редакции виднее было, чего куда привести и примерить. Я бы непременно держался этой умной и удобной старины, столь соответствующей разности наших читателей в одном и том же семействе, где получается известный журнал" (Лесков Н.С. Соч. в 11-ти т., т. 10. М., 1958, с. 299).

²² Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч., т. 3. М., 1947, с. 45.

Это же высказывание показывает, что Чернышевский, опираясь на уже сложившееся общественное сознание разночинцев и продолжая его формировать, ставил задачу восприятия научно-го революционного мировоззрения, задачу, которую не ставил перед журналом больше ни один издатель после Чернышевского в XIX в. Она была под силу только социал-демократической печати.

Добролюбов в 1859 г. подчеркивал необходимость широкого публицистического комментирования событий в журнале, ибо "голые факты большею частью бывают известны... читателям, которые, предполагается, все пробегают хоть какую-нибудь из газет"²³. Такого взгляда был и Елисеев: злободневные новости, официальные сообщения читатель получает из "Сенатских ведомостей", ежедневных газет и еженедельников²⁴.

Из этого взгляда на предмет, естественно, проистекает усиление аналитичности всех публицистических материалов. Отсюда учительский тон "Современника" и "Русского слова", "Отечественных записок" Некрасова и Салтыкова-Щедрина, "Дела" и "Русского богатства". Отсюда и тип публициста — учителя поколения, учителя молодежи (Чернышевский, Писарев, Добролюбов, Михайловский). Связь идет как бы в одном направлении: журнал — читатель. На учительский тон по отношению к своим читателям претендуют и "Русский вестник" Каткова и "Время" Достоевского.

Этот тип журнала просуществовал долго, ибо соотношение между журналом и газетой в 60–90-е годы хотя и менялось, но преимущественно в количественном отношении, не менялись и общие социальные задачи журналистики; качественные изменения накапливались только к 90-м годам. Но уже в середине 80-х годов начались дискуссии о типе журнала, его основных функциях, затронувшие важный вопрос о связи журнала и общественного мнения, массового сознания.

В 1884 г. в журнале "Вестник Европы" читаем: "Журналы — не только способы воспитания общественной мысли; это способы выражения ее"²⁵. А в середине 90-х годов журналисты прямо заявляли: "Журнал должен быть и может быть выразителем мнений и стремлений той или иной общественной группы; журнал почерпает жизненную силу в программе своей группы, является руководителем этой группы, развивая ее программу в ее логическом ходе и последствиях"²⁶.

²³ Добролюбов Н.А. Соч. в 9-ти т., т. 9. М., 1964, с. 418; см. так же, т. 2. М., 1962, с. 419.

²⁴ "Современник", 1861, № 9, с. 58 второй пагинации.

²⁵ "Вестник Европы", 1884, № 12, с. 947.

²⁶ "Жизнь", 1897, № 14–15, с. 347.

Нетрудно догадаться, что речь идет о таком "партийном" журнале, который в прямом смысле является органом партии (в данном случае речь идет о либеральной партии) и который не мог быть осуществлен легально в России до революции 1905 г. Это стремление к выражению общественного мнения "Русская мысль" в 1900 г. трусливо сформулирует как "право просить"²⁷. Недалеко ушли от буржуазных либералов и народники 90-х годов. Но все же теперь, на рубеже веков, журнал рассматривается не только как воспитатель, но и как возможный орган давления на правительство, правящие классы. Это то, на что обращал внимание еще Пушкин, сопоставляя русскую журналистику с европейской: "Журнал в смысле, принятом в Европе, есть отголосок целой партии"²⁸.

Но и Пушкин и автор заявления в журнале "Жизнь" оговаривались, что таким журнал может быть только в развитом европейском государстве, а не в России. Более 60 лет общественного прогресса не изменили внешних условий развития легальной журналистики. Только в начале XX в. идеологи как демократического, так и либерального направления начнут практически организовывать органы выражения своих партийных мнений: социал-демократы – нелегальную "Искру" (1900), буржуазные либералы – нелегальное "Освобождение" (1902) и др.

И здесь обнаружилось, что газета и журнал как типы издания отличаются в своих возможностях по отражению, выражению общественного мнения.

Уже в эпоху альманахов и формирования энциклопедического журнала и даже ранее все журналисты и издатели считали, что журналистика, печать преимущественно формируют общественное мнение, точнее, массовое сознание. Так считал Белинский, когда мечтал об авторитетном журнале как воспитателе эстетического вкуса и здравых понятий. Конечно, практические цели Белинского далеко выходили за рамки эстетики и литературы, особенно с его возмужанием как общественного деятеля, но прямые высказывания сводятся именно к подчеркиванию воспитания посредством журнала эстетических вкусов, нравственности, высоких чувств, т.е. печать рассматривалась преимущественно как орудие воспитания сознания определенной части общества. То же самое можно сказать о Полевом периоде издания "Московского телеграфа".

Сходные взгляды на роль печати проводили в своих интересах Булгарин и Греч. Сопоставляя в 30-е годы русскую журналистику с европейской, они толковали их различия, восхваляя при этом якобы особые достоинства русской официальной и полеофициальной печати. Булгарин и Греч считали, что "чтение

²⁷ "Русская мысль", 1900, № 2, с. 171.

²⁸ Пушкин-критик. М.-Л., 1934, с. 257.

благонамеренных журналов более распространило у нас и укоренило развитие многих познаний, нежели учебное заведение...". Но влияние журналистики сказывается не только в просвещении. "Общие мнения" формируются в "покорном народе" именно печатью, ибо все даровитые писатели работали в ней²⁹.

Соглашался и Пушкин с тем, что печать прежде всего формирует мнения общественности, хотя он смотрел более глубоко на роль прессы и считал, как мы уже видели, вопреки Булгарину и Гречу, что русская журналистика отстает от европейской потому, что не отражает ясно интересов политических партий.

Однако формирование общественного сознания, общественного мнения в 20-30-е годы носит преимущественно оттенок просветительства, просветительства в том смысле, что воспитание читателя строилось в основном на материалах искусства, литературы, критики, реже — философии. На первом плане стояли цели нравственного развития личности. Не случайно многие журналы в названиях, программах подчеркивали, что они — органы просвещения: "Соревнователь просвещения и благотворения", "журнал современного просвещения" — "Телескоп"; в программе "Европейца", в "Отечественных записках" было подчеркнуто содействие "русскому просвещению" как цель издания. И даже один из реакционнейших журналов 40-х годов, стараясь ввести в заблуждение читателей, назвал себя "маяком современного просвещения", вкладывая в понятие "просвещение" религиозно-охранительную программу.

Журнал часто был рассчитан не на людей определенного мировоззрения, а на недифференцированную аудиторию по профессии или общественному положению (речь не идет об отраслевых изданиях), на семью.

В 60-е годы роль журналов в формировании общественного мнения еще больше увеличивается. Причем тон задают частные демократические журналы. Но формирование общественного сознания в них принимает характер (особенно в годы революционной ситуации) целенаправленной политической пропаганды. Охранительные журналы, газеты должны действовать подобным же образом, т.е. усиливать под воздействием демократической пропаганды прямую идеологическую защиту монархизма и контрреволюции.

Двуединая задача печати — формировать и выражать общественное мнение — находится в сложном диалектическом единстве. Исторически то одна, то другая сторона выходит на первый план. Вернее сказать, уровень развития политической жизни, положение масс определяют то, что журнал как бы нарушает эту диалекти-

²⁹ "Сын Отечества", 1829, № 9, с. 83. В свою очередь, неблагонамеренная, демократическая печать, считал позднее Булгарин, воспитала нигилистов, социалистов и атеистов.

ку и преимущественно в первой половине XIX в. формирует общественное мнение, массовое сознание, опираясь на теоретическую работу сравнительно небольшого числа идеологов, учит аудиторию. Причем чем меньше активных деятелей в обществе, уже круг лиц, которые "делают" журналистику, тем сильнее проявлялась эта цель — формировать общественное мнение, воспитывать общественное сознание, мирозерцание и мировоззрение людей.

Так, демократические публицисты 40–60-х годов, отражая интересы крестьян (не их общественное мнение), воспитывали общественное мнение, мирозерцание разночинцев. Разночинская масса проснулась к историческому действию, но в силу общего экономического и политического положения она еще не имела своих союзов, партий, клубов или других объединений. Масса была потенциальной, несорганизованной.

Публицистический журнал 60-х годов главное внимание отводит не просвещению, не нравственному развитию своих читателей, не литературе и искусству, а проблемам общественно-политической жизни, идейному объединению. Основная задача прежняя — воспитание, формирование общественного мнения, сознания, но уже у более определенного (социальным положением, настроением) круга читателей. Журнал перестал удовлетворять всю семью. Отцы и дети по-разному подчас оценивали один и тот же факт, один и тот же журнал, поскольку дело касалось вопросов политики, экономики, коренных интересов каждого.

"Учительская" роль журнала еще больше возрастает. Лозунги и призывы Герцена, иностранные обзоры "Современника" с анализом общественных процессов, действий исторических личностей учили жить, бороться, верно понимать аналогичные ситуации в своей собственной стране. История общественного движения на Западе под пером Чернышевского, Добролюбова являлась как бы "учебным пособием" для России. Литературно-критические статьи, рецензии "Русский человек на rendez vous", "Не начало ли перемены?", "Что такое обломовщина?", "Когда же придет настоящий день?" и другие учили участию в общественно-политической жизни, борьбе, приобретали (наряду с эстетическим) программно-политическое, революционно-пропагандистское значение. Не случайно В.И. Ленин сравнивал статью Добролюбова "Когда же придет настоящий день?" с прокламацией.

И пожалуй, только в статьях Чернышевского о крестьянской реформе отчетливо сквозило стремление выразить, отразить общественное мнение³⁰. Не менее важную роль играли Писарев,

³⁰ См. "Устройства быта помещичьих крестьян. (Материалы для решения крестьянского вопроса)", "Письма без адреса" и др. "Мы хотим, — писал Чернышевский, — самым умеренным и спокойным образом обозначить, какое решение вопроса могла

воспитывая, пропагандируя реалистическое мышление, хотя в условиях спада революционного движения у него и "Русского слова" снова стали проявляться просветительские тенденции в пропаганде. У "Современника" и "Русского слова" в 60-е годы были разные оттенки "учительства", но тип журнала обозначился ясно.

О таком преимущественном характере передового журнала говорят многие источники и многие деятели печати, в том числе и реакционные. Например, Буренин в журнальном обозрении № 41 "Спб. ведомостей" за 1973 г. отмечал злобно, но верно: "... прежде были герои, руководители, передовые деятели, направляющие вкусы массы и заставляющие ее идти за собою. Нынче наоборот: масса увлекает за собой героев...". Буренин нарочито игнорирует и унижает руководителей общественного мнения 70-х годов, но он прав в высокой оценке журналистики 40-60-х годов, ее пафоса.

Лорис-Меликов в 1880 г. в одном из верноподданных докладов царю указывал, что печать в России имеет "своеобразное влияние, не подходящее под условия Западной Европы, где пресса является лишь выразительницею общественного мнения, тогда как у нас она влияет на само его формирование"³¹. Это наблюдение базируется на практическом опыте.

Задача формировать, воспитывать, просвещать все новые и новые круги читателей возникла на русской почве исторически. Передовой журнал должен был стать и стал "способом воспитания", как выразил журнал "Вестник Европы" в 1884 г., общественного мнения, общественной мысли.

Но вместе с тем росло и отражение общественного мнения, общественного сознания. Это стало очевидным к середине 80-х годов. Об этом говорят журнальные мнения того времени. Народническая подпольная печать подтолкнула мысль в этом направлении. Тип журнала уточняется в спорах. Не всегда еще все выяснено: остались прежние условия жизни для легальной печати в самодержавном государстве, но "учительский" тон, характер, или, как говорит А.Ф.Бережной, "духовно-организующий" тип журнала, устаревает. Растет потребность в выражении общественного мнения, превращения журнала, газеты в средство давления на царское правительство.

Именно в связи с потребностью выражения общественного мнения, если можно назвать мнения революционного народни-

бы... соответствовать идеям... существующим в поселянах" (Чернышевский В.Г. Полн. собр. соч., т. 5. М., 1950, с. 713).

³¹ "Былое", 1918, кн. 4-5, с. 160.-Цит. по кн.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870-1880 годов, с. 211.

чества "общественным", в конце 70-х - 80-е годы формируются органы подпольной печати, предъявляющие правительству "формальные требования"³² уничтожения монархии. Постепенно создаются действующие (народнические) и будущие (буржуазные) партии. Уже из опыта демократов 60-х годов, народников 70-80-х годов выясняется, что в русских условиях второй половины XIX в. не журнал, а преимущественно газета, и даже листок, листовка, прокламация способны быть выразителем общественного мнения. Революционные народники, начиная свою издательскую деятельность за границей, шли от выпуска журналов к газете, а перенеся свою издательскую деятельность из-за границы в Россию, издавали уже только газеты.

Если русские журналы XIX в. в основном - органы ограниченной аудитории, интеллигенции и даже ее отдельных слоев (не считая, разумеется, псевдонародных журналов), то с газетами дело обстоит несколько иначе. Уже в 60-е, а особенно в 70-80-е годы появляются газеты массовые, народные, мешанские, городские, в том числе региональные; больше оттенков имеют газеты и по направлению. В силу такой дифференцированности и оперативности газета чаще, нежели журнал, стремилась и могла отражать общественное мнение, массовое сознание определенной группы населения. И это было подмечено современниками. "Газеты как орган *разных партий общественного мнения* выдвигаются на первый план в литературе" (курсив наш. - Б.Е.)³³, - читаем в объявлении об издании газеты "Очерки" в 1862 г. "Русская мысль" в 1897 г. пишет: "Журналы все более и более стушеваются перед ежедневной газетой, *этой выразительницей общественного мнения*, принято говорить, а вернее - отголоском его невыяснившихся и неопределившихся настроений" (курсив наш. - Б.Е.)³⁴.

Реально в самодержавной стране в легальной печати могла идти речь только о выражении разновидностей оппозиционного буржуазного общественного мнения. Но от этого не меняется принципиальная постановка вопроса. Журнал точно подметил, что газета лучше, прямее отражает требования различных сословий, хотя и говорит о требованиях "толпы". Однако понятие "толпы" для конца XIX в. как раз и предполагает многосословность.

Эта особенность проявляется достаточно четко и в газетах, связанных с купеческими, промышленными, земскими и прочими кругами. С появлением рабочих, социал-демократических газет это стало особенно очевидно.

Подобная роль газеты бросается в глаза и при рассмотрении областных русских газет, получивших большое развитие во вто-

³² Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 258.

³³ "Северная пчела", 1862, № 280.

³⁴ "Русская мысль", 1897, № 1, с. 36.

рой половине XIX в. Сибирские буржуазно-демократические, либерально-буржуазные газеты 70-80-х годов представляли интересы и общественное мнение Сибири, уральские — Урала. "Кубанские областные ведомости" 90-х годов преимущественно выражали общественное мнение местной либеральной интеллигенции. Они просто не осмеливались, да и сил не было, активно формировать общественное мнение местного населения. Газета искала круг читателей, который бы стремился заявить о своих взглядах на русскую жизнь, культуру, даже политику. И она находила его в окрепшей к тому времени местной буржуазной интеллигенции.

Так складывается и в основном закрепляется и на последующее время для русской оппозиционной печати распределение задач: журнал тяготеет преимущественно к формированию, газета — к отражению общественного мнения, общественного сознания. И это верно, несмотря на то, что русская легальная газета была робка и непоследовательна по отношению к самодержавию.

Все это, разумеется, не носит абсолютного характера. Исключения здесь есть. "Искра", например, решала обе задачи одновременно и одинаково сильно. "Русские ведомости" раньше других буржуазных газет стали претендовать на выражение общественного мнения и т.д. Но указанная выше тенденция все же прослеживается в прошлом нашей печати.

Закреплению таких функций, возможно, способствовало и то, что в России печать с первых ее шагов именно в газете формировала правительственное общественное мнение. И желание противопоставить иное, оппозиционное общественное мнение, естественно, проявилось прежде всего в газетной форме. Но главным остается, конечно, сам тип ежедневного издания, более оперативный, более распространенный и приспособленный для участия в повседневной политической жизни.

Русский ежемесячный журнал не смог стать вплоть до 1917 г. изданием массового спроса. Тесно связанный с буржуазной интеллигенцией (не с производящими классами), он в конце века именно как орган воспитания пришел к определенному кризису, оказался в тупике. "Начиная с конца пятидесятих годов и вплоть до настоящего времени, — писал Плеханов в 1890 г., — у нас и литературой и политикой больше всего занимался тот особый, "разночинский" слой, который называет себя "интеллигенцией". В последние тридцать лет наша передовая публицистика всеми своими достоинствами и всеми своими недостатками была обязана почти исключительно этому слою...

Русская интеллигенция никогда не имела ни экономической, ни материальной силы. Она всегда была бедна и малочисленна, но у нее было свое могучее оружие, которое мы назовем оружием идеи. Бедная и малочисленная наша интеллигенция как главная представительница умственного труда являлась весьма значительной общественной силой, пока ее идеи хоть немного соответствовали общественному состоянию России. Но если в

идеях заключается источник силы **ее**, то те же идеи могли явиться и причиной ее слабости. Представьте себе, что по тем или иным причинам господствующие в среде интеллигенции идеи перестали соответствовать общественному состоянию России и что благодаря этому она сама перестала в них верить. Что будет представлять собою в таком случае русская интеллигенция? Ровно ничего"³⁵.

Это было справедливо как по отношению к буржуазной интеллигенции, так и по отношению к народникам. Только переход на позиции научного социализма, рабочего класса мог обеспечить русскому журналу дальнейшее развитие.

Несколько неожиданно в начале 90-х годов в ряде журналов вновь появляется обширный отдел "Смесь", характерный для времени энциклопедического журнала. Казалось бы, газетная информация стала настолько всеобъемлющей, что журналу нет смысла иметь отдел мелких, оперативных известий, сообщений. Но нет. У части ежемесячников, стремившихся к просветительской программе, прежде всего журналов для юношества и самообразования ("Мир божий", "Образование"), этот отдел развивается. Бурный рост науки, техники, промышленности, расширение межнациональных связей, разнообразие общественного и бытового уклада народов мира определяли широту информации отдела "Смесь". Он принципиально сродни газетной информации, хотя и реализуется в особых специфических формах, ориентируется на иные факты, преимущественно из области науки, не получившие освещения в газетах из-за недостатка площади и малой злободневности.

Но это характеризует не всю журналистику, а только некоторые типы ежемесячников и не противоречит отмеченным выше тенденциям.

Итак, в тесной связи с развитием общественности, с развитием газетного дела, с выяснением специфики **каждого** типа периодических изданий все яснее определяются их возможности, все совершеннее становится система печати. Социальные условия могут способствовать наилучшему проявлению этих возможностей, развитию системы печати или, наоборот, тормозить их. В русских дореволюционных условиях развитие журнальных форм, системы печати тормозилось политикой господствующих классов, а в конце века еще и известной оторванностью значительной части интеллигенции от народных масс, наиболее передовых слоев трудящихся — промышленного пролетариата. Только связь с рабочим классом могла обеспечить дальнейшее развитие прогрессивных форм периодической печати, наиболее полное выявление заложенных в каждом типе качеств и свойств.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Примерная программа изучения газет

1. Название газеты и место издания.
2. Дата основания газеты, дата выхода первого номера.
3. Первый издатель. Первый редактор. Биографические сведения о них.
4. Условия возникновения газеты. Есть ли об этом статьи в ней.
5. Последующие издатели и редакторы. Биографические данные о них.
6. Направление газеты, первоначальное и последующее. Указать номера, в которых выражена программа, направление.
7. Перемены в программе газеты. Время, причины перемен.
8. Газета об условиях существования печати своего региона.
9. Основные сотрудники газеты (местные и столичные).
10. Карательные меры правительства, администрации и цензуры против газеты. Время. Причины. Перечень номеров и отдельных статей, вызвавших преследования.
11. Правовое положение сотрудников в данной местности.
12. Тираж газеты, количество подписчиков.
13. Цена годовой подписки, стоимость одного номера.
14. Условия розничной продажи.
15. Состав читателей. Кому адресована газета.
16. Отклики прессы (наиболее важные), мнения читателей о газете.
17. Обстоятельства прекращения газеты.
18. Характер и состав типографии, где печаталась газета.
19. Сведения о доходах и расходах газеты.
20. Субсидии.
21. Трестирование. Газетно-журнальные объединения и данная газета.
22. Характер приложений.
23. Объем, количество листов, полос, колонок в номере.
24. Особенности верстки. Шрифты, клише, иллюстрации.
25. Наличие передовиц, их характер. Постоянные рубрики.
26. Реклама, ее стоимость, объем.
27. Соотношение политической информации и рекламы. Общая тенденция в % или столбцах с изменением по десятилетиям.

28. Материалы телеграфных агентств и собственных корреспондентов.
29. Объем перепечаток из других газет.
30. Соотношение гонорарного и безгонорарного материала в % или столбцах.
31. Наличие архива газеты в местных архивах и музеях.
32. Полнота комплекта в месте издания. Наличие газеты в общесоюзных хранилищах.

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Некоторые общие вопросы изучения газет и газетного дела	9
Глава II. Русская буржуазная газета в оценке В.И.Ленина	60
Глава III. Газета, правительство, капитал (к вопросу об экономической зависимости прессы)	89
Глава IV. Вопросы типологии русской журналистики в связи с развитием газетного дела	110
Приложения	130
Примерная программа изучения газет	

Борис Иванович Есин

Русская газета и газетное дело
в России

Зав.редакцией М.Д.Потапова

Редактор Т.М.Ильенко

Обложка художника М.М.Мержиевского

Художественный редактор М.Ф.Евстафьева

Технический редактор Г.Д.Колоскова

Тематический план 1981 г. № 80

ИБ № 1168

Подписано к печати 27.04.81. Л-96976. Формат 60х90/16

Бумага офсетная № 1, Офсетная печать. Усл.печ.л. 8,25

Уч.-изд.л. 8,72. Тираж 2460 экз. Заказ 1795.

Цена 1 р 30 к. Изд. № 1358

Издательство Московского университета

103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.

Типография Изд-ва МГУ. Москва, Ленинские горы.

